

848,
С-50

Н.К. СМЕРНОВ

МАТРОСЫ ЗАЩИЩАЮТ РОДИНУ

Caluynot.

013846

Подготавливая книгу ко второму изданию, я старался учесть все полезные советы и замечания, высказанные в многочисленных откликах читателей. Особенно ценными явились для меня письма участников войны на Балтике, в которых назывались новые имена отважных людей, сообщались подробности и дополнительные факты об упомянутых в книге событиях.

Не могу согласиться с теми товарищами, которые считают, что в своих воспоминаниях я должен был больше уделить внимания оперативно-тактическим вопросам. Я не ставил и не ставлю перед собой такой задачи. Книга рассчитана не на военного специалиста, а на массового читателя, и мне кажется наиболее важным на многочисленных примерах и фактах показать силу и значение нержавеющей оружия — морального фактора.

Во втором издании книги более широкое освещение получили: оборона Таллина, боевые действия подводников, роль Балтийского флота на заключительном этапе войны и некоторые другие интересующие читателей вопросы. В ряде читательских писем выражалось также желание подробнее узнать о петергофском десанте, Усть-Тосненской операции, снайперах, гибели эсминца «Гордый», защитниках крепости «Орешек». В новом издании читатели найдут ответы на эти вопросы.

В процессе работы над книгой пришлось встретиться, поговорить со многими боевыми товарищами, которые помогли восстановить в памяти многие детали и подробности боевых действий. Выражаю глубокую признательность А. В. Смильникову, В. А. Лебедеву, В. В. Карякину, А. А. Матушкину, С. А. Томилову, И. С. Булату, А. Н. Мушникову, В. И. Ачкасову, П. Д. Грищенко, Н. В. Дутикову, И. В. Колунаеву и другим товарищам, оказавшим своими советами и материалами помощь в подготовке второго издания.

Предисловие

За последние годы мы познакомились с большим количеством книг, посвященных дням великой битвы за нашу Родину с самым коварным врагом — с германским фашизмом. Но количество этих хороших книг далеко еще не так велико, чтобы интерес к ним мог ослабеть.

И если маршалы Советского Союза В. И. Чуйков, А. И. Еременко, С. С. Бирюзов и другие очень интересно и поучительно рассказали о днях великой битвы, о героизме нашего народа, о победах Советской Армии, о роли Коммунистической партии в защите нашей Родины, то еще мало сказано о людях флота, об их героических делах на море, под водой, в воздухе и на суше. А ведь флот всегда был верным помощником больших дел нашей доблестной Советской Армии и вместе с нею отстоял нашу землю от полчищ фашистов.

О матросах и старшинах, офицерах и адмиралах есть что рассказать. На примерах небывалого мужества и героизма людей флота есть чему поучиться молодому поколению, отстаивающему дело мира во всем мире, строящему коммунизм.

Этой благородной цели — показу людей флота, их скромной, но полной героизма деятельности в дни Великой Отечественной войны и посвящена книга бывшего члена Военного совета Краснознаменного Балтийского флота вице-адмирала в отставке Н. К. Смирнова.

Автор книги не случайный человек на флоте. Начав с одиннадцати лет свою трудовую деятельность у себя на родине в Вологодской губернии, Николай Константинович Смирнов был молотобойцем, кузнецом и слесарем. Комсомолец с 1920 года, он по комсомольскому призыву пришел на флот в 1923 году. Здесь, вступив в члены партии, он прошел славный путь от рядового матроса до члена Военного совета Краснознаменного Балтийского флота. В этой высокой и от-

ветственной должности он был от начала войны до дня победы над Германией.

К сожалению, почти все мы, офицеры и адмиралы, не вели тогда дневников великих событий, о чем теперь, как и автор книги, говорим не без досады. Слишком велики и стремительны были тогда события, и мы не были спокойными и хладнокровными созерцателями их. Каждый день и час увлекал и захлестывал нас обилием дел.

Родина, Советская власть, наш народ были в величайшей опасности, и все силы и помыслы были направлены на разгром ненавистного врага. Тогда было не до дневников. Оставались лишь минуты для кратких заметок, понятных теперь лишь автору этих записей.

В книге «Матросы защищают Родину» рассказывается прежде всего о замечательных матросах и офицерах, сражавшихся на Балтике. В данном случае «матросы» являются собирательным, обобщающим понятием, ибо кто же из нас, офицеров и адмиралов, не был, по существу, матросом в самом лучшем смысле этого слова? В книге показано место Краснознаменного Балтийского флота в деле борьбы с врагом на северо-западном театре военных действий, показаны боевые традиции флота, стойкость и мужество личного состава флота, источниками которых были патриотизм, преданность идеям партии, убежденность в правоте нашего великого дела.

Книга рассчитана на массового читателя. Назначение книги определило ее богатое содержание и образный язык. Читается она легко и с большим интересом. Автор написал книгу, обладая большим фактическим материалом. Прежде всего он пишет о тех событиях, свидетелем или участником которых он был. Но там, где автору изменяла память, он прибегал к архивным материалам, воскрешавшим со всею точностью в памяти ряд событий. Воспоминания поэтому не грешат и перед историей.

Н. К. Смирнов рассказывает главным образом о людях флота: о подводниках и летчиках, о моряках надводных кораблей и морских пехотинцах. При этом факты излагаются с позиций партийно-политического руководителя.

В книге рассказано о громадных трудностях начального периода войны, об обороне флотом своей главной базы — Таллина и о той роли, которую сыграла оборона Таллина силами флота и 10-го армейского корпуса, оборона островов и полуострова Ханко в деле защиты Ленинграда.

С огромным интересом читаются страницы, посвященные действиям флота в обороне Ленинграда и борьбе моряков на Ладожском озере за «дорогу жизни».

Последние разделы посвящены победному периоду разгрома гитлеровской Германии и очищению Балтийского моря от фашистских пиратов. Начиная с восьмой главы, расправляются у читателей насупившиеся брови, улыбкой озаряется лицо, слышится вздох облегчения. Да, мы прорвали блокаду Ленинграда, и Краснознаменный Балтийский флот вместе с Советской Армией устремился на запад освобождать эстонское и латвийское побережье, базы флота и города. В этих главах автор убедительно показал, как выросло, в чем выразилось военно-морское мастерство наших людей. Об этом говорят действия подводников и летчиков, десантников и команд торпедных катеров и тральщиков, о которых с любовью рассказывает автор.

И как часто бывает в нашей военно-морской литературе, забытыми, к сожалению, остались или почти не отмеченными офицеры штабов флота, морской авиации и тыла флота. Эти большие коллективы специалистов, преданных нашему делу, хотя сами непосредственно не топили кораблей противника, не бросали на них бомб, не высаживались в десантах на вражеские берега, но от работы этих скромных тружеников так часто и так много зависел успех или неуспех любой операции. Все эти люди, работавшие в аппарате управления флотом, всегда рвались на действующий флот, на корабли, на самолеты, в строй морской пехоты. Но их оставляли работать в штабе, и они понимали свои задачи, свой партийный долг, скромно и мужественно выполняли его на своих постах, обеспечивая проведение в жизнь решений Военного совета флота и командования Ленинградского фронта. Об этих людях автору не удалось сказать в широком плане, в этом нельзя не упрекнуть его, поскольку он ежедневно видел их работу. Это должны учесть будущие исследователи войны и мемуаристы.

В достижении наших побед колоссальное значение имел морально-политический фактор, особенно в самый тяжелый период наших неудач и вынужденного отступления. Автор убедительно, на ряде живых примеров показывает всю силу и значение высокого морального духа личного состава, в формировании которого верный тон задавали коммунисты и комсомольцы. Автор подает эти мысли не навязчиво, а с должным тактом, памятуя, что в бою трудно было отличить

беспартийного воина от коммуниста. Заслуга Коммунистической партии в том и состоит, что она сумела мобилизовать, сплотить и поднять на борьбу с врагом весь советский народ. О ведущей роли партийных организаций во всех боевых делах говорят факты, все поступки, высказывания матросов и офицеров и собственные суждения автора. В этом огромное достоинство данной книги.

Прошло много лет с того дня, как отгремел салют в честь победы нашей Родины. Милитаристские круги на Западе стараются забыть источники силы и могущества Советского Союза, столь полно сказавшиеся в битве с фашизмом.

На этот вопрос хорошо отвечает данная книга. Пусть молодежь внимательно изучает дела и мысли своих отцов и братьев, героически защищавших свою Родину на седой Балтике. А если все же нам навяжут схватку, то новые молодые силы армии и флота будут сражаться еще лучше за Родину, за великие завоевания нашей страны и всего социалистического лагеря.

Адмирал Ю. Пантелеев,
бывший начальник штаба
Краснознаменного Балтийского флота,
профессор

БЫВШИЙ Константиновский дворец в Стрельне оживал рано. Настежь распахивались окна. Во двор выбегали крепкие, жизнерадостные люди, перебрасывались шутками. Они набирали полную грудь прохладного воздуха и с шумом выдыхали его, разминали ноги, мускулы рук. И хотя были далеко не молоды, утреннюю гимнастику проводили в хорошем темпе, как и положено людям военным.

С ленинградской электрички спешили служащие, лаборанты, преподаватели. Звучал сигнал к занятиям, и во дворце наступала тишина. Она оберегала напряженный труд слушателей Курсов усовершенствования высшего и старшего политического состава Военно-Морского Флота.

Курсы были созданы осенью 1940 года. Советский флот быстро рос, набирал силу. На корабли, в части береговой обороны, в морскую авиацию нужны были кадры хорошо образованных политработников.

Большую программу следовало осилить в короткий срок. Занимались слушатели вплоть до отбоя. Частенько дежурный обнаруживал «беспорядки» в спальнях и после сигнала ко сну. Наутро мне, начальнику курсов, докладывали, что бригадный комиссар такой-то готовился к занятиям после одиннадцати часов вечера. У начальника есть обязанности: приходилось вызывать «нарушителя» и делать ему внушение...

Да! Никто из нас в первые июньские дни 1941 года не мог и мысли допустить о том, что через каких-нибудь три месяца залы нашего прекрасного дворца займут фашистские молодчики в светло-зеленых мундирах. А в старинном парке — любимом месте отдыха ленинградцев — вместо смеха раздастся плач, вместо песен — стоны.

Субботний день 21 июня выдался на редкость хорошим. Парк благоухал. С моря дул легкий освежающий ветерок. Потянуло на воздух. Немного раньше обычного и мы, руководители курсов, покинули расположение части. Жил я не-

далеко от Константиновского дворца в небольшом домике, утопающем в зелени. По дороге зашел к садовнику — заказал цветы. Завтра день рождения дочери.

В парке звенела россыпь молодых голосов, и почти рядом с домом то грустно, то раздольно и широко пел баян...

Проснулся, когда первые солнечные лучи проникли в раскрытое окно. На подоконнике стояли розы. На пунцовых, бледно-желтых, голубоватых лепестках еще не совсем распустившихся бутонов сверкали алмазные капли росы. И вдруг за окном над цветами появилось испуганное лицо краснофлотца — вестового. В руках винтовка. Через плечо противогаз. Растерянно докладывает:

— На курсах тревога!

От дежурного узнаю — война! Слушатели почти все в сборе. Уволились с ночевкой всего лишь несколько человек. Собрались в главном зале. Двухметровые позолоченные люстры, огромные бархатные шторы, все убранство зала располагает к торжественности, праздничной приподнятости. Но сегодня приподнятость другая — строгая, напряженная. Люди суровы и взволнованны.

Открываю митинг. Волнуюсь, как и все:

— Товарищи! Настало время, к которому мы готовились. Целиком, без остатка отдадим себя в распоряжение Родины...

Выступают слушатели. Говорят коротко, горячо. Тревога в сердце, тревога в глазах.

Константиновский дворец превратился в боевой лагерь. Назначений еще нет, но все уже укладываются, готовятся выехать на фронт в любую минуту. К слушателям приехали жены. Нарушен былой строгий порядок, но не нарушена дисциплина. На уме у всех одно — когда придут назначения?

Приказы о назначении слушателей стали поступать 23 и 24 июня. И вот уже полковой комиссар Быков Михаил Гаврилович, назначенный на Черноморский флот, полусмутливо, но с оттенком грусти «докладывает» товарищам, показывая на бригадного комиссара Серебренникова Леонида Васильевича, получившего назначение на Балтику:

Дан приказ ему на запад,
Мне в другую сторону...

Слушателям курсов доверяются ответственные посты. Полковой комиссар Обидин Виталий Иванович назначен заместителем командира бригады подводных лодок, полковой

комиссар Полярный Александр Николаевич — заместителем начальника отдела политической пропаганды авиационного соединения. На эскадру Черноморского флота уезжает батальонный комиссар Почупайло Яков Гурьевич, в штаб Северного флота — батальонный комиссар Шиян Николай Герасимович. Недовольны лишь товарищи, получившие назначение в Москву да на Дальний Восток.

Коллектив слушателей и преподавателей на курсах сложился крепкий, работали дружно, расставание получилось грустным. Люди хорошо понимали, что не всем доведется встретиться вновь. Но твердо верили: краснеть друг за друга не придется. И мы не ошиблись. Слушатели наших курсов в годы войны непреклонно выполняли волю партии, были верными ее солдатами.

В конце июня Константиновский дворец опустел. Уехали к новому месту службы преподаватели, уволился обслуживающий персонал.

Опустел и Стрельнинский парк. Дачники спешно разъезжались. Через город шли землеройные машины, мчались грузовики с людьми, вооруженными лопатами, ломami и другими инструментами. Рабочие, служащие, студенты ехали на сооружение оборонительных линий...

...Получил назначение и я. Прибыл в Ленинград, где принял дела заместителя начальника военно-морских учебных заведений. Фронт это или тыл? Название должности мирное, а дела, которыми занималось тогда Управление вмузов, фронтовые. На базе вмузов была создана «Морская оборона Ленинграда и озерного района». Мне было приказано занять пост заместителя командующего по политчасти этого своеобразного формирования.

Название действительно звучало несколько непонятно. По существу же формирование правильное. Штаб Краснознаменного Балтийского флота находился в главной базе — Таллине. Управлять оттуда морскими частями, расположенными в Ленинграде и на Ладожском и Онежском озерах, было трудно.

Весть о разбойничьем нападении фашистов город Ленина встретил сурово и мужественно. Уже 22 июня тысячи рабочих с прославленного Кировского завода, «Красного выборжца», «Светланы» и других предприятий подали заявления с просьбой направить их на фронт. Первый день войны был

воскресным днем, но во второй половине рабочие и инженерно-технические работники стали к станкам.

Против Ленинграда командование гитлеровской армии направило огромные силы.

В направлении Псков — Ленинград из района Тильзита наступала группа армий «Север» под командованием фельдмаршала фон Лееба. В ее составе были 16-я и 18-я армии и 4-я танковая группа. С воздуха эту армаду поддерживал 1-й воздушный флот, имевший 1070 боевых самолетов в строю. Группе армий «Север» ставилась задача разгромить наши войска в Прибалтике и при поддержке моторизованных соединений группы армий «Центр» захватить Ленинград и Кронштадт.

Ленинградцы тогда еще не знали, какие силы движутся в направлении их города. Но они быстро усвоили лозунг Коммунистической партии: «Все для Красной Армии, все для победы!»

Подымались стар и млад. В народное ополчение записывались и ветераны, громившие полки Юденича на Пулковских высотах в 1919 году, и юноши, окончившие этим летом десятилетку. На фронт уходили целыми семьями, а тех, кто ушел, на производстве заменяли женщины, подростки, вернувшиеся к местам прежней работы пенсионеры.

Никогда так не были едины наша армия, народ и партия, как в тот грозный и тяжелый час. Запомнился эпизод 10 июля. В тот день противник начал наступление на Петрозаводском и Олонецком направлениях. Армейские части у нас там были малочисленны и отразить натиск превосходящих сил врага не смогли. Из Ленинграда отправилось несколько отрядов в сторону прорыва. Среди них был только что сформированный морской отряд. Уходил он под вечер. Напутственное слово — и военные моряки двинулись от здания Адмиралтейства.

Шли краснофлотцы молча, твердо печатая шаг. Когда колонна появилась на Дворцовой площади, из толпы, стоявшей у решетки сада, отделился высокий седоусый человек в кожаной кепке. Он зашагал рядом с командиром отряда, потом повернулся лицом к строю и громко запел:

Слушай, товарищ,
Война началась...

Поначалу вышла заминка. Но затем краснофлотцы дружно подхватили припев песни. И здесь произошло еще бо-

лее замечательное. Сотни людей, окружив отряд, зашагали рядом с бойцами. Так они и вошли плечом к плечу на Дворцовый мост: труженики города Ленина и матросы, уходившие на фронт. И как клятва верности революционным и боевым традициям города, над притихшей Невой неслись волнующие слова:

Смело мы в бой пойдем
За власть Советов.
И как один умрем
В борьбе за это...

Немногим более двух недель пробыл я в Ленинграде. Все дни с утра до поздней ночи были заполнены спешными делами — вместе с командующим Морской обороны Ленинграда и озерного района контр-адмиралом К. И. Самойловым проверяли боевую готовность, формировали истребительные отряды. «Морская оборона» располагала значительными силами. В нее входили все корабли, учебные заведения, морские части, расположенные в Ленинграде, на Ладожском и Онежском озерах, и новые формирования на подступах к городу. На одном только Ладожском озере были сосредоточены: дивизион канонерских лодок, дивизион тральщиков, несколько десятков катеров, артиллерийский дивизион, батальон морской пехоты, школа боцманов, подразделения гидрослужбы. Все эти части были усилены и укреплены и в дальнейшем составили костяк Ладожской военной флотилии.

Канонерские лодки и бронекатера имелись и на Чудском озере. Но Чудская флотилия действовала очень недолго. До середины августа она поддерживала войска 8-й армии, а потом личный состав уничтожил часть своих кораблей, чтобы они не попали в руки врага, и ушел сражаться с немецко-фашистскими захватчиками на сухопутье, в район Гдова и Нарвы.

Создали мы небольшие морские силы и на озере Ильмень. Отряд катеров под командованием капитана 3-го ранга В. М. Древницкого нес патрульную службу. Когда фашисты завязали бои за Новгород, катера отошли по Волхову. Катерники влились в одну из армейских частей.

В Ленинграде находилось большое количество курсантов высших военно-морских училищ. Прибыли сюда из Лиепай слушатели двухгодичных курсов подготовки командиров запаса — все люди с высшим образованием. Все вместе они

составляли золотой фонд флота. В силу тяжелой обстановки на фронтах использовался он не всегда по назначению. Отряды курсантов и слушателей перебрасывались на сухопутные участки фронта — туда, где появлялась брешь, посылались на борьбу с парашютными десантами.

В середине июля раздался звонок из Москвы. Армейский комиссар И. В. Рогов сказал, что я назначаюсь членом Военного совета Краснознаменного Балтийского флота. Приказ об этом был подписан тремя днями позже — 18 июля. Мне было сказано: в Таллин не выезжать, так как флот не сегодня-завтра своими основными силами перейдет в Кронштадт. Но это был не приказ, а рекомендация.

И я решил идти в Таллин немедленно. Не верилось в предполагаемый уход кораблей из главной базы. Мне казалось, нужно держаться там до последнего, елико возможно оттянуть на себя силы врага, нацеленные на Ленинград.

Перед уходом в Таллин пошел в Смольный к секретарю ЦК, Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А. А. Жданову за напутствием.

— Не я вам, а вы мне должны доложить обстановку на флоте, — заявил он на мой вопрос о боевых событиях. И все же рассказал об общем положении на фронтах.

— Обстановка сложная и, скажу прямо, тяжелая. Оставлены города... Гитлер рвется к Ленинграду и с потерями считаться не будет. Вот и делайте отсюда выводы. Флот должен сейчас удерживать Таллин во что бы то ни стало. Он должен оттянуть на себя часть гитлеровских войск с сухопутного фронта и преградить доступ фашистам к Ленинграду с моря. Так полагает Ставка. Вы понимаете?

— Понимаю.

Все, что в моих силах...

— В силах или не в силах, а надо это сделать! Народ у нас во флоте замечательный. Больше двух третей — коммунисты и комсомольцы. С кого же тогда спрашивать?

В Кронштадте для моего перехода в Таллин были подготовлены два катера. Старшина одного из них, на котором я иду, веселый, энергичный, решительно против второго катера.

— Мой катер надежный, товарищ дивизионный комиссар. Погода — вон какая мирная. Дадим полный и дойдем хорошо.

Погода действительно была замечательная. Солнце щедро дарило лучи. Залив спокоен.

Старшина мне нравится. В опасность не хочется верить. Второму катеру приказываю остаться.

Выходим за бонь¹. Полный ход. Справа серая цепочка фортов. Вот и форт «О», где в молодости был комендором. Хорошо, отчетливо виден финский берег. Там теперь враг. На траверзе — легендарная Красная Горка с могучими орудиями в железобетонных казематах. Здесь мне пришлось делать первые шаги на поприще партийно-политической работы.

Проходим Копорский залив. В 1931 году мы тралили здесь мины. Я плавал тогда по очереди то на «Клюзе», то на «Запале», то на «Ударнике» — так назывались тральщики. Ходили по минным полям, поставленным еще в первую мировую войну.

Прошли большую часть пути. Бухта Кунда. Здесь намечалось заправиться горючим. Командир маневренной военно-морской базы Кунда капитан 1-го ранга Б. П. Птохов дальше идти катером не советует.

— Сегодня над морской дорогой на Таллин больше обычного фашистских самолетов. Как бы они вас не стукнули.

Совет верный. Пообедав, пересаживаюсь в машину. В провожатые Б. П. Птохов дает автоматчика. Прошу выдать и мне это оружие. Может пригодиться — в лесах Эстонии появились местные фашистские банды. Они иногда делали завалы, обстреливали машины с командирами Красной Армии. На этот раз мы проехали без всяких происшествий. Несколько часов хорошей езды — и на горизонте показались башни и шпили древнего Таллина.

¹ Бон — плавучее заграждение — препятствие для прохода кораблей.

Исходя из важности Ленинградского направления, фашистское командование решило ликвидировать Краснознаменный Балтийский флот на первом же этапе войны. В одном из пунктов плана «Барбаросса» говорилось следующее:

«...Военно-морскому флоту в войне против Советской России предстоит задача, обеспечивая защиту своего побережья, воспрепятствовать прорыву неприятельских военно-морских сил из Балтийского моря. Ввиду того что по достижении Ленинграда русский Балтийский флот потеряет свой последний опорный пункт и окажется в безвыходном положении, следует избегать перед этим более значительных морских операций.

После ликвидации русского флота задача будет состоять в том, чтобы полностью обеспечить снабжение северного фланга армий морским путем».

Гитлеровские стратеги не сомневались в том, что наши корабли будут уничтожены в базах или при попытке прорваться из своих баз в Швецию. Как стало теперь известно, в частности из служебного дневника начальника генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии генерал-полковника Гальдера, на совещаниях у Гитлера даже рассматривались мероприятия по... интернированию советских судов в Швеции.

До начала военных действий, в соответствии с разработанным штабом оперативного руководства верховного командования германских вооруженных сил документом «Расчет времени к операции «Барбаросса»», фашистское военноморское командование провело на Балтике ряд мероприятий. Фашистские подводные лодки группы «Север» вышли на боевые позиции. Уже в марте гитлеровские летчики почти открыто начали вести регулярную воздушную разведку наших баз и Балтийского моря. С 12 июня началась пере-

броска в Финляндию минных заградителей и кораблей противододочной обороны, с 17 июня — вывод немецких судов из наших портов.

Сопоставление всех этих данных, сообщения агентурной разведки, наблюдения за немецкими транспортами, перебрасывавшими в финские порты солдат и боевую технику, настораживали. Чувствовалось, что надвигается опасность войны. Это было настолько очевидным, что некоторые командиры соединений, не дожидаясь специальных указаний, принимали дополнительные меры по приведению в боевую готовность подчиненных им кораблей и частей. Показательны в этом отношении действия командира военно-морской базы Ханко генерал-майора С. И. Кабанова.

19 июня С. И. Кабанову стало известно, что полпред и военный атташе СССР в Финляндии забрали находившиеся на одной из дач на территории Ханко свои семьи. У тех, кто разговаривал с полпредом и атташе, сложилось мнение, что столь неожиданное и спешное решение покинуть дачи на полуострове объясняется вероятностью в ближайшие дни нападения Германии на Советский Союз, что в войну на стороне гитлеровской Германии будет втянута Финляндия, в портах которой уже разгружаются немецкие войска.

Сергея Ивановича эти сообщения буквально ошарашили. 14 июня было сообщение ТАСС, что, «по данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта, как и Советский Союз...» И вдруг такое поведение наших дипломатических работников! Они тоже знакомы с сообщением ТАСС. Может быть, за эти пять дней что-то изменилось?

Подумав и посоветовавшись с заместителем по политчасти бригадным комиссаром А. Л. Раскиным и начальником штаба капитаном 2-го ранга П. Г. Максимовым, Кабанов решил, что не принимать в расчет тревожные известия он не имеет права, что он обязан немедленно оградить вверенную ему военно-морскую базу от возможных неожиданностей.

Первое, что он сделал, это без объявления тревоги приказал до рассвета частью артиллерийского полка занять оборонительные рубежи на сухопутной границе и в течение двадцатого числа, под видом тщательной проверки боевой готовности, развернул все силы базы. О дошедших до него сведениях о возможном нападении Германии и принятых мерах доложил командующему флотом вице-адмиралу В. Ф. Трибуцу.

Насколько решительно действовал генерал Кабанов, можно судить и по следующему факту. На полуострове находилось более 6 тысяч женщин и детей. Оставлять их здесь, если сведения о войне не беспочвенны, было нельзя. Между Ханко и Ленинградом через Таллин ходил турбоэлектроход. По расписанию он должен был прибыть на Ханко 20 числа и, приняв грузы и пассажиров, в тот же день выйти в Таллин. Кабанов решил на свой страх и риск задержать судно, погрузить на него семьи и отправить в Ленинград. Такое решение грозило командиру базы крупными неприятностями, так как он не имел права нарушать расписание движения, а тут получалось не малозначительное нарушение, а задержка судна более чем на сутки, пока он примет на борт 6 тысяч человек с их наскоро собранными вещичками. Но другого выхода не было. Если война начнется, то следующий рейс турбоэлектрохода может и не состояться.

Корабль с семьями вышел из Ханко 22 июня, когда мир узнал о начале войны. Его сопровождали самолеты-истребители и эскадренный миноносец «Смелый».

19 июня флот был переведен на оперативную готовность № 2. Часть работников штаба флота перешла на береговой флагманский командный пункт.

В 23 часа 35 минут 21 июня народный комиссар Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов по телефону приказал командующему Балтийским флотом В. Ф. Трибуцу перевести флот на оперативную готовность № 1. Вслед за телефонным распоряжением последовала шифрограмма. Такие же приказания наркома были переданы и другим флотам.

В своей книге «Накануне» Н. Г. Кузнецов пишет, что эти распоряжения были отданы немедленно после того, как его вызвал к себе нарком обороны маршал С. К. Тимошенко и сказал о возможном нападении Германии на нашу страну. Было это после одиннадцати вечера 21 июня.

Директива наркома обороны о приведении в боевую готовность сухопутных и военно-воздушных сил была передана пограничным округам еще позднее, только в половине первого ночи 22 числа.

Факты говорят о том, что война не застала Балтийский флот врасплох, он находился в повышенной боевой готовности. В. Ф. Трибуц справедливо замечает, что «на кораблях, в частях и соединениях одного лишь точного выполнения требований устава было достаточно, чтобы предотвратить печальные неожиданности. Система нашей боевой и

оперативной подготовки обеспечивала быстрый переход всех соединений и частей флота к полной боевой готовности»¹. Но печальные неожиданности все же имели место, и только культом личности Сталина их не объяснишь. Некоторые из них произошли потому, что флот пришел в новые базы Прибалтики незадолго до начала войны и их оборонительное строительство только начиналось. Другие объяснялись тем, что приведение флота в оперативную готовность № 1 было осуществлено всего лишь за несколько часов до того, как посыпались авиационные бомбы противника.

К «печальным неожиданностям» относится и то обстоятельство, что противник выставил мины заграждения еще до 22 июня. «Наша разведка, которая велась самолетами, подводными лодками и корабельными дозорами, не смогла полностью установить моменты и места постановок...— говорит бывший командующий Балтийским флотом В. Ф. Трибуц,— хотя донесения об обнаружении неизвестных силуэтов в море поступали. Мы недооценили эти сигналы, за что после не раз тяжело поплатились.

Немаловажное значение для последующих действий имели и развертывание противником своих подводных лодок и торпедных катеров в Балтийском море. О них мы также не имели достоверных сведений, хотя наш пост СНИС наблюдал торпедные катера противника у маяка Ужава. К сожалению, мы недостаточно оперативно реагировали на эти донесения».

К «печальным неожиданностям» принадлежит и факт подрыва на минах в устье Финского залива крейсера «Максим Горький» и гибель эсминца «Гневный». Возможно, этого и не произошло бы, если бы к постановке оборонительных минных заграждений флот приступил не через сутки после начала войны, а в ночь на 22 июня, когда и в Главном морском штабе, и у руководства Балтийского флота не только отпали сомнения в намерении фашистской Германии напасть на Советский Союз немедленно, но уже имелось разрешение наркома обороны на приведение флота в боевую готовность.

Гитлеровское командование отводило своим военно-морским силам на Балтике второстепенную роль. Уничтожение нашего флота мыслилось с помощью авиации и мин, а за-

¹ В. Ф. Трибуц. Подводники Балтики атакуют. Лениздат, 1963, стр. 15.

хват военно-морских баз должны были произвести сухопутные войска.

Ранним утром 22 июня самолеты с черными крестами на крыльях появились над рейдами и базами Балтийского флота. Они атаковали корабли, бомбили базовые сооружения и жилые дома, сбрасывали мины на фарватерах¹.

Первый налет фашистской авиации не имел серьезных результатов. Хотя он и проводился значительными силами, но был каким-то нервным и чисто пиратским. В Лиепae (Либаве) гитлеровские летчики на бреющем полете проносились над территорией военного городка и расстреливали из пулеметов женщин и детей, в прибрежном районе уничтожалось все живое.

Советские люди не могли тогда знать, что специальной директивой от 13 мая 1941 года с немецких солдат и офицеров снималась всякая ответственность за преступления в отношении мирных жителей Советского Союза. Гитлер поучал своих сподручных: «Мы обязаны истреблять население — это входит в нашу миссию... Нам придется развить технику истребления населения... Если я посылаю цвет германской нации в пекло войны, без малейшей жалости проливая драгоценную немецкую кровь, то, без сомнения, я имею право уничтожить миллионы людей низшей расы...»²

К началу войны Краснознаменный Балтийский флот численно был слабее военно-морских сил Германии и Финляндии по всем классам кораблей, базировавшихся на Балтике. К тому же фашисты располагали большими возможностями для переброски боевых судов из баз Северного моря в Балтийское через Кильский канал. Но наш Балтийский флот был куда более грозным противником, чем предполагали авторы плана «Барбаросса».

Благодаря развертыванию накануне войны военно-морских баз на территории Латвийской и Эстонской советских социалистических республик удалось улучшить оборону Ленинграда с моря. Изучение и использование боевого опыта зимы 1939/40 года подняло уровень подготовки надводных и подводных кораблей. Улучшились действия морской авиации. Батареи береговой обороны были подготовлены для

¹ Фарватер — часть водного пространства, рекомендованная для судоходства.

² «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 1, стр. 359—360.

решения огневых задач в сложных условиях, как днем, так и ночью. На флот усиленно поступала новая техника. Наши корабли по своим тактико-техническим данным были лучше немецких.

Пограничная Лиепайская база одной из первых подверглась мощному удару немецко-фашистских войск. В городе были лишь незначительные армейские части. Сформированная незадолго до начала войны, военно-морская база ни материально, ни организационно еще не была готова к боевым действиям. И все же гитлеровцы, окружившие Лиепая с суши, неожиданно для себя встретили мужественное сопротивление советских воинов, моряков и рабочих города.

Моряки, армейцы и пограничники упорно дрались в течение пяти суток. Отчаянными штыковыми атаками на Гробиньском шоссе, у насыпи Приекульского железнодорожного пути, у городского торгового канала и на побережье они отучили обнаглевших захватчиков наступать во весь рост.

Плечом к плечу с матросами храбро сражался за Лиепая отряд комсомольцев под командой Иманта Судмалиса. Член ЦК и секретарь уездного комитета комсомола Латвии Судмалис был человеком большого, мужественного сердца. В буржуазной Латвии он вел подпольную работу, три года провел за тюремной решеткой.

Имант Судмалис в этом бою показал себя умелым командиром и отличным пулеметчиком. Много гитлеровцев полегло на подступах к порту. С небольшой группой бойцов-комсомольцев Иманту удалось прорваться из окружения и перейти на нелегальное положение в Курземе. Через несколько месяцев этот отважный человек создал подпольную организацию в Риге. В 1943 году организация развернула большую работу.

Гестаповцам удалось схватить Судмалиса. Он был казнен.

В 1944 году, когда части Балтийского флота принимали участие в боях по освобождению района Клайпеды, по рассказам литовских рыбаков стало известно о беспримерном мужестве в первые часы войны сводного отряда пограничников и моряков вблизи курортного местечка Паланга... Далеко вклинились фашистские танки и автоматчики на нашу территорию, а на одном из рубежей государственной границы все еще кипел бой. Горсть пограничников и несколько десятков балтийцев дрались до последнего дыхания.

Как рассказывали нам спустя три года очевидцы, гитлеровцы захватили в плен из этого отряда десять человек. Все

они были тяжело ранены. Их конвоировали по улицам Паланги. Впереди нацисты на штыках несли три бескозырки и три зеленые фуражки. Моряки и пограничники шли обнявшись, помогая друг другу. Гнали пленных в клайпедскую тюрьму, где ждали их пытки и смерть. Одному из десяти, курсанту Батенину, удалось бежать. Впоследствии он организовал диверсионную группу и причинил много неприятностей оккупантам. В новогоднюю ночь 1942 года им был убит матерый эсэсовский палач барон фон Берлинг.

Бои за военно-морскую базу на сухопутье Лиепаи изобиловали примерами героизма и самоотверженности. Писатель С. С. Смирнов справедливо сравнивает оборону Лиепаи с героической обороной Брестской крепости.

Чтобы затруднить морские перевозки гитлеровцев и не допустить корабли противника в восточную часть Финского залива, Балтийский флот с первого дня войны начал постановку оборонительных минных заграждений. Нелегкое это было дело. Мины приходилось выставлять под непрерывной бомбежкой, при угрозе атак со стороны фашистских подводных лодок и торпедных катеров. Успешному решению этой задачи способствовали высокая боевая выучка краснофлотцев и командиров миноносцев, минных заградителей, сторожевых кораблей, тральщиков, морских охотников и торпедных катеров, участвовавших в минных постановках.

Особенно отличился на минных постановках в первые месяцы войны корабль «Ока» (тогда он назывался «Марти»). Этот минный заградитель на первую постановку мин вышел 23 июня в 00 часов 16 минут, а последнюю проводил, когда Финский залив покрывался льдом.

Своими успехами минный заградитель «Ока» был обязан крепкой партийной организации и хорошо подготовленному, дисциплинированному командному составу. Много сил для сплочения боевого коллектива отдали военком корабля Алексей Афанасьевич Коваль, командир дивизиона инженер капитан-лейтенант В. А. Дзюбачук. Он погиб в самом начале войны, в 1941 году, во время обстрела Кронштадта. Многих товарищей с «Оки» — секретаря партийной организации минзага Шапурова, главного старшину минеров Краснухина, механика Губанкова и других — я знал еще с начала тридцатых годов по совместному плаванию на минных заградителях «25 Октября» и «9 Января». Благодаря деятельности командиров и политработников, всех коммунистов экипаж «Оки» еще в довоенные годы славился высоким уровнем

боевой и политической подготовки. В 1940 году он в короткий срок освоил новые районы плавания и за отличное выполнение задач на осенних учениях был отмечен в приказе народного комиссара Военно-Морского Флота. Накануне войны экипаж «Оки» получил переходящее Красное знамя.

Командовал минзагом капитан 1-го ранга Н. И. Мещерский. Выходец из дворянской среды, потомок князей Мещерских, Николай Иосифович верой и правдой служил социалистической Родине. Высокообразованный офицер, искусный и отважный моряк неизменно следовал девизу прославленного русского флотоводца С. О. Макарова «В море — дома!» Заградитель сутками не возвращался в базу, совершал переходы в штормовые дни и ночи.

Командир верил в силы и опыт матросов, а они всегда готовы были выполнить его приказ. Эти отношения, высокие моральные качества, привитые матросам еще в дни мирных походов, исключительная дисциплинированность экипажа помогали Н. И. Мещерскому принимать смелые решения. Так, ночью 26 июня в районе острова Осмуссар отряд наших кораблей, вышедший на минную постановку, был атакован фашистскими бомбардировщиками. Попадание бомб в «Оку» могло привести к взрыву сотен мин, находившихся на минном заградителе. Командир имел право в данном случае сбросить опасный груз за борт, но Мещерский не отдал такого приказа. Искусно маневрируя, он приблизился к острову. В бой вступили береговые зенитчики. Совместный огонь отогнал вражеские самолеты. Корабль приступил к минной постановке.

В другой раз — на рассвете 30 июня — тральщики, сопровождавшие «Оку», на курсе постановки подсекли две мины. Это означало, что враги опередили и поставили здесь минное заграждение. Н. И. Мещерский решает все же выполнить задачу. Прикинув, как мог расположить противник свое минное поле, он ставит мины параллельно предполагаемым вражеским, оставляя лишь узкий проход. Расчет на то, что фашистские суда, обходя свои мины, нарвутся на наши, в дальнейшем оправдался.

Эффективность советских минных заграждений в первые месяцы войны была большой. Это вынуждены были признать и враги. «При тралении в районе Ревеля (Таллина. — Н. С.), — говорил впоследствии гросс-адмирал Редер, — было обнаружено плотное минное заграждение. Много

транспортов и различных судов подорвались на минных заграждениях в южной Балтике, что привело к большим потерям в людях и технике».

На пятнадцатый день войны, 6 июля 1941 года, в Ирбенском проливе произошел бой наших кораблей с кораблями гитлеровцев. Это был первый морской бой на Балтике. Суда противника пытались помешать нашей минной постановке. Фашистские артиллеристы открыли огонь с большой дистанции. Пушки наших эскадренных миноносцев «Сердитого» и «Сильного» из отряда прикрытия заговорили позже, но били метче. Первый же их залп накрыл концевой корабль врага. Неприятельские суда начали отходить.

Перед войной войска Прибалтийского особого округа были рассредоточены на больших пространствах и разбросаны на глубину более 300 километров. Оборона побережья Балтийского моря от Лиепайи до Таллина возлагалась всего лишь на две стрелковые дивизии. На островах Сааремаа (Эзель) и Хийумаа (Даго) находилась 3-я отдельная стрелковая бригада. Бесспорно, этих сил для отпора механизированным и танковым дивизиям врага было недостаточно.

В те тяжелые дни большую помощь частям фронта, защищавшим Прибалтику, оказали летчики Балтийского флота. Штурмовики и бомбардировщики произвели несколько массированных налетов на фашистские войска и танки в районе города Даугавпилс, где они сосредоточивались для форсирования реки Западная Двина.

Участвовали наши летчики и в предупредительном ударе по авиации противника, расположенной на аэродромах южного побережья Финляндии. Когда стало известно о готовившемся крупном налете на Ленинград, бомбардировочная группа в составе 84 машин типа СБ и ДБ утром 25 июня ударила по аэродрому Турку. В результате этот важный аэродром был сильно поврежден.

Но самолетов на флоте для прикрытия действий кораблей и помощи армии не хватало. В начале войны авиация Балтийского флота базировалась на многих аэродромах, расположенных от Лиепайи до Новой Ладоги. Подавляющее большинство эскадрилий было удалено от района боевых действий. Да и качество наших самолетов было тогда невысоким, так как перевооружение авиации КБФ началось незадолго до войны. Все это, конечно, сказывалось на ходе боев. Но отвага наших авиаторов не знала предела. В первых же боях многие из них покрыли славой свои имена.

Бомбардировщик младшего лейтенанта Петра Игашева при подходе к цели был атакован тремя «мессершмиттами». Стрелок-радист Новиков, отбиваясь от наседавших самолетов противника, один из них сбил. Но в этом неравном бою загорелся и самолет Игашева. Лететь дальше было нельзя. Наступал конец... И тогда летчик совершил невозможное: на горящей машине он таранил истребитель врага, а затем со страшной силой врезался в колонну фашистских бронетранспортеров и автомашин. В истории авиации это был первый таранный удар, совершенный самолетом-бомбардировщиком.

Храбро вели наши летчики воздушные бои. Первый фашистский самолет в воздухе над Балтийским морем сбил Алексей Касьянович Антоненко. Это был Ю-88, пытавшийся фотографировать корабли на Таллинском рейде, а также военные объекты города. Несколько точных очередей подожгли бомбардировщик врага, и он рухнул в воды залива.

Немецко-фашистские захватчики вступили на территорию Советской Эстонии 7 июля. Сломив сопротивление малочисленных армейских частей и эстонских истребительных батальонов, гитлеровцы заняли города Валгу и Петсери. На другой день нашими войсками были оставлены Вильянди, Пярну, Выру, 9 июля враг вышел к реке Эма-Йыги.

Однако упорная оборона советских войск сорвала планы гитлеровского командования и на эстонском участке фронта, 217-я и 61-я дивизии противника были обескровлены. Враг начал перегруппировку сил. В Эстонию спешно двинулись части, снятые с Лужского и Новгородского направлений. Немецко-фашистские захватчики теперь нацеливались на эстонскую столицу.

Прибыл я в Таллин под вечер 18 июля. Шел двадцать седьмой день войны. Стояла пасмурная погода, но к вечеру выглянуло солнце и поверхность моря вновь приняла синевато-искристый оттенок.

Таллин и море нераздельны. Город, по сути дела, и начинается у огромных прибрежных валунов, до блеска отшлифованных балтийской волной. Пологими уступами поднимаются его улицы от морского берега к холму Тоомпеа, где высятся столетние башни и могучие крепостные стены.

Первый визит совершаю к командующему Краснознаменным Балтийским флотом вице-адмиралу В. Ф. Трибуцу. С Владимиром Филипповичем я знаком с 1938 года. При нашей первой встрече он занимал пост начальника штаба Бал-

тийского флота, а я приезжал в Кронштадт из Главного политического управления в роли инспектирующего состояние партийно-политической работы.

Участник гражданской войны, член партии с 1928 года, В. Ф. Трибуц прошел все ступеньки корабельной службы: был вахтенным на линкоре, после окончания академии служил старшим помощником командира на «Марате», командовал эскадренным миноносцем «Яков Свердлов», затем работал в штабе. Под его руководством Балтфлот показал свою боевую зрелость в советско-финской войне 1939—1940 годов. Наши корабли успешно громили тогда вражеские форты и береговые укрепления. Подводные лодки в тяжелых ледовых условиях отважно действовали на коммуникациях противника в Балтийском море и Ботническом заливе.

Высокий, энергичный, с быстрыми, иногда порывистыми движениями, каким я знал его раньше, Владимир Филиппович теперь несколько изменился. Он заметно нервничает, сутулится, как будто держит на плечах невидимую тяжелую ношу. И это понятно. С первого дня войны Балтийский флот оказался в тяжелом положении. Новые военно-морские базы, которые были созданы после образования советских республик на территории Прибалтики, находились в процессе становления, с суши и воздуха прикрывались они слабо. Строительство оборонительных сооружений шло медленно. Кадры флота в мирное время готовились к выполнению специфических морских задач и взаимодействию с приморскими флангами армий. А получилось так, что главный удар обрушился на флот с суши, с тыла.

— Дела, понимаешь, невеселые,— говорит командующий флотом.— Смотри, что получается: противник явно стремится выйти к южному берегу Финского залива на участке Кунда — Нарва и, таким образом, окружить Таллин, отрезать его от Ленинграда. Другая группа его войск рвется к Таллину с юга. Армейцы не могут остановить гитлеровцев: корпус генерала Николаева измотан, отступает с боями от самой границы. А больше тут и войск нет. Давай решать, что будем делать?

Решать мне было еще рано. Но я был убежден, что Военный совет и штаб флота совершили ошибку, покинув город, перейдя на посыльное судно «Пиккер» и транспорт «Вирония». Неожиданный удар врага по не защищенным с суши военно-морским базам и отступление наших сухопутных частей вызвали растерянность не только у жителей Таллина,

но и среди военных. Вольно или невольно, но переход руководства флота на корабли усилил панические настроения. Понимал это и Владимир Филиппович. Волнуясь, он продолжал рассказ:

— Мы оттянули на себя большое количество войск противника, предназначенных для Ленинграда. Это хорошо. Наши корабли и авиация ежедневно нарушают коммуникации врага в заливах. Это тоже большая помощь ленинградцам. Но главный удар, который мы сейчас отражаем, направлен не с моря, а с суши. А ведь у нас корабли, транспорты, оборудование, ценности... Всем этим жертвовать нельзя.

В беседе с одним из офицеров оперативного отдела о том, почему штаб флота преждевременно оказался на корабле, я услышал такое примерно объяснение:

— А как же иначе? Надо быть ко всему готовым. Неизвестно, где завтра будут фашистские танки. Один хороший бросок — и они в Таллине. А у нас оперативные, совершенно секретные документы. Управлять же своими силами штаб может и с «Виронии». Обстановка такая, что не только миноносцы, но и штаб надо держать «под парами».

В каюте на «Пиккере» знакомлюсь с членом Военного совета флота Александром Дмитриевичем Вербицким. Он моего возраста. В прошлом военный моряк, до начала войны работал секретарем Ленинградского горкома ВКП(б). Живой и экспансивный, Александр Дмитриевич резко критикует работу штаба флота, ругает командира 10-го стрелкового корпуса генерал-майора Николаева, который, по его мнению, не может навести порядка в своих войсках, дает высокую оценку боевым действиям кораблей и частей флота.

Смелые суждения А. Д. Вербицкого мне нравятся. Но против некоторых хочется возражать. Мне думается, что нельзя так резко осуждать генерала И. Ф. Николаева. Силы корпуса далеко не равны силам противника. А за уход штаба на «Виронию» разве член Военного совета не несет ответственности?

Нет! Мы не должны ограничиваться только критикой, мы обязаны и будем отвечать за все.

Иду в штаб флота. С начальником его контр-адмиралом Юрием Александровичем Пантелеевым мы — старые знакомые. В начале тридцатых годов вместе плавали на минном заградителе «25 Октября». Это веселый и остроумный человек, с артистической внешностью и манерами. Он не поте-

рял чувства юмора и сейчас. У него знакомлюсь с дислокацией кораблей и частей, с оперативными и тактическими замыслами штаба, с неустойчивой линией фронта.

Многих командиров и комиссаров соединений я знаю. Хочется поскорее встретиться с ними, поговорить, услышать от них оценку обстановки. Решаю в ближайшее время побывать в частях морской пехоты, узнать настроения сухопутных моряков.

Уже первые встречи, первые наблюдения и беседы с участниками боевых событий дают ясное представление об обстановке, политико-моральном состоянии людей, о наших трудностях и возможностях противостоять натиску врага. Радует изумительная сила духа личного состава флота — краснофлотцев и офицеров. Чего стоят, например, мужество матросов на сухопутных участках фронта или подвиги летчиков! А подводники!

Не помню теперь, кто рассказал о случае на подводном заградителе Л-3, рассказал коротко, без подробностей.

— Помощник командира спас от верной гибели подводную лодку.

— Так один и спас? — вырвался вопрос.

— Не один, конечно. Но не решишь он на такой шаг, кто знает, чем бы это кончилось.

Позднее выяснилось, что подводная лодка, которой командовал П. Д. Гриценко, окончила минную постановку¹, всплыла, зарядилась и ушла под воду. Командир прилег отдохнуть. Вскочил он от шума в центральном посту. Подводная лодка стремительно шла на поверхность моря. Командир сумел задержать ее на глубине десяти метров. Дал ход машинам, и лодка начала погружаться с дифферентом на нос. Затем она провалилась на 180 метров и продолжала лететь вниз. Командир застопорил машины. После всплытия на поверхность и наружного осмотра оказалось, что горизонтальные рули стоят на полный угол погружения, хотя в центральном посту указатели этих рулей стоят на нуле. Никакими мерами изменить положение рулей не удалось. Дальнейшим обследованием установили, что произошло разъединение привода в междубортной цистерне № 10. Это была тяжелая авария. Лишившись горизонтальных рулей, лодка не могла двигаться под водой и, следовательно,

¹ На этих минах, как стало известно после войны, подорвались и потонули два фашистских транспорта.

превращалась в мишень для авиации и надводных кораблей противника. Надо было принимать срочные меры.

Два часа продолжалась работа в цистерне вблизи берегов противника. Во время работы понадобился лом, и так как временами он был лишний и мешал, то его подавали из цистерны поставленному для этого на палубу матросу. Наконец повреждение было исправлено и, казалось, с опасностями покончено. Но к этому времени усилился ветер, и набежавшей волной сбilo с ног матроса, стоявшего на палубе с ломиком. Ломик вылетел из его рук и угодил в трехплечный рычаг этих же горизонтальных рулей. Рули заклинило. Достать лом было почти невозможно, отверстие настолько узкое, что никто из матросов не мог в него просунуться.

— Попробую я,— сказал худенький помощник командира капитан-лейтенант В. К. Коновалов.—Туда пролезу, а оттуда...

Он просунул в надстройку сначала руки, потом голову и ломик достал, но сам вылезти не мог.

— Тащите за ноги,—попросил он.

Тащили сначала осторожно, чтобы не сделать человеку больно, потом стали действовать решительнее. Коновалов кричал, ругался. Стиснув зубы, краснофлотцы старались выволить помощника командира из железной западни, в которую он добровольно втиснулся, чтобы спасти корабль от возможной катастрофы, если бы его заметил противник. Приближался рассвет. Надо было начинать погружение, а Коновалов все еще был в тисках стального капкана. Люди нервничали — как быть, не четвертовать же человека.

Скрепя сердце командир приказал вытащить помощника живым или мертвым.

Коновалов перестал кричать. Тело обмякло, стало безжизненным, он потерял сознание. Наконец окровавленного, с ободранной кожей капитан-лейтенанта спустили внутрь лодки, и фельдшер стал оказывать ему необходимую помощь. Л-3 ушла под воду с исправными рулями.

Забегая вперед, следует указать, что в марте 1943 года В. К. Коновалов сменил П. Д. Грищенко на посту командира подводной лодки. Под его командованием Л-3 потопила теплоход «Гойя» с войсками и танками противника, тяжелую плавучую батарею, большой транспорт, сторожевой корабль и миноносец. В мае 1945 года капитану 3-го ранга В. К. Коновалову было присвоено звание Героя Советского Союза.

14 июля в вечернем сообщении Совинформбюро говори-

лось, что рядом последовательных ударов Балтийский флот потопил несколько транспортов и баржу с танками и что с нашей стороны потерь в кораблях и самолетах не было. В первый же день моего приезда в Таллин мне рассказали об этом нападении наших торпедных катеров на корабли вражеского каравана.

На рассвете 13 июля четыре торпедных катера под командованием капитан-лейтенанта В. П. Гуманенко дерзко атаковали противника в Рижском заливе. Экипаж катера Ивана Иванова потопил вражеский миноносец, экипаж Владимира Белугина уничтожил транспорт и прошил бронебойными и зажигательными пулями из крупнокалиберного пулемета самоходную баржу. Еще один корабль неприятеля (тоже транспорт) точным ударом отправил на дно Балтики экипаж катера Алексея Афанасьева. Командир торпедного катера лейтенант Михаил Чебыкин, догнав колонну вражеских кораблей, под сильным огнем конвоя «занялся выбором цели». Свою торпеду он всадил в машинное отделение крупного транспорта, на борту которого находились войска. При отходе в катер попало два снаряда. Пришлось сбавить ход. Фашистские сторожевые суда бросились к подбитому катеру, но были встречены губительным пулеметным огнем. Стрелял боцман Василий Огромнов. Отбив атаку, под прикрытием дымовой завесы катер благополучно вернулся в базу.

Самое замечательное заключалось в том, что это было первое боевое крещение катерников. Первое и такое решительное и умелое! К моменту атаки в караване было около сорока единиц. Он охранялся тремя эсминцами и шестью торпедными катерами. И вот неискушенные в сражениях катерники ринулись в бой и победили! Не тогда ли появились эти слова, взятые впоследствии катерниками на вооружение:

У торпедных катеров правило такое:

Здравствуй, враг, и «будь здоров» — вечного покоя.

...Чудесный летний день. Морские пехотинцы полковника Ивана Григорьевича Костикова занимают рубеж в живописнейшем месте вблизи холмов, поросших редкими березками и орешником. Пейзаж совсем мирный, если бы у переднего края, к которому мы идем, не кустились разрывы вражеских мин. Это первое мое пребывание на сухопутном фронте. Чувствую себя поначалу немного скованным. Разрывов все больше и больше. Они рядом. Хочется пригнуться, но

кланяться минам здесь не принято. Нет следа и окопов. Многие понимают, что это нелепо, и все же не окапываются, мешая ложный стыд — как бы не посчитали рытье траншей за трусость.

Когда обстрел утих, собрались за бугорком. У бойцов десятки вопросов: спрашивают о действиях наших кораблей, о положении на островах, на Ханко, а больше всего о Ленинграде. Коротко рассказываю о том, как мужественно встретил весть о войне город Ленина, говорю, что для него важен каждый день, каждый час задержки врага на дальних подступах. И этот выигрыш времени в значительной степени зависит от флота; нужно крепче держаться здесь. Может быть, флоту это будет дорого стоить, но другого выхода нет. Как бы невзначай бросаю фразу:

— А вы, товарищи, словно временно здесь разместились, не по-пехотному...

— А мы по-флотски! — задиристо отвечает на мое замечание молодой матрос. — В гражданскую войну моряки шли в атаку во весь рост, брали врага за горло.

— Я давно говорю, — вступает в разговор пожилой старшина-сверхсрочник, — зря под пули лезть нечего. Обязательно окапываться нужно. Не окапываются те, — продолжает он с хитринкой в глазах, — кто бежать собирается, боится, как бы его окоп фашисту не достался.

Раздаются голоса: «Брось подначивать, старшина!», «Правильно говорит он!» Разгорается спор о храбрости бесшабашной и храбрости подлинной... Через некоторое время пошли в ход саперные лопатки. Моряки по-хозяйски обживались на рубеже.

На другом участке бойцы готовятся к ночному поиску. У некоторых в руках автоматы.

— Трофейные, — объясняет И. Г. Костиков, — после каждого боя довооружаемся.

Всюду: у механизмов родных кораблей, у боевых орудий береговых батарей, на самолетах и здесь, в морской пехоте, — всюду одно желание — отстаивать каждую пядь советской земли. Неопытность, неумение окапываться, слабое вооружение перекрываются храбростью и отвагой. Таллин может держаться.

Война потребует еще много жертв, большого напряжения. Сводки с фронтов неутешительны. Не холмики, а большие пространства, города будет еще занимать сильный и беспощадный враг. Но наше сопротивление нарастает.

За каждым холмиком, за каждой канавкой ждет гитлеровцев пуля и граната. И не здесь ли, за холмиком, у подножия которого мы беседуем, начинается наш путь к победе?

Военный совет принимает ряд мер, направленных на укрепление сухопутной обороны и усиление воспитательной работы.

В это трудное время в Красной Армии и Военно-Морском Флоте был введен институт военных комиссаров. Это означало, что политсостав не должен ограничивать свою работу только пропагандой. На комиссаров возлагалась ответственность за боевую деятельность на фронте. Об этом шел горячий деловой разговор на совещании комиссаров базы. Состоялось оно 22 июля. Обсуждались директивы главного командования Северо-западного направления.

Совещание прошло хорошо. Тон выступлений был боевой, партийный. В своем выступлении на совещании я рассказал об усиленной подготовке к обороне Ленинграда, как для него сейчас важно, чтобы мы как можно дольше держались в Таллине. Об оставлении города до решения Ставки (когда таковое будет) не может вестись даже разговора. Паникерам беспощадная кара. Говорил о поддержке со стороны населения Таллина, о том, как хорошо сражаются рабочие батальоны. Однако прихода гитлеровцев ждет некоторая часть горожан — буржуазное, националистическое охвостье. С бдительностью же у нас дело все еще хромает. Предупредил о том, что мы и впредь будем строить оборонительные сооружения вокруг Таллина, формировать матросские отряды на сухопутный фронт. На совещании было объявлено о переходе Военного совета, штаба и Пубалта на берег, о возвращении в Таллин редакции флотской газеты, которая была отправлена в Ленинград.

На другой день в Военном совете собрались писатели и журналисты. Помнится, присутствовали В. Вишневский, Л. Соболев, А. Тарасенков, Г. Мирошниченко, Ю. Инге, Н. Михайловский и ряд других товарищей. Говорили о героизме, жертвах, организационных неполадках, о необходимости повышать всеми средствами идеологического воздействия боевую активность. Массовый психологический перелом в настроении людей — понимание необходимости длительной обороны — уже намечается. Нужно поднимать флотские боевые традиции, призывать к высокой боевой активности.

С каждым днем теснее становилось наше взаимодействие с партийными и советскими организациями республики. В ЦК Компартии Эстонии своеобразный штаб. Здесь можно встретить людей, получающих задания по организации партизанских отрядов и «путевки» в подполье. Много внимания уделяется работе местной промышленности на оборону. В мастерских арсенала и на заводах Таллина организуется производство 52-миллиметровых минометов упрощенной конструкции, строится железнодорожная батарея, создаются узкоколейные бронепоезда.

Артиллеристы заявили — не хватает снарядов! Это было уже в то время, когда подвезти боезапас в Таллин стало трудно. Таллинские рабочие ответили: у нас есть снаряды, употреблявшиеся в эстонской армии, попробуем переточить их на советский калибр. И переточили!

Тогда же была организована специальная мастерская для выплавки тола и тротила из старых снарядов. По одной тысяче мин в день стали давать таллинцы фронту в августе 1941 года.

Фашистская газета «Ди фронт» цинично писала: «Фюрер окончательно завершает теперь, через несколько столетий, в Прибалтике дело немецких рыцарей-меченосцев». Эстонский народ, вдохнувший полной грудью живительного советского воздуха, не хотел гитлеровского ярма и все силы свои отдавал на отражение фашистских орд.

С каждым днем растет боевое напряжение. Штаб флота работает оперативнее и ритмичнее. Однако командующий флотом часто бывает недоволен, он заставляет штабистов переделывать расчеты и документацию. Особенно достается командующему ВВС М. И. Самохину и начальнику разведотдела Н. С. Фрумкину.

Обычно генерал-майор М. И. Самохин сначала горячо доказывал свою точку зрения. Затем, убедившись в безнадежности своих доводов, помаленьку начинал сдавать позиции. Положение у него нелегкое: с аэродромами в Эстонии на не занятой врагом территории дело обстоит неважно, очень тесно. Но это еще не все. Авиация флота требуется на Ленинградском фронте, хоть разорвись. Многие самолеты противника лучше наших, с этим тоже надо считаться. Новую материальную часть, в частности Миги, пока только обещают...

А командующий флотом как будто не знает всего этого — дает новые и новые задания авиаторам. Зато в разговоре

не преминет лишний раз похвалить их. А хвалить есть за что. Летчики у нас замечательные... Нет снарядов — пойдут на таран, кончится горючее — летят «на ненависти к врагу».

Слыша похвалу героям, Михаил Иванович Самохин возражает все меньше и меньше. Разговор заканчивался принятием решения, и М. И. Самохин спешил на аэродром.

Полковник Фрумкин докладывал разведанные по утрам, а иногда и по несколько раз в день, либо всему Военному совету, либо каждому из нас в отдельности. Доклады давал грамотно и обстоятельно. Разведка на КБФ была поставлена неплохо, пожалуй, даже хорошо. И все-таки командующий придирчиво ставил вопрос за вопросом. Он недоволен тем, что Фрумкину не все на свете известно. Чем сложнее обстановка на фронте, чем активнее противник, тем туже приходится начальнику разведотдела.

Несколько иной характер носят доклады комфлоту командующего отрядом легких сил контр-адмирала Валентина Петровича Дрозда. Эти доклады скорее походили на товарищеские беседы. Валентин Петрович моложе нас (ему только 35 лет), но он уже имеет хороший фронтовой опыт: сражался во главе соединения в Испании, во время войны с Финляндией командовал Северным флотом. В. Ф. Трибуц считается с этим и часто советуется с ним.

А тучи над Таллином все сгущались и сгущались. 22 июля началось новое наступление врага. Фашисты несли потери, но превосходство в силах (главным образом в авиации и танках) сказывалось.

Но и в это тяжелое время мы имели боевые успехи, которые воодушевляли личный состав. 26 июля 1941 года капитан-лейтенант С. А. Осипов блестяще подтвердил правильность высказывания выдающегося русского флотоводца Степана Осиповича Макарова о том, что «сражаются не корабли, а люди». Отважный командир повел в бой экипажи трех советских торпедных катеров против конвоя, состоящего из двух транспортов и нескольких кораблей охраны.

Было это в Ирбенском проливе. Ярко светило солнце. На море легкий зюйд-вестовый ветер, пологая зыбь. Обстановка явно не благоприятствовала атаке. Но наши торпедные катера, используя для прикрытия дым горевшего танкера противника (его подожгли скоростные бомбардировщики), прорвались сквозь сплошную, казалось, непроницаемую

стену разрывов вражеских снарядов и выстрелили свои торпеды. Из списков гитлеровского флота были вычеркнуты два крупных транспорта. Два миноносца и сторожевой корабль противника получили повреждения.

Победа эта знаменательна во многих отношениях. Во-первых, опровергалась точка зрения о возможности атак торпедных катеров только при условии ограниченной видимости. Во-вторых, наши катера имели тактическое взаимодействие с авиацией. В-третьих, победа свидетельствовала о повышении боевой активности Балтийского флота в момент непосредственной битвы за Таллин.

В августе 1941 года самой близкой к фашистской Германии нашей территорией был остров Сааремаа (Эзель). Ставка поставила перед авиацией Балтфлота задачу произвести налет на Берлин. В короткий срок на острове был создан запас бомб и горючего, сосредоточены самолеты минно-торпедной авиации. Учитывая огромное значение операции, для руководства ею прилетел из Москвы командующий ВВС Военно-Морского Флота генерал-лейтенант С. Ф. Жаворонков.

В ночь на 8 августа красnozвездные машины взмыли вверх. Вел летчиков в этот ответственный полет полковник Е. Н. Преображенский. Летели на высоте 5000—7000 метров. Из 900 километров маршрута 650 пролегалo над морем.

Гитлеровцы не ожидали налета советской авиации на Берлин. Город был освещен, и зенитчики открыли огонь по нашим самолетам лишь тогда, когда над военными объектами их столицы уже полыхало пламя пожаров. Горело бензохранилище. Грозным фейерверком взлетел в воздух склад боеприпасов...

Эхо этого удара по Берлину гулко и радостно прокатилось по нашей стране. «Значит, и мы бомбим. Есть у нас силы не только обороняться, но и нападать»,— говорили фронтовики и труженики тыла. Как это важно было тогда для повышения морального духа! В специальном письме Верховного главного командования была выражена благодарность летчикам Балтийского флота, отомстившим за варварские налеты фашистских стервятников на Ленинград и Москву.

В середине августа фашистам удалось образовать сплошной фронт на подступах к окруженному Таллину. Враги торжествовали. Их радиостанции передавали в эфир: «Невод заведен. Рыба находится внутри невода. Можно считать, что русской армии и Балтийского флота больше не существует». В унисон гитлеровским передачам каркали и некоторые союзные радиообозреватели. Один из них — английский, — комментируя сражение на таллинском участке фронта, говорил: «Положение русских безрадостное. Они закупорены в Таллине, как в горле бутылки, и единственное, что им осталось, — это затопить свои корабли...»

Как далек был этот «пророк» от истины! Ни у кого из нас, начиная от рядового комендора и кончая командующим флотом, даже мысли не возникало о потоплении кораблей. Случаи, когда матросы хотели покинуть свои корабли, были. И очень часто. Но в каждом матросском рапорте с просьбой «списать с корабля» указывалась и цель: «Драться с фашистами на сухопутном фронте». Моряки понимали, что судьба эстонской столицы решалась в битве на берегу.

Люди флота энергично готовились к обороне города. На базе частей ПВО и существующих пехотных подразделений было создано командование и штаб обороны Таллина. Командующий обороной генерал-майор Г. С. Зашихин ежедневно появлялся в штабе флота и Военном совете, чтобы доложить о состоянии восточного, южного и западного боевых участков и попросить подкрепления живой силой.

— Слушай, Зашихин, — кричит на него командующий флотом, — ты понимаешь русский язык?! Где я тебе возьму людей?

— Понимаю, товарищ командующий, — хитренько улыбается генерал в рыжую, лопатой, бороду, — но кого мне поставить вот сюда на перекресток дорог, — тычет он в карту толстым коротким пальцем.

— Батарею выдвинь, свою зенитную батарею, понимаешь? — командующий на той же карте показывает, какую батарею взять и куда ее выдвинуть.

Зашихин уходит от комфлота недовольный. В приемной поджидает меня и, рассчитывая заручиться поддержкой, предлагает поехать с ним на тот самый участок, куда просил подкрепления.

— Насчет батареи я сам знаю, — говорит он, усаживаясь в машину. — Зенитчики будут бить прямой наводкой, это ясно. Мне матросы нужны.

Помощники у Зашихина хорошие. Заместителем по артиллерии к нему назначен флагманский артиллерист флота капитан 1-го ранга Н. Э. Фельдман, хорошо знающий корабельную и береговую артиллерию. Исключительно спокойный и опытный, он, казалось, ничем не интересуется, кроме расстановки артиллерийских систем, развертывания постов наблюдений и корректировки стрельбы. И надо прямо сказать, если бы не умелое использование корабельной, береговой и зенитной артиллерии, нам не продержаться бы в Таллине до конца августа.

Начальником штаба обороны Таллина являлся полковник Г. А. Потемин, отлично знающий дело человек, на которого Г. С. Зашихин мог полностью положиться.

Комиссар обороны Таллина заместитель начальника Пубалта А. А. Матушкин чувствовал себя в этой должности как рыба в воде. Быстрый, энергичный и несколько шумливый, он наводил в городе воинский порядок, разыскивал оружие и боезапас в арсеналах Таллина, участвовал в подготовке города к уличным боям. Я знал Алексея Алексеевича с 1924 года, когда он был еще младшим командиром в артиллерийской школе. И в то время он выделялся своей жизнерадостностью и какой-то неумемной активностью, а теперь, почувствовав огромную ответственность, он был еще подвижнее и с каким-то азартом делал все, что полагалось по беспокойной его должности.

В начале второй половины августа удалось сформировать 14 частей морской пехоты и бросить их в помощь 10-му стрелковому корпусу, который Ставка с большим опозданием наконец-то подчинила Военному совету Краснознаменного Балтийского флота. Еще раньше мы форсировали строительство главной оборонительной линии, которая сооружалась в девяти километрах от Таллина. Работы велись на виду у противника. На самых трудных участках были бойцы

флотских строительных батальонов. Работали они все время под огнем, несли большие потери. Например, 4-я рота 35-го особого стройбата с 18 по 27 августа потеряла убитыми и ранеными почти половину личного состава.

Поднялся трудовой Таллин. Все в городе стало строже, четче. Более 20 тысяч человек ежедневно участвовало теперь в оборонительных работах. Был создан добровольческий таллинский рабочий полк.

Ранним утром 20 августа фашисты начали наступление по всему фронту. Главный удар наносился с востока в направлении мыза Кусалу — мыза Кадасо. Продвижение гитлеровцев поддерживалось огнем самоходной артиллерии. Войска противника получили приказ: утром 24 августа возвращаться в Таллин.

Весь день шло ожесточенное сражение. Матросы, солдаты, рабочие отряды дрались за каждый метр эстонской земли, дрались яростно, часто переходя в контратаки. Особенно стойко удерживали свои рубежи Латышский коммунистический полк, который с боями отходил от самой Риги, и моряки отряда полковника Ивана Григорьевича Костикова.

На исходе дня удалось в последний раз связаться по телефону с этим храбрым человеком, исключительно дисциплинированным и хладнокровным командиром. И. Г. Костиков подошел к телефону, только что отбив психическую атаку на Пярнуском шоссе.

Держались орлы Костикова до последнего дыхания. Когда врагу удалось большими силами окружить отряд, матросы пошли на прорыв. Тяжелораненый командир впереди с двумя револьверами в руках. Безумно храбрый порыв! Бились ножами, штыками, прикладами. Полегли на поле брани почти все, но не отступили. Костиков отстреливался до тех пор, пока были патроны. Не желая попасть в плен, последнюю пулю герой направил в свое сердце. Мы, живые свидетели этих героев, всегда будем помнить о них!

21 августа засверкал оранжевыми вспышками таллинский рейд. Первые выстрелы по сухопутному противнику сделал крейсер «Киров». Начиная с 23 августа стреляла уже вся эскадра. В боях за Таллин участвовало 15 кораблей различных классов с современной мощной дальнобойной артиллерией. Вместе с батареями береговой обороны и ПВО было введено в бой 101 орудие от 76- до 305-миллиметрового

калибра. Их огонь сдержал натиск врага, дал возможность отойти пехотным частям на главный оборонительный рубеж, помог сорвать исполнение приказа Гитлера об овладении Таллином 24 августа.

Особенно точным огнем славился крейсер «Киров». После первой же стрельбы с таллинского рейда командование нашей пехотной части передало на корабль: «Благодарим за поддержку, восхищены точностью ваших залпов».

Крейсер «Киров» — один из первенцев нашего большого флота. В строй боевых кораблей он вступил 26 сентября 1938 года. Боевое крещение получил во время финской войны. Ни зимний шторм, ни пурга, ни жестокий обстрел береговых батарей не помешали тогда его экипажу безукоризненно выполнить поставленную задачу. Отличились кировцы и в начале Великой Отечественной войны. Они образцово выполнили приказ командующего КБФ о выходе из Рижского залива через Моонзундский пролив, глубины которого были явно недостаточны для крейсера. Краснофлотцы и командиры боролись за каждый сантиметр осадки корабля, бдительно несли вахту. «Киров» скрытно миновал опасные места и вышел в открытое море.

...Командование немецко-фашистских войск не скупилось на резервы. Используя значительное преимущество в силах на сухопуте и в воздухе, гитлеровцам удалось сжать подкову окружения Таллина. 24 августа враг прорвался на побережье таллинской бухты в районе полуострова Вимси.

В середине сентября 1941 года под Ленинградом, в районе аэродрома Беззаботное, был убит фашист Вилли Спенват. На груди у него наши разведчики нашли дневник, в котором он вел записи с 21 июня 1941 года, когда их полк сосредоточился на нашей границе вблизи Лиепаи. Был незадачливый завоеватель и под Таллином. Вот что записал он в те дни:

«20 августа. Мы наступаем на противника. Это очень тяжело, за каждый метр борьба...

26 августа. Мы идем дальше. Русские обстреливают нас артиллерийским огнем. Не огонь — ураган...»

Красноречивое признание! Дорого заплатили фашисты за прорыв к таллинским предместьям. Так, например, 61-я дивизия немцев потеряла 75 процентов своего состава.

В тяжелых летних боях первого года войны особое значение имел личный пример отваги и героизма. Очень важно было поддержать боевой дух в частях 10-го корпуса. Усталые и измотанные длительным отступлением, побывавшие в ок-

ружении, эти части под Таллином вновь оказались окруженными, да еще прижатыми к Финскому заливу. Надо было усилить работу среди них. С этой целью мы сняли с кораблей флота двести человек коммунистов — партгруппиров, заместителей политруков, комсогов боевых частей и других партийных активистов для отправки на передний край. Там они были распределены по ротам, взводам и командам как политбойцы. Генерал Николаев говорил потом, что этот отряд коммунистов сыграл роль горячей струи свежей крови, влитой в ослабленный организм. «Ваши ребята не только рассказывали, какая сильная артиллерия на кораблях, как дерутся на суше матросы, но и показывали пример в бою, первыми подымались в атаку», — восхищался он.

В середине августа Пубалт послал на линию фронта почти весь состав Политуправления, политработников штаба и тыла флота. Задача перед ними ставилась одна: вдохновенным словом и личным боевым примером укрепить дух защитников Таллина.

Комиссары частей и наши посланцы сделали все возможное и даже невозможное, чтобы в матросских и солдатских сердцах властвовал девиз «Стоять насмерть!». Как только наши части оказывались в затруднительном положении, туда немедленно посылались несколько политработников.

Был такой случай. Командный пункт одного из полков 22-й дивизии долгое время находился под артиллерийским обстрелом. У командира полка не выдержали нервы, он бросил свой командный пункт, и полк оказался без управления. Для оказания помощи полку был послан комендант города Таллина майор В. Г. Штруф с двумя караульными батальонами. Но помощи не потребовалось. Полк надежно удерживал свои позиции. Руководил боем полковой комиссар Н. А. Гребенщиков.

Одним из вновь сформированных полков командовал замечательный человек В. В. Колодяжный. Он постоянно находился среди бойцов, на месте помогал командирам батальонов и рот организовать оборону, вместе с передовыми подразделениями ходил в атаки. Бойцы быстро поверили в своего командира и полюбили его. В одном из боев Василий Васильевич был тяжело ранен. Среди бойцов пронесся слух: «Командир убит». Появилась растерянность. Натиск противника — и роты начали отступать. В это время на месте прорыва появился полковой комиссар С. А. Красников, под его руководством положение было восстановлено.

Большую организующую роль в зенитных частях, отбивавших атаку танков, сыграл полковой комиссар П. А. Мочалов. Он также в критическую минуту принял на себя командование полком.

Смелыми людьми и хорошими организаторами показали себя работники Политуправления флота Иголкин, О. В. Цехновицер, В. П. Щедренюк. Профессор Ленинградского университета Орест Вениаминович Цехновицер, несмотря на болезнь, настоял на своей мобилизации. Использовали мы его главным образом на лекторской работе. Выступал он страстно, убежденно. Моряки охотно слушали его в перерывах между боями. В горячие августовские дни О. В. Цехновицер водил в контратаку своих слушателей — роту морских пехотинцев, заменив комиссара подразделения.

Так же отважно действовал и лектор Дома партийного просвещения политрук Владимир Петрович Щедренюк. Несколько дней находился он в батальоне морской пехоты. Батальон сдерживал врага на рубежах у озера Юлемисте. Фашисты 24 августа пытались во что бы то ни стало пробиться в этом направлении к развилке дорог, ведущих на Таллин. Но каждый раз откатывались назад, встречая стойкий отпор морских пехотинцев, поддерживаемых огнем «Кирова», «Минска» и других кораблей. Дважды политрук В. П. Щедренюк подымал людей в контратаку и участвовал в жестокой рукопашной схватке. За этот бой он был награжден орденом Красного Знамени.

Летопись последних боев за Таллин полна примерами массового героизма защитников города. У Палдисского шоссе оборону держал матросский отряд. Этот отряд был сформирован 23 августа из добровольцев-краснофлотцев корабельного состава. Здесь много товарищей с лидеров «Минск» и «Ленинград», с миноносцев, с торпедных катеров. Перед отправкой на передовую я беседовал с ними, говорил о боевых традициях матросов Балтики, о том, что здесь, в Таллине, мы держим оборону города Ленина.

Свою задачу моряки поняли правильно — 26 августа они 14 раз ходили в атаку и сбивали врага с занимаемых рубежей. Так же доблестно действовал личный состав батареи капитана Скачкова из 1-й бригады морской пехоты. Батареицы расстреливали фашистов в упор из своих орудий, корректировали огонь крейсера «Киров», штыками и гранатами отбивали атаки гитлеровских автоматчиков.

В боях за эстонскую землю обессмертил свое имя торпед-

ный электрик с лидера «Минск» комсомолец Евгений Никонов, сражавшийся с врагами в составе сводного отряда. Вот что писала об этом газета «На страже Родины».

«18 августа поредевший отряд Шевченко и несколько десятков таллинских рабочих закрепились в лесу на холмах близ хутора Харку. Окровавленные, в бинтах, с воспаленными от усталости глазами, моряки и рабочие отбили за день несколько атак моторизованной пехоты противника.

Когда на землю спустились сумерки, хутор Харку заметно оживился, послышался гул моторов. Что там творится? Что замышляет враг? Решено было послать разведчиков. Пошли добровольцы Ермаченков, Антохин, Никонов... Потянулось томительное ожидание. Неожиданно раздался одиночный выстрел, затем заговорили автоматы, ухнул гранатный взрыв. Разведчики не вернулись...

Миновала полночь. На хуторе гнетущая тишина. Но вот неожиданно там запылал огонь и раздался неясный крик. Через несколько секунд он повторился, и все ясно услышали:

— Товарищи, отомстите!

Словно ветром подняло людей. Бесшумно и быстро матросы и рабочие приблизились к хутору. Еще минута — и закипел бой, короткий, жестокий. Натиск был стремителен и смел. Гитлеровцы бежали».

Жуткая картина представилась глазам балтийцев: горел большой костер, над ним к дереву был привязан Никонов. Глаза у разведчика были выколоты, все тело в ножевых и штыковых ранах...

В перестрелке Ермаченков и Антохин погибли, а Никонов получил тяжелое ранение и потерял сознание. Когда комсомолец очнулся, перед ним стоял эсэсовский офицер. Начался допрос. Эсэсовца интересовало, какие части расположены у морского побережья, сколько матросов сошло с кораблей на берег. Моряк молчал. Его начали бить, прожигать тело, колоть ножами. Моряк молчал. И лишь когда пламя забушевало у его ног, он крикнул товарищам, чтобы отомстили за его мученическую смерть.

Все эти подробности, а главное, имя героя стали известны лишь в 1942 году. Запоздавшее политдонесение об этом славном подвиге погибло вместе с архивом Политуправления при прорыве кораблей в Кронштадт. Командир Шевченко был тяжело ранен, и не сразу отыскался его след...

Весной 1943 года был издан приказ по флоту:

«Для увековечения памяти героя-балтийца

1. Первому торпедному аппарату ЛД «Минск» присвоить имя Евгения Никонова.

2. На первом торпедном аппарате установить мемориальную доску с описанием подвига т. Никонова.

3. Внести навечно в списки экипажа корабля торпедного электрика Никонова».

Так началась вечная жизнь матроса-балтийца. В 1957 году Президиум Верховного Совета СССР присвоил Евгению Никонову звание Героя Советского Союза. Недавно его прах торжественно перенесли с хутора Харку к морю, на холм Маарьямяги. Именем Никонова названы улицы в Таллине и Горьком. На набережной таллинского парка Кадриорг стоит Никонов, отлитый в бронзе.

Но вернемся к последним дням таллинской обороны. Враг вплотную подошел к Кадриоргу. Неприятельская шрапнель рвется над Вышгородом, в Минной и Купеческой гаванях. Рейд специально задымлен нашими дымозавесчиками. В клубах дыма и город. И опять дурная погода — сумрачные тучи.

Накоротке собираем Военный совет. Трех — пятиминутные доклады командиров соединений. Выслушав их, командующий объявляет, что главнокомандующий Северо-Западного направления К. Е. Ворошилов с разрешения Ставки приказал эвакуировать флот и гарнизон Таллина в Кронштадт и Ленинград.

В конце августа оборона Таллина не могла уже сыграть той роли, которую играла, когда Таллинский фронт растягивался на многие километры и столица Эстонии имела связь с Ленинградом. Теперь не было смысла оставлять под ударом корабли. Матросская стойкость нужна была в Ленинграде, над которым нависла смертельная опасность. Враг перехватил дорогу Луга — Ленинград. Нужно было идти на помощь, защищать невскую твердыню не на дальних подступах, а непосредственно у самых стен города.

Вставал вопрос, как лучше перебросить силы флота и 10-го стрелкового корпуса в Ленинград. Было совершенно очевидно, что вывод кораблей из Таллина будет связан с большими жертвами. Дело в том, что единственный фарватер, которым могли идти наши корабли, лежал между двух близко расположенных друг от друга берегов, занятых противником, где немецко-фашистские захватчики создали сильные минно-артиллерийские позиции. Их подводные

лодки и торпедные катера располагались в финских шхерах, удобных для внезапного нападения.

Авиация противника могла действовать с обоих берегов. Наши же самолеты могли прикрывать корабли, начиная только от острова Гогланд. Самый опасный участок Таллин — Гогланд авиацией не прикрывался. В переходе наряду с военными кораблями должно было участвовать много тихоходных транспортов с гражданским населением, сухопутными войсками.

Надо отдать должное штабу флота, сумевшему в течение суток проделать огромную работу по подготовке эвакуации. Предварительные расчеты и разработки на случай ухода из Таллина, конечно, были давно сделаны, но хорошее знание своего дела каждым штабным работником и исключительная сработанность всего коллектива штаба позволили за короткий срок разработать документацию — маршрут и план перехода (не перехода, а прорыва, конечно), расставить транспорты у причалов, составить маршруты и порядок отхода войск и посадки их на корабли. Расчеты... Расчеты...

Над рейдом, над шапками черного дыма кружат «юнкеры». Корабли маневрируют и сильным метким огнем отгоняют воздушных пиратов.

Наши части проводят энергичную контратаку, чтобы отвлечь противника, дать возможность оторваться от него пехотным частям и произвести их посадку на корабли. В целях поддержки солдат и матросов бьют все корабли. Батареям островов Вульфа и Наргена дана команда стрелять до полного расстрела материальной части.

Враг отеснен. На некоторых участках на два-три километра. Ставится огневая завеса для отвода частей. Войска идут скорым маршем к гаваням. Пехотинцы осторожно и нерешительно взбираются по трапам. Матросы по-братски встречают солдат.

27 августа — исключительно тяжелый день. Еще напряженнее ночь на 28-е число — последние часы перед уходом. Все на ногах. Об отдыхе и сне никто не думает. В 4 часа утра Военный совет выходит на посыльном судне «Пиккер» из Минной гавани. Там остаются лишь два катера для начальника штаба флота Ю. А. Пантелеева и начальника тыла М. И. Москаленко. Они уходят последними.

У острова Нарген с «Пиккера» переходим на крейсер «Киров». Погода почти штормовая.

Поднимаюсь на мостик. Смотрю в сторону Таллина. Го-

рят окраины. В гаванях взрывы. Становится больно и горько...

То обстоятельство, что противник не сумел сорвать посадку на корабли войск и большого количества гражданского населения, говорило о многом: и о силе нашего артиллерийского огня, и о крепкой измотанности гитлеровцев в последних боях, и о хорошей организации эвакуации. Суметь в порядке отойти такой массе людей и кораблей под огнем нападающего противника — не просто.

Сильный северо-восточный ветер затруднял формирование эшелонов. Задерживали грузившие топливо тральщики. Это не позволило начать переход рано утром, как намечалось планом. Первый отряд тронулся от островов Наргена и Аэгна после полудня, а последний взял курс на Кронштадт к вечеру. На палубах боевых кораблей царило безмолвие. Стиснув зубы, смотрели матросы на скрывающиеся в тумане шпили таллинских башен. Там, на берегу, у обглоданных морем гранитных камней, на песчаном пляже Пирриты, в окопах Кадриорга, остались спать вечным сном наши боевые товарищи...

Двести вымпелов упорно пробивались к Кронштадту. Главным врагом их были мины и фашистские бомбардировщики. Атаки с воздуха начались с 16 часов и продолжались до темноты. На «Киров» самолеты налетали и группами и одиночками. Но всегда на пути их густо вырастали облачка разрывов. Это били зенитки, управляемые старшими лейтенантами Александровским и Кравцовым.

В воздухе над морем слышался свист падающих бомб. Сторожевой корабль «Аметист» фашисты бомбили 7 раз, эскадренный миноносец «Гордый» — 26 раз. Особенно доставалось транспортам, у которых противовоздушная оборона была слабой. Несколько десятков воздушных налетов выдержало учебное судно «Ленинградсовет». От потопления его спасло умелое маневрирование и решительные действия командира корабля — старшего лейтенанта Н. Н. Амелько.

Несмотря на многочисленные атаки самолетов, от бомб противника не погиб ни один боевой корабль. Но кроме авиации, которая грозила сверху, опасность подстерегала снизу — из морской глубины, справа и слева от побережий, занятых противником. Особенно запомнился мне тяжелый вечерний час 28 августа.

Стоим на мостике «Кирова». Солнце зашло за горизонт, но видимость хорошая. Впереди крейсера идут ледокол

«Суртыль», за ним эсминец «Гордый». Скоро стемнеет и, следовательно, воздушная опасность уменьшится. Зато увеличивается опасность минная. Командующий флотом отдает приказание усилить наблюдение за морем. Смотрю на корму крейсера. В кильватер ему идет подводная лодка С-5.

— Взрыв мины за кормой! — кричит сигнальщик.

Я вместе с сигнальщиком увидел водяную шапку, подброшенную взрывом и закрывшую подводную лодку, но взрыва не слышал. «Может быть, еще ничего страшного», — мелькнуло в голове и тут же стало ясно, что случилось непоправимое. Вынырнувшая из облака водяных брызг С-5 быстро исчезла с водной поверхности.

Взрывом выбросило в воду стоявших на мостике командира бригады подводных лодок Героя Советского Союза Н. П. Египко (теперь вице-адмирал) и военкома бригады Георгия Обушенкова. Товарища Египко через полчаса подобрал патрульный катер, товарища Обушенкова подобрали несколько позже.

В 20 часов 35 минут снова тревожный доклад сигнальщика — мина в правом параване!¹

Произошло неожиданное. Вместо того чтобы отделить мину от минрепа на безопасном от корабля расстоянии, параван подтягивал ее к борту. Минута промедления — и шар, начиненный взрывчаткой, разворотит борт крейсеру. Несчастья не произошло, трос паравана успели обрубить.

Контр-адмирал В. П. Дрозд решительно предлагает убрать параваны. «К чертовой матери эту технику, которая под ручку подводит к борту смерть!»

Значит, немцы что-то придумали против паравана. Не успели принять решение, как быть с параваном, как взорвалась мина впереди «Кирова», подорвался «Гордый». К счастью, миноносец выдержал и остался на плаву.

Почти сразу же после подрыва «Гордого» в 20 часов 40 минут шедший в охранении «Кирова» эсминец «Яков Свердлов» заметил перископ подводной лодки и подал сигнал открыть огонь. Но через три минуты на глазах у всех, кто находился на мостике «Кирова», эсминец переломился и мгновенно затонул.

Погиб эсминец, спасая флагманский корабль. Бывший

¹ Параван — специальный аппарат, предназначенный для защиты корабля от мин.

командир эсминца капитан 1-го ранга запаса Александр Матвеевич Спиридонов рассказывает:

«В 20 часов 40 минут старшина сигнальщиков Быховец доложил мне о появлении перископа фашистской подводной лодки. Взглянув в указанном направлении, я увидел торчавший над водой кончик перископа. В этот момент послышался новый доклад: «Обнаружен след торпеды!» Крейсер «Киров» уменьшил ход, так как в его параваны попали мины. Раздумывать было некогда, я бросил эсминец наперерез торпед. Спасая флагман, «Яков Свердлов» принял удар врага на себя. Раздался страшной силы взрыв, корабль стал быстро погружаться в воду. Оставшиеся в живых были подобраны тральщиками»¹.

Флот продолжал движение вперед.

В 20 часов 59 минут «Киров» открыл огонь по перископу подводной лодки, а через две минуты, в 21 час 01 минуту, вновь затрелил мину параваном.

Не прошло и четверти часа — в 21 час 15 минут торпедные катера противника пытались атаковать флагманский корабль. Крейсер отогнал их огнем главного калибра и зенитных пушек.

Все это произошло на протяжении одного часа. Подводная лодка С-5 подорвалась в 20 часов 11 минут, а огонь по торпедным катерам был открыт в 21 час 15 минут. Если учесть, что в течение этого часа было обнаружено несколько плавающих мин и противник в это же время вел обстрел кораблей с берега, то можно представить, какого напряжения от личного состава требовал прорыв кораблей.

Грозным врагом для наших кораблей во время прорыва были мины. Кто участвовал в переходе, никогда не забудет почти ежеминутных докладов вперёдсмотрящих и сигнальщиков:

— Слева по борту мина!

— Мина справа!

На минном поле почти в начале перехода подрывается транспорт «Элла». Затем подорвался на mine транспорт «Вирония». В ночь с 28 на 29 августа гибнет несколько боевых и вспомогательных судов. Даже и тогда, когда была форсирована минно-артиллерийская позиция, мины всех видов и образцов густо попадались на пути каравана. Самое страш-

¹ «Подвиг эскадры». Статья в газете «Страж Балтики» за 24 августа 1966 года.

ное — мы не располагали средствами борьбы с магнитными минами и почти не имели мореходных тралыщиков.

Геройски вел себя экипаж лидера «Ленинград». Десятки матросов и старшин с наступлением темноты легли на палубу и, свесившись за борт, всматривались в набегающие волны: нет ли на них плавающих мин. Когда и справа, и слева, и прямо по курсу лидера появились мины, матросы специальными шестами отталкивали их от борта и перемещали до кормы корабля. С помощью их удавалось предотвратить катастрофу. Но шест не всегда мог выручить, и тогда комиссар лидера М. Е. Сафонов подавал команду:

— Коммунисты, за борт!

Впрочем, такая команда и не требовалась. Матросы лидера, и не только коммунисты, готовы были жертвовать собой, чтобы спасти «Ленинград». Руками отводили герои «плавающие смерти» от родного корабля. Это были подвиги подобные тем, когда советские патриоты телом своим закрывали пулеметные амбразуры врага.

Так же поступили и матросы эсминца «Славный». Во время вынужденной ночной стоянки на минном поле они под руководством секретаря партбюро политрука Блохина несли вахту на шлюпках у бортов корабля и отводили мины в сторону. Высокую выдержку и умение организовывать борьбу с минной опасностью проявил командир «Славного» капитан 3-го ранга Осадчий.

29 августа на транспорт «Казахстан» фашисты сбросили свыше 100 бомб. 19 атак произвели тогда же бомбардировщики на транспорт «Лютцерна», на борту которого находились тысячи людей. И только тогда, когда у острова Лавенсаари появились наши истребители, удары фашистской авиации по транспортам и вспомогательным судам стали слабеть.

Гитлеровские вояки явно недооценили высокий моральный дух советских людей. Несмотря на дьявольски трудные условия, моряки не растерялись.

Переход был связан с большими жертвами. Сотни людей, выброшенные взрывами бомб и мин за борт, часами плавали в крошечной тьме и гибли в пучине моря. Многим и многим людям, оказавшимся в воде, сохранили жизнь спасательные пояса, капковые бушлаты, наконец, обломки досок и плавающие на поверхности воды случайные предметы, за которые можно было ухватиться. Говорят — утопающий хватается за соломинку. Соломинка не спасет, а вот

людей, ухватившихся за плавающую мину, подбирали. Качается на волне готовая взорваться от удара и разворотить стальной корпус корабля мина, а за нее уцепился человек, и эта «плавающая смерть» спасала его от гибели.

Катера, мелкосядящие вспомогательные суда и шлюпки с больших кораблей имели на переходе назначения подбирать гибнущих людей. Спасали утопающих и другие корабли. Моряки БТИЦ-218 подняли из воды несколько десятков человек и оказали им медицинскую помощь. Матросы лидера «Минск», подорвавшегося на mine, спустив на воду спасательные шлюпки, выловили также часть людей с затонувшего на их глазах эскадренного миноносца «Скорый».

Прорыв в Кронштадт удался. Корабли пришли к рубежам Невы. Нацисты раструбили на весь мир о гибели Балтийского флота, а наши корабли на другой день по приходе на Большой кронштадтский рейд получили задания по обстрелу фашистских войск, рвавшихся к заставам города Ленина.

Делясь впечатлениями о переходе, генерал-майор И. Ф. Николаев сказал нам в Кронштадте:

— За два месяца я видел войну в различных и многообразных проявлениях. Приходилось проскакивать минные поля, быть под артиллерийским обстрелом, выдерживать массированные бомбовые удары, видеть гибель людей. Но такого состояния, какое было у меня на переходе, никогда не испытывал, и, вероятно, вы, моряки, его не поймете.

После этого перехода никакое сражение на суше удивить меня не может. Такого сложного переплета боевых событий в такой короткий по времени срок на земле быть не может. Подумать только — корабль на минном поле и по нему бьет артиллерия, пикируют самолеты, охотятся подлодки и катера. Все это одновременно, да еще к тому же корабль на волне раскачивается... Герои ваши моряки. Все до одного герои...

В этой оценке мужества балтийцев во время таллинской эпопеи нет преувеличения...

Более четверти века минуло с тех пор, когда корабли Балтийского флота совершили прорыв из Таллина в Кронштадт, но у его участников никогда не изгладится из памяти героический поход. И кто шел тогда на кораблях, тот навсегда сохранит в памяти ту минуту, когда впереди в дымке увидел наконец очертания родного Кронштадта: купол собора, трубы Морского завода, серые форты, точно железобетонный чстокол протянувшиеся от северного к южному берегу залива.

Мал остров Котлин, на котором расположен город-крепость. Словно палуба корабля продувается он насквозь ветрами. Но слава острова велика. В Кронштадте каждая улица и набережная, каждый дом — свидетели замечательных событий. Здесь, на поросших редким лесом берегах, на смерть стояли в XVIII веке петровские бомбардиры, отбивая ядрами атаки «непобедимых» шведских эскадр. Отсюда в XIX столетии в кругосветные плаванья и в далекие вояжи уходили Крузенштерн, Беллинсгаузен, Лазарев и другие неутомимые русские путешественники. Кронштадт — родина великого открытия человеческого разума — радио. Моряки-кронштадтцы были верной опорой партии большевиков в дни Великого Октября и в огненные годы гражданской войны. В 1919 году от гранитных причалов города-крепости почти ежедневно отходили катера и баркасы с матросами, отправлявшимися на сухопутный фронт. Балтфлот послал тогда тысячи своих сынов отражать натиск белогвардейщины и интервентов. Грозное «Мы из Кронштадта!» боевым кличем гремело на Волге и Дону, под Херсоном и Казанью, на просторах Кубани и в степях под Царицыном.

В день нашего прихода Кронштадт был традиционно суворов, по-военному подтянут. И тоже, как и встарь, отправлял очередной отряд своих бойцов на сухопутье. Враг в 30 километрах от Ораниенбаума. Уже простреливается Нева. Положение на фронте очень тяжелое.

Незабываемая картина. С запада один за другим на Большой кронштадтский рейд подходят отставшие в пути транспорты, тральщики. С них на кронштадтскую землю льется поток радостных лиц. Даже раненые улыбаются.

Навстречу, к пирсам на погрузку движется краснофлотская колонна. Эти — в бой: под Калище, к Ивановским порогам... Раздалась команда, дрогнули штыки, и вот уже будущие герои сухопутных сражений быстро заполняют палубы вспомогательных судов. Придется ли им вернуться в родное гнездо? Словно по сговору, матросы срывают с голов бескозырки и машут ими в сторону притихших на рейде боевых кораблей...

В августе под Ленинградом сражалось, плечом к плечу с армейцами, несколько сухопутных соединений балтийцев. Первая бригада морской пехоты вела бои под Красным Селом. Вторая и пятая дрались под Нарвой, Кингисеппом, Котлами, Гостилицами. Третья бригада — на Карельском перешейке. Четвертая — на островах Ладожского озера.

Флотские сухопутные части бросались в бой с ходу и, как правило, на самые ответственные участки фронта. Нередко они шли на линию огня, не дожидаясь окончания формирования. Так было, например, с первой бригадой морской пехоты. Во время жарких боев под Красным Селом моряки безаветно отстаивали каждую пядь советской земли. Бригада в течение трех дней потеряла две трети личного состава, но рубеж отстояла.

Четвертая бригада формировалась всего лишь одни сутки и, не проходя ни одного дня обучения, была брошена в бой. Перед одним из ее батальонов командование поставило задачу захватить острова Лункулусаари и Монтенсаари. После жестокого боя в живых осталось 110 моряков, но враг был сброшен с островов в озеро.

А когда бои шли за Нарву, канонерские лодки и эскадренные миноносцы Балтийского флота активно участвовали в артиллерийской поддержке приморского фланга нашей армии. С конца июля в Копорском и Нарвском заливах с этой целью находился специальный отряд кораблей, взаимодействующий с сухопутными войсками и флотскими тяжелыми железнодорожными батареями.

Особенно выделялся высоким артиллерийским мастерством личный состав канонерской лодки «Красное знамя». У этого корабля, ровесника «Авроры», замечательная история. В знаменитом Моонзундском сражении осенью

1917 года, когда на подвиг балтийцев вел «невидимый адмирал» (так называли в те дни большевистскую партию, волю которой выполняли судовые комитеты боевых кораблей), канонерка блестяще выдержала неравный бой на Кассарском плесе: потопила немецкий миноносец, а второй подбила. В начале двадцатых годов одним из первых кораблей Балтики лодка «Красное знамя» приняла на свой борт посланцев во флот Коммунистического Союза Молодежи. Комсомольцы пришли на корабли с мечтой о больших океанских походах, с «романтикой солнечных рей». Служба на канонерской лодке была хорошей школой для молодых военных моряков.

Великая Отечественная война застала корабль-ветеран в море. Канонерская лодка вышла на практические стрельбы с курсантами Высшего военно-морского ордена Ленина Краснознаменного училища имени Фрунзе.

В 18 часов 45 минут 27 июля 1941 года желто-зеленые столбы пламени рывком метнулись из орудий «Красного знамени» в небо. С благодарностью оглядывались в сторону моря красноармейцы, сражавшиеся в прибрежной полосе: помощь прибыла вовремя. Затем огонь был перенесен в район деревни Низы. По данным разведки, там наблюдалось скопление мотомехчастей противника. С наблюдательного пункта сообщили: «Направление хорошее, продолжайте стрельбу».

На другой день в 7 часов 15 минут канонерская лодка вновь открыла огонь. За Нарвой по шоссе на дороге двигались части второго эшелона гитлеровцев. 132 снаряда обрушили моряки на его голову. Через пять часов комендоры «Красного знамени» повторили стрельбу по первой цели. По радио офицер связи при 191-й стрелковой дивизии капитан 2-го ранга Быков передал: «Стреляли хорошо, подавлены две батареи и уничтожено много живой силы неприятеля».

Более двух недель поддерживал корабль своим огнем нашу пехоту у Нарвы. Особенно удачными были стрельбы канонерской лодки по переправам через реку Плюсса. Продвижению фашистов здесь сильно мешал болотистый берег, трудно проходимый для людей и совершенно непроходимый для техники. Гитлеровцы решили через торфяное болото напрямик к реке проложить дорогу из дерева и бетона. Работы проводились ночью. Строилась дорога в три линии. Быстро закончив строительство, противник предпринял попытку форсировать реку. На большой скорости из лесу вынеслись

специальные катки со стоящими на них понтонами. Они направлялись по рейкам дороги, затем понтоны, сорвавшись в воду, плыли на противоположный берег.

Корректировочная партия моряков держала под непрерывным наблюдением строящуюся переправу и, как только катки двинулись, немедленно сообщила на корабль. Не прошло и полминуты, как на фашистов обрушился смертоносный вихрь огня «Красного знамени». Мастерски действовали орудийные расчеты Константинова, Андреева и Колосова. Без задержки вели огонь артиллеристы Дегтяренко и Фарафوشيца. Орудия накалились. Горела краска, а берег все просил и просил усилить огонь.

Снаряды корабля накрыли переправу. Об этом пишет в своем дневнике старшина 1-й статьи Степаненко, находившийся в то время в нескольких метрах от врага на корректировочном посту: «Буквально в несколько минут дорога была разбита артиллерией нашего корабля. Две наведенные переправы рухнули, и остатки их понеслись вниз по течению реки, а третья повернула в нашу сторону. Видя такую поддержку моряков, пехота с криком «ура!» бросилась на врага, успевшего переправиться на наш берег, и опрокинула фашистов в воду. В течение дня после этого крещения флотским огнем фрицы убрали трупы».

Встревоженные активными действиями наших кораблей в Нарвском заливе, фашисты не раз пытались уничтожить «Красное знамя» ударами с воздуха. Были дни, когда сигнал воздушной тревоги звучал на корабле по 15—20 раз в сутки. Однажды фашистским летчикам удалось положить бомбы рядом с канонеркой. Со стороны было видно, как она окуталась дымом. На катерах сопровождения решили, что канонерская лодка получила попадание и тонет, но вот мелькнули мачта, мостик, и перед изумленными взорами катерников показался корпус корабля.

Канонерка потеряла ход. Когда прошли секунды потрясения от чудовищных взрывов, во всех отсеках корабля закипели спасательные работы. Комсомолец машинист Коротков без света, в клубах горячего пара быстро ввел в действие турбодинамо. Карпов наладил аварийное освещение. Когда для поддержания давления пара в котле была организована подача мазута форсункам ручным способом, Карпов голенью левой ноги перекрыл отверстие магистрали, преградив доступ мазута на второе дно. Умело вводил в строй один агрегат за другим коммунист старшина 2-й статьи

электрик Пашков. Не покинул боевого поста раненный в голову краснофлотец машинист Корнеев.

Отличное знание боевой техники позволило личному составу быстро ввести в действие необходимые механизмы и приборы. Через несколько минут корабль получил ход, а через несколько дней его орудия вновь громили врага.

Полтора месяца я не был в Ленинграде. За это время он заметно изменился: стал суровее, строже. Город-труженик надел боевые доспехи: опоясался широкой лентой окопов, противотанковых рвов, надолб. В парках и на городских площадях появились зенитные установки, на вышках зданий — наблюдательные пункты. Окна подвалов заложены кирпичом и мешками с песком. Защиты досками витрины магазинов. Кажется, каждая улица, каждый дом предупреждают о том, что враг у ворот Ленинграда.

Еще строже становился город в вечерние и ночные часы. Не шумит, как растревоженный муравейник, Невский. Не слышен веселый гомон на бульварах Кировского проспекта. Лишь идут осторожно по пустынным улицам патрули да проносятся военные автомобили с погашенными фарами.

Пустели к вечеру улицы и проспекты. Затемнялись громады жилых домов. Но жизнь в городе не замирала ни на минуту. Куда бы мы ни задумали заглянуть августовской ночью, увидели б везде: люди деятельно готовятся к отражению вражеского штурма. С небывалой производительностью спорилась работа в заводских цехах. Не мешала темнота и строителям дотов, дзотов и баррикад на городских окраинах. В бледном свете луны на крышах зданий можно было различить подростков, прижавшихся к трубам. Эти тоже на посту: город готовился к противопожарной обороне. А в госпиталях на ночное дежурство заступали славные ленинградские девушки. Час-другой назад они стояли у ткацких машин, у станков «Севкабеля» и «Светланы».

20 августа ко всем трудящимся города с призывом обратились Главное командование войсками Северо-Западного направления и Ленинградский областной и городской комитеты ВКП(б).

«Не для того мы живем и трудимся в нашем прекрасном городе, — говорилось в этом воззвании, — не для того мы своими руками построили могучие фабрики и заводы Ленинграда, его замечательные здания и сады, чтобы это доста-

лось немецким фашистским разбойникам. Никогда не бывать этому! Встанем, как один, на защиту своего города, своих очагов, своих семей, своей чести и свободы!»

И Ленинград поднялся — весь, от мала до велика. Партийная организация города послала на фронт 86 тысяч коммунистов, комсомольская организация — 185 тысяч комсомольцев. 160 тысяч добровольцев вступило в течение нескольких дней в народное ополчение.

В первый день сентября мы с командующим флотом направляемся на доклад к Клименту Ефремовичу Ворошилову. У В. Ф. Трибуца с собой материал по прорыву в Кронштадт и соображения Военного совета о включении кораблей и частей Балтийского флота в общую систему обороны города.

Коротко ознакомив нас с обстановкой на Ленинградском фронте, главнокомандующий говорит о том, что противник попытается захватить Ленинград с ходу. Эти попытки будут очень опасными. Для Гитлера захват Ленинграда важен не только в стратегическом отношении, но и для поднятия своего престижа, упавшего в связи с неудавшейся молниеносной войной. Одновременно он подчеркнул, что, несмотря на тяжесть момента, соотношение сил на Северо-Западном направлении уже не то, что было в начале войны. Тогда у вражеской группировки «Север» имелось тройное превосходство в силах и преимуществе внезапного нападения, а сейчас немецко-фашистские захватчики превосходят нас в технике и в людском составе менее чем в 2 раза. Дают себя знать потери врага. Только на берегах Луги и Плюсы гитлеровцы потеряли более 70 тысяч солдат и офицеров. С другой стороны, сказывается огромная работа, проводимая партийной организацией Ленинграда в помощь фронту.

Через несколько дней Военный совет Краснознаменного Балтийского флота обратился к трудящимся Ленинграда. Это было торжественное обещание, выражающее волю матросов Балтики защищать город до последнего дыхания. «Пока бьется сердце, пока видят глаза, пока руки держат оружие — не бывать фашистской сволочи в городе Ленина...» — говорилось в обращении. В сентябре эти слова, как клятва, грозно и торжественно звучали на палубах боевых кораблей, на фортах и батареях, в частях морской пехоты. Ими напутствовали своих товарищей, уходивших на сухопутный фронт, моряки линкора «Октябрьская революция», лидера «Минск» и других кораблей.

У военных моряков к городу на Неве отношение особое. Этот город является колыбелью русского военно-морского флота. Само создание северной столицы Петром Первым было связано с необходимостью «ногою твердой стать на море». Здесь, в Питере, строились первые крупные корабли, которые уходили потом в просторы морей и океанов. Здесь готовились морские кадры. Ленинград и Кронштадт — это гнезда, из которых вылетали балтийские орлы — русские матросы. Они всегда были крепко связаны с питерским пролетариатом. Потому и был балтийский матрос одной из центральных фигур революционного Петрограда. Потому и стал он надежной опорой победившего народа. Ленинград — город морской славы. Место военных моряков — в первых рядах его защитников.

Опасность над Ленинградом нависла огромная. 30 августа фашистам удалось захватить станцию Мга. Последняя нить, связывавшая город со страной, была перерезана. 8 сентября гитлеровцы заняли Петрокрепость (Шлиссельбург). В тот же день (это был 79-й день войны) ленинградцы впервые услышали стонущий вой падающих бомб. Они вызвали пожар Бадаевских продовольственных складов.

9 сентября фашистские войска начали наступление по всему фронту. На Ленинград двинулись лавина танков и самолетов, десятки тысяч гитлеровцев на бронемашинах и мотоциклах. На пятый день врагу удалось прорвать фронт в районе Старо-Паново, Лигово. Немного более десяти километров отделяло теперь передовые части противника от Кировского завода и мясокомбината, от проспекта Стачек и въезда в Ленинград по Киевскому шоссе.

Две основные задачи встали перед Балтийским флотом в эти дни: мощным огнем всех своих артиллерийских средств и авиацией оказать поддержку наземным войскам в отражении штурма, не допустить фашистские корабли в восточную часть Финского залива, то есть сделать так, чтобы ни один вражеский снаряд не смог бы упасть на город со стороны моря. Огневая завеса на суше, огневой щит на море!

Расстановка флотских сил была проведена оперативно. В один из сумрачных сентябрьских дней в Неву вошли эскадренные миноносцы и канонерские лодки. Они заняли позиции от устья реки до Ивановских порогов. Точно пальцы гигантской руки, вытянулись в сторону наступающего врага могучие тела дальнобойных орудий линкора «Марат», вставшего в ковше Морского канала, крейсера «Петропав-

ловск», занявшего позицию в Угльной гавани. Линкор «Октябрьская революция» стоял в Морском канале против поселка Стрельна, крейсер «Максим Горький» — у Хлебного мола. В Невской губе и по всем рукавам Невы расположились десятки барж с зенитными орудиями, прожекторами и аэростатами заграждения.

Били флотские пушки и с суши — с Пулковских высот и Дудергофа. Артиллерийские расчеты были укомплектованы лучшими корабельными комендорами. В ход пошло все: артиллерийские установки морского полигона, орудия, взятые со складов и даже с борта «Авроры». К 1941 году легендарный крейсер устарел не только как боевой, но и как учебный корабль. И все же он принял участие в боях. Авроровские пушки «ушли» на берег и были включены в состав стационарной батареи в Дудергофе.

Среди многообразного флотского оружия, отражавшего штурм Ленинграда, одно из значительных мест принадлежит железнодорожным артиллерийским батареям. Уже в сентябре 1941 года их насчитывалось более двадцати. Большинство из них было создано в короткий срок в цехах ленинградских заводов. Специалисты этих предприятий товарищи Глота, Немец, Михайлов, Прокофьев, Непомнящий, Трушин, Николаев, Малиновцев и многие другие обучали краснофлотцев обслуживать механизмы в бою. Нередко было так: ночью заканчивалась последняя рабочая операция по установке орудий на платформы, а ранним утром новая «стотридцатка» выходила на боевой рубеж.

29 августа 1941 года старший лейтенант Глухарев, сопровождаемый добрыми пожеланиями рабочих, выводил свою батарею с территории завода. А на другой день в его дневнике появилась запись: «За 30 августа выполнено 15 боевых задач с общим расходом боезапаса 315 снарядов. В результате огневых налетов привели к молчанию вражескую батарею, дважды рассеивали скопление противника на опушке леса, обстреливали переправу через реку Ижору, вели огонь по танковой колонне».

Где только не располагались тогда транспортеры и платформы с орудиями железнодорожных батарей! Их можно было встретить на заводских тупиках и вблизи ленинградских вокзалов, на специально построенных ветках в лесу и на территории торгового порта. Это была крупная ударная и маневренная сила.

Корректировочные посты артиллеристов были распо-

жены на многих наиболее высоких сооружениях города, поближе к переднему краю, например на здании Кировского районного Совета депутатов трудящихся, на недостроенном здании Дворца Советов, на высоких домах в Автово, на вышке мясокомбината. Огонь железнодорожных батарей корректировался также с самолетов и аэростатов.

В начале сентября 1941 года на улицах Ленинграда разорвались первые снаряды противника. С этого момента железнодорожная артиллерия Балтийского флота стала вести контрбатарейную борьбу. В подавлении вражеских батарей артиллеристы-моряки имели значительные преимущества по сравнению с армейской артиллерией. Калибр железнодорожных батарей был крупнее, на некоторых платформах стояли даже 14-дюймовые пушки. Батареи были подвижными и маневренными. Большое значение имела дальность и меткость железнодорожных установок. Этой могучей техникой управляли замечательные люди. Среди них кроме моряков было много квалифицированных ленинградских рабочих. Сорок паровозных бригад пришли в железнодорожную артиллерию с железнодорожного транспорта вместе со своими паровозами.

Сложная обстановка требовала новых усилий со стороны балтийских моряков. С первых дней войны Балтийский флот направлял на сухопутные участки фронта много краснофлотцев и командиров. В середине сентября в дополнение к ранее созданным бригадам была сформирована шестая бригада морской пехоты численностью 4300 человек. Вначале она вела бои в районе Стрельны, под Лиговом, а затем дралась на подступах к Волховстрою, у Синявинских болот.

Примерно через неделю на фронт ушла седьмая бригада морской пехоты. В ее составе было 5090 человек. Поначалу она занимала линию обороны от реки Ижорки до Московской Славянки. Позднее ей были приданы артиллерийский полк, минометный батальон и некоторые другие части. Командовал седьмой бригадой один из героев таллинской обороны полковник Т. М. Парафило, военкомом был Н. П. Грачев. Действовала она в составе 55-й армии. В декабре бригада была переформирована в 72-ю стрелковую дивизию. К осени 1941 года на сухопутном фронте находилось уже 80 тысяч человек.

Военному совету предстояло не только срочно расставить пришедшие из Таллина боевые силы флота, но и принять на себя непосредственное управление над теми кораб-

лями, частями, флотилиями, которые находились или создавались в ленинградском морском районе с первых дней войны.

В оперативном отношении Краснознаменный Балтийский флот подчинялся тогда Военному совету Ленинградского фронта. Все боевые действия флота проводились в строгой согласованности со штабом Ленинградского фронта.

После подведения первых итогов прорыва из Таллина в Кронштадт мы собрали командиров и комиссаров соединений, а 3 сентября — отдельно политработников. В зале, где проходило совещание политсостава, бросилось в глаза: некоторые участники прорыва из Таллина в Кронштадт имели больше «серебра на висках», чем несколько дней назад. Многое пришлось в этот короткий срок испытать вожакам краснофлотцев. Но впереди ждали не меньшие испытания. Чувствовалось, что серьезность положения ясна. И это облегчало нашу задачу. Разговор получился интересный и instructive. Были высказаны дельные предложения о расстановке партийных сил, об использовании подводных лодок и авиации, о взаимодействии с сухопутными войсками, о воспитании моряков в духе глубокой преданности Родине.

Через несколько дней, 7 или 8 сентября, Военный совет снова собрал командиров и политработников для решения неотложных практических задач. Речь тогда шла о задачах партийных и комсомольских организаций по подготовке к длительной обороне. Нужно было поднять боевой дух, научить личный состав готовить укрытия, щели, приучить к экономии продуктов, топлива и снарядов.

Нередко в то горячее время советовались мы с партийным активом. Но не менее часто обращались за советом и в штаб обороны города — в Смольный. Туда протянулись все нити управления войсками Ленинградского фронта, советскими и партийными организациями. Там размещались городской и областной комитеты партии, штаб фронта. Член Политбюро ЦК ВКП(б) А. А. Жданов был членом Военного совета Ленинградского фронта. В Военный совет входили также секретарь горкома А. А. Кузнецов, секретарь обкома Т. Ф. Штыков.

Совершенно естественно, что при таком положении не возникало никаких противоречий в распоряжениях военных и гражданских властей. Секретари райкомов, председатели исполкомов Советов чувствовали себя военными людьми. В советских органах была военная дисциплина. Такая кон-

центрация власти сыграла положительную роль в отражении натиска врага на Ленинград.

Впервые с Невы наши корабли открыли огонь 30 августа. Отряд под командованием капитана 1-го ранга В. С. Черокова (ныне вице-адмирал) вел в этот день стрельбы по фашистским частям, подходившим к Ивановским порогам. 7 сентября мотомехчасти противника попали первый раз в зону действия корабельной артиллерии и на юго-западных подступах к Ленинграду. Теперь по врагу били все корабли, и били ежедневно.

Непроходимую стену огня и металла поставили на пути фашистов корабли, занявшие позицию на Неве. Один из них — эскадренный миноносец «Стройный» (командир капитан-лейтенант А. Н. Гордеев) всего лишь за четыре дня до начала сентябрьских боев поднял флаг Военно-Морского Флота. Боевое крещение у новичка прошло отлично. 13 раз в течение того памятного дня его орудия «брали слово». Снаряды «Стройного» выбили немецко-фашистских захватчиков из селений колхоза «Красный бор».

Когда фашисты двинулись на штурм города, капитан-лейтенант А. Н. Гордеев говорил матросам перед боем: «Родина доверила нам ответственный участок сражения за Ленинград. По носу корабля — Ивановские пороги, за кормой — семь ленинградских мостов, которые для нас никто не разведет... Отступать некуда. Будем драться до последнего снаряда, до последнего человека!»

И экипаж «Стройного» дрался мужественно, умело. 262 раза открывали огонь по врагу его комендоры в сентябре, из них 226 стрельб — главным калибром. Газета «Ленинградская правда» осенью 1941 года писала об эсминце:

«...За блестящие боевые дела моряки корабля получили около двух десятков благодарностей от командиров сухопутных частей и соединений. Своей боевой работой балтийцы завоевали прочный авторитет среди нашей пехоты. Каждый день они выполняют 9—12 заданий по подавлению огневых точек противника и его живой силы. Ни днем, ни ночью миноносец не дает покоя гитлеровским бандитам. Огонь корабля покрывает их и в Красном Селе, и в Мге, и в Пушкине, и в Красногвардейске... Благодаря его (корабля) огневой поддержке мужественные защитники города Ленина не раз успешно теснили врага и наносили ему серьезные удары...» Подобный отзыв можно было дать о любом корабле, стоявшем тогда на Неве.

Блестяще справился «Стройный» с задачей уничтожения целей в районе деревень Гринка и Грачевка. Задание было получено 1 октября непосредственно от командования фронта. От немецкой батареи и мотоколонны осталось одно воспоминание. Вечером командир эсминца получил телеграмму, в которой командование фронта благодарило моряков «Стройного» за отличную стрельбу.

Нелегко, ох как нелегко давались балтийцам эти результаты! Почти все корабли, особенно стоящие на Неве и в Морском канале, не имели возможности маневрировать. Тяжелая артиллерия 18-й немецкой армии могла вести и нередко вела прицельный огонь по нашим эсминцам, крейсерам и линкорам. Не раз пытались фашисты вывести корабли из строя и массированными ударами с воздуха.

Кораблям приходилось менять места стоянки. Линкор «Марат» из ковша Морского канала уходит в Кронштадт. Меняет место и крейсер «Максим Горький». Я был на нем, когда он стоял в Гутуевском ковше. Крейсером командовал тогда А. Н. Петров, ныне вице-адмирал в отставке. Анатолий Николаевич рассказывал, как в результате сильного обстрела и прямых попаданий в крейсер 18 сентября он вынужден был уйти от стенки Хлебного мола.

— Никогда в практике не бывало, чтобы крейсер, длина которого 200 метров, в таких узкостях разворачивался без буксиров. А теперь, как видите, научились маневрировать на любом «пятачке».

В этой связи мне вспомнился случай, имевший место в 1931 году на минном заградителе «25 октября», на котором я тогда был комиссаром. Командовал кораблем В. Е. Эмме. Он хорошо знал свой громоздкий высокий минзаг и управлял им прекрасно. Так вот осенью после долгого пребывания в море мы подошли к воротам Кронштадтской гавани. Чтобы пройти в ворота и стать к стенке, нам должны были подать буксиры. Без буксиров нашему кораблю входить в гавань было запрещено. Буксиров вовремя не подали. Погода была скверная, штормило. Кораблю с большой парусностью удерживаться было трудно, его сносило.

— Давай входить без буксиров, комиссар,— обратился ко мне Валентин Евгеньевич.

Я не сомневался, что командир обойдется и без буксиров. Моряк он был лихой, но все же напомнил ему о неизбежном выговоре за нарушение инструкции. В ответ услышал сердитое:

— На войне придется рисковать, так надо же учиться.
А инструкция эта — просто перестраховка.

После столь убедительных доводов я согласился.

Командир весь как-то преобразился: глаза властно заблестели, голос приобрел особую твердость.

— Приготовиться! Входить будем без буксиров, — скомандовал он.

Эту команду краснофлотцы поняли как боевую тревогу. И работали с особой четкостью. Корабль хорошо прошел ворота и ошвартовался. А по выговору мы с командиром все же получили.

Теперь, в боевой обстановке, за подобное нарушение инструкции командиру «Максима Горького» надо было объявить не выговор, а благодарность. Война показала, что некоторые инструкции мирного времени держали наш комсостав «в страхе божием», мешали вырабатывать у командиров решительность и самостоятельность в действиях.

Чтобы корректировать огонь по нашим крейсерам, фашисты подняли над Красным Селом аэростат. Артиллеристы крейсера «Максим Горький» сбили его из главного калибра!

— Это все равно что мухе в глаз попасть! — шутили матросы.

Было немало таких удачных снайперских артиллерийских попаданий, которые поднимали настроение краснофлотской массы. На одном из заседаний Военного совета, кажется, комиссар линкора «Октябрьская революция» Петр Яковлевич Савин (а может быть, командир линкора Михаил Захарович Москаленко) рассказал, как гитлеровцы шли в психическую атаку в районе Петергофа. Он сам наблюдал этот бой с мостика корабля.

— Идут с автоматами гусиным шагом, впереди оркестр духовой, как на параде. Вот мы и ударили по этим психам. Второй снаряд попал прямо в оркестр. Вместе с землей полетели вверх медные трубы и барабаны. Быстро исчез запал у психов: повернули обратно и бросились бежать.

С начала боев за Ленинград только до 1 января 1942 года артиллеристы Балтики более пяти с половиной тысяч раз открывали огонь по врагу. Около 72 тысяч снарядов обрушили они на фашистов, штурмовавших город Ленина.

В осенних боях массовый героизм все больше и больше становился нормой поведения бойцов. Зенитчик линкора «Октябрьская революция» главный старшина Иван Дроздецкий, раненный осколком бомбы, не покинул орудия до

тех пор, пока не прозвучала команда: «Отбой воздушной тревоги!» На одной из железнодорожных батарей от попадания вражеской бомбы произошел взрыв погреба. Коммунист воентехник 2-го ранга Князев увидел опасность взрыва от начавшегося пожара и другого погреба; бросившись к нему, он не дал ему взлететь на воздух.

14 октября лидер «Ленинград» вел огонь в поддержку захлебнувшейся атаки наших пехотинцев. Точен был удар корабельных артиллеристов. Ободренные «флотским огнем», красноармейцы пошли на штурм высоты. Лидер перенес огонь на второй эшелон фашистских войск.

Гитлеровцы взбешены. По лидеру «Ленинград» стреляют теперь сразу несколько батарей. Рядом с кораблем вырастают огромные фонтаны разрывов. Осколки, словно град, дробно стучат по палубам. Разорвавшимся у борта снарядом был тяжело ранен командир орудия В. С. Кузнецов. На какой-то миг он потерял сознание. Когда пришел в себя, увидел: горит заряд. Увлеченные боем, товарищи Кузнецова не замечали, какая опасность нависает над кораблем...

Комсомолец с трудом поднялся и схватил горящий пороховой заряд. Но нет сил, непослушны ноги. Упал герой... Упал, но не сдался, пополз к борту. На нем горела одежда, из ран струилась кровь, он этого не замечал. Видел только одно — борт корабля, к которому так трудно дотянуться. Еще одно нечеловеческое усилие — и горящий заряд летит в воду...

— Меня оставьте. Спасайте корабль! — Эти слова были последними в жизни Василия Степановича Кузнецова, простого русского паренька из далекого Баку.

Приказом командующего Балтийским флотом память о герое была увековечена: В. С. Кузнецов навечно внесен в списки экипажа лидера «Ленинград», его именем названо одно из орудий корабля.

О подвиге комсомольца-старшины узнали земляки героя — бакинские нефтяники. Они присвоили имя Кузнецова одному из промыслов. Много сотен тонн «черного золота» дал этот промысел сверх плана в годы войны.

Наши корабельные дальнобойные орудия создали на ближних подступах к Ленинграду огневую завесу. Фашистское командование не сумело помешать действиям флотской артиллерии. В связи с этим оно направило на уничтожение кораблей большое количество авиации. Только на линкор «Октябрьская революция» гитлеровцы сбросили более 300

бомб. Особенно тяжелыми днями для нас были 21—23 сентября 1941 года, когда на Кронштадт и стоявшие там корабли враг произвел несколько сот самолето-вылетов. Фашистские штурмовики и тяжелые бомбардировщики шли волнами, в 70—80 самолетов, одна за другой. Были попадания в линкор «Октябрьская революция», затонул на мелком месте миноносец «Стерегущий»¹.

Зенитная артиллерия флота работала четко и безотказно. Над Кронштадтом было сбито несколько десятков гитлеровских асов, но налетала новая волна бомбардировщиков и вновь кружилась «в чертовой карусели». Так назывался тогда полет самолетов по кругу с последующим затем пикированием на цель.

Запомнился мне налет вражеской авиации на Кронштадт 23 сентября. Был яркий солнечный день, тихий, безветренный. Основная масса наших кораблей находилась на большом рейде. Внешне ничто не предвещало опасных событий. Я шел из политотдела охраны водного района к зданию, где размещался штаб флота. Осень, полностью вступившая в свои права, распустила на небольшой территории Петровского парка багряный ковер. Напротив, у беседки «отца радио» А. С. Попова, купались в солнечных лучах златокудрые березы.

Было так необычно тихо, что невольно подумалось: «Неужели идет война? И не страшный ли это сон — гибель кронштадтских женщин и детей на улицах во время позавчерашнего налета?» И вдруг... тревожные звонки колоколов громкого боя на кораблях. Воздушная тревога!

Через минуту небо Кронштадта закрылось крыльями вражеских самолетов точно тучей. Это был самый крупный за всю войну налет врага на город-крепость. Зенитчики встретили фашистов плотным огнем. Вижу, как в последнем дымящемся штопоре несколько самолетов врезаются в воды залива. Но другим удается прорваться. Две бомбы накрывают лидер «Минск» (корабль на длительное время вышел из строя), слышны взрывы в порту. С нарастающим гулом четыре фашистских бомбардировщика пикируют на военноморской госпиталь. Там много раненых. Сажусь в машину и еду туда. Вместе со мной начальник Пубалта дивизионный комиссар Владимир Алексеевич Лебедев.

Через несколько минут мы были у госпиталя. Одна стена

¹ «Стерегущий» впоследствии был поднят и введен в строй.

его разрушена. Врачи, санитары, кронштадтцы, застигнутые бомбежкой в том районе, откапывают засыпанных кирпичом людей. Появляются машины, в которые грузятся спасенные раненые для отправки в запасной госпиталь.

А самолеты бомбят и бомбят. Мы с Лебедевым и шофером Алексеем Быковым прижимаемся к стене. Прямое попадание... Второе... Полностью разрушено три этажа. И вновь среди щебня, досок и исковерканного железа появляется медперсонал.

Пострадало свыше 100 человек, в том числе убито 12 работников госпиталя и 11 ранено. После этого варварского налета раненых пришлось разместить в двух школах... Благодаря усилиям медицинского персонала и энергичной деятельности начальника госпиталя Шахи Нестеровича Ермакова госпиталь не прекращал своей работы.

Штабу флота, Пубалту, Военному совету буквально везло: ни одна бомба в дни массированного налета вражеской авиации на Кронштадт не попала в здание, где они размещались. Какая беспечность была в мирное время! Ни одного настоящего командного пункта для штаба флота не было подготовлено. Не было их у командиров военно-морских баз. Единственным исключением явилась база на Ханко. К чести ее командира генерала С. И. Кабанова, там не только имелся хорошо оборудованный командный пункт, но и госпиталь; и клуб, и склады боезапаса, и склады продовольствия были упрятаны в землю.

С приходом в Кронштадт штаб флота пытался немедленно организовать КП. Но где? Подвальных помещений в здании, где мы размещались, не было. Зарываться в землю у штабного здания невозможно из-за жидкого грунта. Было решено зарыть в землю большую цистерну и прикрыть ее с боков и сверху броневыми и цементными плитами. Но первая же бомбежка показала неразумность этой затеи — рядом разорвавшаяся бомба дала такой резонанс на врытую в землю цистерну, что люди выскочили из нее пулей. Смешно и грустно: управление флота могло выйти из строя от одной случайной бомбы или снаряда противника.

Налеты на Кронштадт нанесли нам серьезный ущерб, но они дорого обошлись и гитлеровцам. Многие фашистские асы с обломками своих машин очутились на дне залива. Сбивали их зенитики, уничтожали и наши летчики-истребители. Хорошо дрался в кронштадтском небе капитан Георгий Костылев. Вот его короткий рассказ о бое 21 сентября:

«Летали мы над заливом, недалеко от Кронштадта. Нас было пятеро: Усыченко, Ткачев, Руденко, Львов и я. Внезапно над Кронштадтом мы заметили разрывы зенитных снарядов и пошли прямо к ним. Гляжу, «юнкерс», а в стороне от него еще два. Мы с Руденко решили атаковать того, который шел один, а остальные летчики направились к тем, что шли в паре.

Я открыл огонь по «юнкерсу» метров с 400 и сразу разбил ему левый мотор. Он, снижаясь, стал удирать в сторону Финляндии. Ведя огонь, я подходил к нему все ближе и ближе. Руденко тоже стрелял. Стрелка мы убили. Но летчик «юнкерса» был опытный и повернул свой самолет так, что мы попали под огонь нижнего стрелка. Одна пуля угодила в фюзеляж моего самолета. Я решил уничтожить и нижнего стрелка. Дал очередь из пушки и всех пулеметов одновременно. Перебил крепления, на которых держалась люлька, где был нижний стрелок. Люлька оторвалась от «юнкерса» и вместе со стрелком упала в море... Еще дал очередь, и «юнкерс» сорвался и нырнул в воду.

Таких боев у Г. Костылева осенью 1941 года было немало. На его счету уже имелось несколько сбитых «мессершмитов», «хейнкелей», «юнкерсов». Счет этот рос, как говорится, не по дням, а по часам. Росла вместе с ним и популярность летчика. Бывало, увидят матросы с кораблей или кронштадтцы успешный воздушный бой нашего истребителя с двумя или тремя фашистами и говорят: «Сразу видно: Костылев дерется!» И хотя выяснялось потом, что Костылев в этот день и вовсе не садился в кабину самолета, уверить в обратном свидетелей боя было невозможно. Да и стоило ли разубеждать?

Неувядаемой славой покрыл свое имя другой балтийский летчик-истребитель — Петр Антонович Бринько. Свой боевой путь Бринько начал на Ханко — над лесами и скалами Финляндии. Вместе со своим другом и учителем капитаном А. К. Антоненко участвовал он в охране морских подступов к Таллину, затем сражался в небе над Ленинградом. Это был исключительно смелый и находчивый летчик.

«Однажды, — рассказывается в листовке, посвященной присвоению П. А. Бринько звания Героя Советского Союза, — он прилетел ремонтировать свой самолет на аэродром в Таллине. Приземлился, снял парашют и пошел в мастерские. Его начали расспрашивать о Ханко.

— Условия у нас трудные, — начал П. А. Бринько, — а работается, представьте, легко... — И он хотел было продолжать рассказ, как его перебил вой сирены.

— Простите, — сказал Бринько, — я на минутку.

И бросился к своему «ястребку». Через несколько десятков секунд он был уже в воздухе. Ровно через четыре минуты Бринько нагнал «юнкерса» и пошел на него в лобовую атаку. Короткая пулеметная очередь. «Юнкерс» огрызается. Вторая атака сбоку. Еще короткая очередь. Куски обшивки отрываются от вражеского самолета. «Юнкерс», высоко задрав нос, делает дугу и рушится вниз».

Погиб Петр Антонович Бринько осенью 1941 года, в дни отражения фашистского налета на Ленинград, при посадке на аэродром. Возвращался он, как всегда, с победой: за несколько минут до катастрофы сбил фашиста. Это был 15-й вражеский самолет, уничтоженный им лично.

Многие славные сыны отважной семьи балтийских летчиков отдали тогда свои жизни. Шли они в самое пекло боев, шли, не задумываясь, на таран и, жертвуя своей жизнью, сеяли смерть в стане врагов. Именно так погиб Герой Советского Союза коммунист Василий Гречишников.

С первых дней войны Василий Алексеевич Гречишников «специализировался» в ударах по тылам противника. Он видел пламя пожаров от наших бомб, охватившее военные заводы Берлина. Он бомбил Штеттин и Данциг, громил эшелоны немецкой техники и войск на дорогах к Даугавпилсу, Новгороду, Пскову, Луге. Жестоко мстил балтиец фашистам за нашу поруганную землю, за муки народа, за свою жену, попавшую в лапы гестаповцев в Белоруссии.

В боях под Тихвином самолет В. А. Гречишникова был подбит вражескими зенитками. Когда стало ясно, что спастись нельзя, патриот направил свою тяжелую машину на немецкую батарею. Это был последний подвиг героя.

Командующий военно-воздушными силами флота М. И. Самохин ежедневно докладывал Военному совету о дерзких налетах морской авиации на базы и тылы врага, о новых самоотверженных поступках летчиков. Все мы проникались особым уважением к этим смелым людям. Не только командующий флотом и члены Военного совета, но, пожалуй, и все командиры и комиссары соединений лично знали очень многих героев воздушных боев...

Сентябрьский штурм Ленинграда был отбит. Мощный натиск врага разбился о несокрушимую стойкость защитни-

ков ленинградских рубежей. С 25 сентября фашистские войска перешли к обороне.

Провалились к тому времени и авантюристические планы гитлеровцев о захвате кораблей КБФ в плен. В расчете на то, что наши суда будут прорываться из Ленинграда в Швецию, ставка фюрера направила в Або-Аландские шхеры целую эскадру во главе с линкором «Тирпиц» и тяжелым крейсером «Адмирал Шеер». Другой отряд фашистских кораблей дежурил в районе Лиепай. В конце сентября всем им пришлось несолоно хлебавши прекратить бессмысленную вахту.

В октябре потрепанные войска группы фон Лееба начали возводить вокруг Ленинграда укрепления. На десятки километров протянулись ряды колючей проволоки, минировались подходы к ним, дороги, поля, создавалась сложная система огня. Поздней осенью фашисты предприняли попытку соединиться с финской армией. Корпус фашистского генерала Шмидта осуществил прорыв на Тихвин, но вскоре был разбит.

Тогда гитлеровцы возложили все свои надежды на осаду. Конечно, они не рассчитывали задерживаться у стен города больше одной зимы. Главари фашистского военного лагеря, раскинутого в пригородах Ленинграда, полагали, что непрерывными бомбежками и обстрелами, костлявой рукой голода не так уж трудно будет вынудить Ленинград к капитуляции. Они подсчитали и количество наших войск, и наши хлебные запасы, и потребности ленинградцев в топливе. Казалось, учли все. Не учли лишь одного — души ленинградцев, славных революционных и боевых традиций города Ленина.

Трудно было мириться с положением осажденных, но отбросить врага не хватало тогда у нас сил. Даже попытки потеснить его от самых стен города были неудачными.

В конце сентября командующий Ленинградским фронтом Г. К. Жуков приказал нам высадить десант в Новый Петергоф. По замыслу штаба фронта десантная операция должна была носить вспомогательный характер. С запада планировалось наступление на Петергоф частей 8-й армии. В задачу десанта входило высадиться в районе Монплезира, овладеть Нижним парком, повернуть в сторону Ораниенбаума и выйти на соединение с 19-м корпусом, который должен был нанести основной удар по противнику.

Крепко засел враг на петергофском берегу. Трудно было его выбить.

— Сумеют ли сломить оборону противника армейцы,— спрашивали мы в штабе фронта,— иначе всякий смысл высадки десанта пропадает.

— Немцы еще не закрепились, и этим надо воспользоваться. Мы не можем бездействовать, ждать, пока они соберутся с силами и начнут новое наступление на Ленинград. Оборона должна быть активной,— резонно отвечали в штабе фронта.

Приказ о высадке десанта надлежало выполнить наилучшим образом. Это требовало прежде всего внимательного отбора людей. В операции должны участвовать очень смелые, высокодисциплинированные, хорошо владеющие оружием. Второе условие — скрытность операции. Если противник обнаружит подход катеров и шлюпок с десантниками к берегу, ему не трудно будет их расстрелять.

Тысячу десантников отбирали по одному командиры и комиссары кораблей и частей. Потом мы в Военном совете отобрали из них наиболее подготовленных. Командиром отряда десантников был назначен полковник Андрей Тимофеевич Ворожилов, военкомом — полковой комиссар Андрей Федорович Петрухин — оба опытные и проверенные в боях офицеры. Операцией, обеспечивавшей высадку десанта, командовал капитан 2-го ранга (теперь контр-адмирал) Иван Георгиевич Святлов.

Темная осенняя ночь с 5 на 6 октября. Ленинградская пристань в Кронштадте. Последние напутственные слова — и десантники бесшумно рассаживаются по катерам и шлюпкам. Вооружены они пулеметами, автоматами, пистолетами, ручными гранатами, финками. По личному указанию командующего фронтом Г. К. Жукова артиллерийской подготовки не будет, чтобы не демаскировать десант. Артиллерийская поддержка начнется после окончания высадки.

Посадка занимает всего лишь час времени — с 1 часа 30 минут до 2 часов 30 минут. Пройдет еще полтора — два часа, и наши десантники должны зацепиться за петергофский берег, захватить врага врасплох, облегчить продвижение частей 8-й армии. «Все для этого сделано, все предусмотрено, не должно быть никаких неожиданностей, если... десант подойдет к берегу скрытно». С такими мыслями возвращаюсь я с ленинградской пристани. А на душе тревожно. «Что, если части 8-й армии не прорвут оборону противника, не продвинутся?»

Первая рота десанта высадилась без потерь, обстрела не было. Четвертая — под огнем. Вторая, третья и пятая — тоже под обстрелом. Высадка успешно закончена в 5 часов 6 минут. Началась артиллерийская поддержка. Теперь наши славные ребята схватились с врагом. Скорее бы получить хоть самые короткие сведения от Ворожилова... Связью он обеспечен вплоть до почтовых голубей.

Шло время, а о десанте никаких сведений не поступало. Мы нервничали.

— Что ты хочешь? — горячился В. Ф. Трибуц. — Армейцы не могут продвинуться, не так это просто. А наших много ли? Дерутся. Конечно, дерутся! А толк какой? Надо принимать меры.

Меры принимались. К месту высадки пытались прорваться две группы наших катеров, но не прорвались, огонь был сильным, один катер (МО № 412) уничтожен противником. Через линию фронта забросили группу разведчиков с почтовыми голубями. Два голубя вернулись без голубеграмм. По условиям это означало, что разведчики попали в безвыходное положение. 7 октября демонстрировали высадку десанта восточнее Петергофа, чтобы отвлечь силы противника и облегчить положение высадившихся. Производился поиск десантников самолетами. Они обнаружили несколько трупов в петергофском парке и до пятнадцати краснофлотцев, идущих по направлению к Ораниенбауму. Забрасывались еще группы за линию фронта. Из их числа вернулось 22 человека, но никто десантников не обнаружил. Позднее было установлено, что командир отряда погиб в первых схватках с врагом, что дрались моряки отчаянно, храбро, что уничтожили они много немцев, бились до последнего, что некоторым удалось прорваться в тыл врага и воевать в партизанских отрядах.

Лишь через 20 с лишним лет после этого события стали обнаруживаться некоторые участники десанта. Скромные это люди. Прошли через все испытания войны. Добросовестно сейчас работают, и даже соседи по рабочему месту мало знают о их подвигах.

Один из них, Павел Леонтьевич Добрынин, рождения 1921 года, работал слесарем по оборудованию на заводе в городе Артемовске Свердловской области. В марте 1966 года он выступал по ленинградскому телевидению. Но что может сказать застенчивый человек в течение двух-трех минут! Да и раны свои не будешь же показывать телезрителям.

Вот короткий рассказ Павла Леонтьевича.

В десанте был разведчиком. Оружие — винтовка, четыре гранаты, полные карманы патронов и еще финка. Финка особая, с надписью: «Память о Кронштадте».

— Она меня выручила, — взволнованно говорил Павел Леонтьевич. — За несколько дней до десантной операции подошел ко мне на улице мальчик и подарил ее. Я дал ему за это брюки, лишние они у меня были.

У петергофского берега прыгнул с катера в воду. Воды по грудь. На берегу сбросил каску и надел бескозырку, так делали многие. При высадке ранило в руку, но это ничего, пошли вперед. Дошли до дворца. Знали, что в Монплезире засел с матросами комиссар Петрухин. Увидели пушку, бьют по Монплезиру, где Петрухин. Решил ее обезвредить, пошел и наткнулся на немца. Вот тут и пригодилась финка, ею и убил фашиста. В оружейный расчет бросил гранату, уничтожил еще четырех. Пушка замолчала. Опять наткнулся на немцев, пошел врукопашную, был ранен в плечо и потерял сознание.

Очнулся в конюшне. Там был конюх чех. Он дал сигарету, перевязал рану и сказал, что многих наших расстреляли. Потом пришли два солдата и повели на допрос. Допрашивал офицер. Сперва предложил закурить и поесть. Я отказался. Спрашивал, как живут в Кронштадте, о кораблях, сколько их погибло на переходе из Таллина. Я молчал. Офицер ударил меня перчаткой по глазам. Потом поставили к стене, наставили автомат. Потом солдаты схватили, положили на топчан, сорвали с плеча повязку и... выжгли вот это...

Павел Леонтьевич приподнял рубашку и обнажил две красные правильной формы звезды, выжженные каленым железом.

Из Петергофа немцы угнали Павла Леонтьевича в лагерь. Освободили его из плена наши разведчики 17 апреля 1945 года¹.

¹ Когда писалась эта страница, до меня дошла печальная вест: Павел Леонтьевич Добрынин умер. Скончался он через несколько дней после возвращения к себе на завод из Ленинграда, где выступал перед телезрителями. Причина преждевременной смерти сорокапятилетнего человека — война, незажившие раны, изуродованная каленым железом грудь, плен, где физические истязания и глумление над личностью человека не имели предела.

Скоро о петергофском десанте можно будет прочитать документальную повесть «Живые, пойте о нас». Авторами ее являются В. Б. Азаров и А. Г. Зиначев, многое сделавшие для восстановления этой героической эпопеи. В поэтической концовке повести, написанной В. Б. Азаровым, говорится:

Если вновь в Петродворце, в Кронштадте,
На опаленном смертью берегу
Тебе придется побывать, читатель,
Тех вспомни, перед кем и мы в долгу.

Останутся в сердцах народа святы
Тех имена, кто бился до конца,
И пусть проспект Матросского десанта
Возникнет среди садов Петродворца.

Теперь есть в Петродворце такой проспект. Исполком Ленинградского городского Совета переименовал часть улицы Дворцов-музеев в улицу Морского десанта.

Мне приходилось слышать вопросы: надо ли было высаживать десант? Оправданы ли жертвы?

Двух мнений на этот счет быть не может. Решение о высадке десанта было принято правильно. Нельзя было давать противнику спокойно окапываться у стен Ленинграда и накапливать силы для новых атак. Сила наша в то время была не в пассивной обороне, а в контратаках. Конечно, результат задуманной операции был бы иным, если бы части 8-й армии выполнили свою задачу. Им этого не удалось: бой не прогнул по знакомому маршруту. Но и в этом случае десант себя оправдал. Не посрамили родного флота наши матросы. Они сделали такое дело, о котором нам и не думалось.

После войны в Петергофе была найдена фляга с двумя записками. В одной из них говорилось:

«Люди! Русская земля! Любимый Балтфлот! Умираем, но не сдаемся. Рядом убит Петрухин. Деремся вторые сутки. Командир — я. Патронов! Гранат! Прощайте, братишки!

Вадим Федоров».

Как верно звучат стихи Л. Хаустова:

Там, где кончаются эти прямые аллеи,
Там, где до моря каких-нибудь двести шагов,
В узких окопах, не жизнь, а патроны жалея,
Долг свой исполнил десантный отряд моряков.

И вторая записка, совсем короткая:

«Живые! Пойте о нас!

Мишка».

Живые! Пойте о них! В героическую историю борьбы за Родину они вписали одну из самых ярких страниц!

Туго пришлось флоту осенью 1941 года. Северное побережье Финского залива до реки Сестры и южное побережье до Капорской губы находились в руках противника. Фашистские орудия, расположенные между Старым Петергофом и заводом «Пишмаш», держали под обстрелом водный путь от Ленинграда на Кронштадт. Велика была опасность и в гаванях. В местах, где стояли и куда выходили наши корабли, их нередко подстерегали мины.

И все же мы, военные моряки, меньше сухопутной армии чувствовали тогда узы блокады. В наших руках были острова Лавенсаари и Сескар, и до поздней осени 1941 года за сотни миль от Ленинграда героически дрались гарнизоны Моонзундского архипелага и полуострова Ханко. Когда речь шла о балтийцах, ленинградцы говорили: «Они на западе». И это звучало как похвала непоколебимой стойкости матросов, сражавшихся за город Ленина на островах Эзель и Даго, на крохотном плацдарме гангутской земли — как называли свои рубежи ханковцы.

Оборона Эзеля (Сааремаа) и Даго (Хийумаа) — золотая страница летописи сражения за Ленинград. Долгое время эти песчаные, поросшие корабельными соснами острова непреодолимым барьером лежали на пути фашистских транспортов и боевых кораблей. Кроме того, они являлись опорным пунктом для наших подводных лодок, оперировавших в Балтийском море, кораблей и торпедных катеров, действовавших в Рижском заливе. Отсюда на бомбежку Берлина и других немецких городов вылетали наши самолеты. Гарнизоны архипелага оттягивали значительные силы фашистов, так необходимые им при сентябрьском штурме Ленинграда и во время осеннего генерального наступления на Москву.

Военный совет Краснознаменного Балтийского флота был в курсе того, что происходило на островах. Общая картина вырисовывалась из докладов штабных работников, летчиков, прилетавших с островов, и из донесений генерал-лейтенанта А. Б. Елисеева и бригадного комиссара Г. Ф. Зайцева, которым Военный совет подчинил не только береговые, но и все сухопутные части, а также группу кораблей. А. Б. Елисеев, старый балтийский матрос, был человеком, знающим систему береговой обороны до тонкостей. В конце двадцатых — на-

чале тридцатых годов А. Б. Елисеев был командующим Кронштадтской крепостью. Под его руководством совершенствовались многие командиры береговой обороны. Некоторые из них воевали теперь на островах под его началом. Бригадного комиссара Г. Ф. Зайцева я знал по совместной работе в Главном политическом управлении Военно-Морского Флота как серьезного политического работника, на которого можно было положиться в любой трудной обстановке.

Береговая черта, которую предстояло оборонять защитникам Моонзунда, имела протяженность более чем 800 километров. Естественно, что создать здесь фундаментальные оборонительные сооружения Прибалтийский особый военный округ, отвечавший за сухопутную оборону островов, за короткий срок не мог. Но гарнизоны Эзеля и Даго к встрече гитлеровцев приготовились основательно. Саперы, возглавляемые лейтенантом Савватеевым и старшим лейтенантом Кабаком, заминировали берега Эзеля. Укреплялись подходы к батареям. Ставились проволочные заграждения у уреза¹ воды. С конца августа началось срочное строительство противодесантной обороны побережья, обращенного к материковой части.

Обосновавшись в Таллине, фашистское командование предприняло большое наступление на острова Моонзундского архипелага. В нем участвовало 50 тысяч солдат, десятки артиллерийских батарей, 60 самолетов, много кораблей.

14 сентября, когда над бледной поверхностью моря в утреннем тумане еще только вырисовывались приземистые контуры островов, фашисты пошли на штурм. К острову Моон (Муху) устремилось большое количество десантных средств. На борту катеров, барж, шаланд и шлюпок находились войска. Наши артиллеристы сразу же удачно накрыли своим огнем эту «кавалькаду». Враг потерял до ста судов, но все же его десант зацепился за берег.

Несколько дней продолжались бои за Моон. Матросы отстаивали каждую пядь земли этого важного плацдарма. На подвиг их вели решительные и храбрые люди. Одним из них был подполковник Алексей Иванович Охтинский. Его отряд стремительной штыковой атакой ликвидировал прорыв фашистов у Куйвасту. Когда моряки начали окапываться на отбитой позиции, фашисты обрушили на них шквальный ми-

¹ Урез воды — граница между берегом и водой в спокойном состоянии моря.

нометный огонь. Вскоре на правом фланге смолк наш станковый пулемет. Гитлеровцы поднялись в новую атаку. Под градом осколков А. И. Охтинский добежал до пулеметного гнезда. Ожил в умелых руках «максим». Мины рвались рядом, подполковник был тяжело ранен, но пулеметные очереди продолжали косить вражеских автоматчиков. Наступление с острова Моон противник решил поддержать ударом десантных войск на юго-западное побережье Эзеля. С этой целью отряд немецких кораблей (шесть транспортов, семь миноносцев и четыре катера) появился к вечеру 13 сентября в районе бухты Лью. Здесь их ожидала засада — торпедные катера под командованием капитан-лейтенанта Осипова. Дерзкая атака, точные залпы — и через десять минут три транспорта с десантниками перестали существовать. Под прикрытием истребителей катера С. А. Осипова отошли без потерь. А на фашистский отряд обрушился огонь нашей батареи с полуострова Сырве. В результате был потоплен еще один транспорт врага и сильно поврежден миноносец.

До 6 октября сражались герои Эзеля. Сражались до последнего снаряда, до последнего дыхания. Личный состав 43-й батареи (командир — старший лейтенант Букоткин, комиссар — старший политрук Карпенко) в течение нескольких суток подряд вел сокрушительный огонь по фашистским кораблям, отбивал морские и воздушные десанты, полностью уничтожил десантников, высадившихся на полуострове Кюбассар на планерах. На позиции 43-й батареи фашистские летчики сбросили около 500 бомб. Огромной силы взрывы оглушали, слепили людей. Едкий дым надолго застилал орудия. А когда он рассеивался, уходя к морю, желтые вспышки выстрелов вновь сверкали над батареей...

Когда были израсходованы все снаряды, оставшиеся в живых батарейцы взорвали уцелевшее орудие, зарыли в землю документы и кассу и под покровом ночи пошли на прорыв... 18 сентября на острове Хийумаа была принята радиограмма: «Окружены, батарею взрываем, отомстите за нас».

Огромные потери понес противник от огня башенной батареи капитана Стебеля, особенно когда развернулись ожесточенные бои за последний рубеж — полуостров Сырве. Батарея эта вступила в строй в ходе войны. Ее орудия располагались недалеко от того места, где в 1917 году стояла легендарная Церельская батарея. И сыны повторили подвиг отцов. За двое суток герои Сырве при поддержке батареи

Стебеля 45 раз контратаковали фашистов. Именно тогда дежурный штаба флота принес нам в Военный совет радиogramму:

«Командование береговой обороны Балтийского района выбыло на Даго. Отправил туда же трех специалистов. Сам остался со Снимщиковым до последнего. Видимо, отсюда не вырваться. Мы прижаты к воде. Отступить некуда, помощи тоже не ждем. Если удастся — мелкими группами будем пробираться по тылам. Настроение здоровое. Еще раз прошу: за документы не беспокойтесь, уничтожим, в руки врагу не дадим. Привет всем».

Эту радиogramму подписал и передал техник-интендант 2-го ранга А. Д. Пантелеев, начальник шифровального отдела штаба береговой обороны Эзеля.

Но еще и после этой последней вести остатки гарнизона, кому не удалось уйти на катерах на Даго (а таких людей на Эзеле осталось много), разрозненными группами продолжали сопротивление. Душой его был полковник Гаврилов — командир 3-й стрелковой бригады. Кадровый военный, участник финской войны, награжденный за умелое ведение боя орденом Красного Знамени еще в 1940 году, коммунист, он с первого часа войны и до момента своей гибели личным примером вдохновлял армейцев и моряков на дерзкие дела. Где появлялся этот жизнерадостный, всегда собранный и подтянутый, седеющий, но с озорными мальчишескими глазами офицер, там исчезала растерянность, лица утомленных бойцов озаряли улыбки, измотанные донельзя люди готовы были идти снова в бой. И герой командир бригады водил их в атаки — стремительно, смело, умно...

Многие защитники Эзеля тяжело ранены попали в плен. Но и в фашистских лагерях смерти они остались непокоренными. Старший политрук Коллегаев делал четыре попытки бежать из плена. Удалась пятая. Он снова стал в боевой строй. Петр Москаленко, отличившийся в бою 23 сентября (он заменил убитого командира роты), убежав из лагеря, попал к партизанам Чехословакии. Вначале отважный моряк был рядовым бойцом партизанской бригады имени Яна Жижки, затем командовал отрядом.

Один из защитников Эзеля, коммунист младший сержант Генрих Ход, оставшись на оккупированном острове, воспользовался документами разоблаченного гитлеровского шпиона и создал подпольную организацию. Только в 1944 году гестаповцам удалось установить, кто скрывается под именем

их агента. После пыток фашисты расстреляли Хода. От пули гестаповцев погиб и политрук эстонец Тролль.

Эти факты, как и судьбы многих других героев Эзеля, стали известны лишь в последние годы, главным образом благодаря поискам флотского историка капитана 2-го ранга Юрия Чернова. Его усилиями воссоздается картина защиты далеких островных рубежей на Балтике.

Как и в боях за Таллин, в многодневном сражении за Эзель фашисты понесли большие потери. Без дополнительных подкреплений группа войск противника, действовавшая в районе Моонзундского архипелага, не смогла раньше 12 октября начать десантные операции против нашего гарнизона на Даго. И здесь гитлеровцы встретили упорное сопротивление. 10 дней продолжалась организованная оборона острова. И только по приказу командования остаток гарнизона Даго перешел на Ханко и остров Осмуссар.

Каждый метр, каждый камень на Даго доставался врагу с боем. Стойко держался личный состав 44-й батареи. По ее позициям вели огонь крейсер и четыре миноносца, делали налет за налетом бомбардировщики, а батарейцы продолжали непрерывно обстреливать десантные части противника. Ночью оставшиеся в живых артиллеристы, уничтожив орудия, пробились на север. Фашисты же, ворвавшись первыми в расположение батареи, были сметены с лица земли взрывом огромной силы. Это ценою своей жизни взорвал центральный артиллерийский погреб сержант Е. Ф. Попов.

Легендарный подвиг совершил тогда неизвестный матрос. Вместе с товарищами он дрался с фашистами вблизи маяка Тахкуна. Когда погибли боевые друзья и не осталось ни одного патрона, балтиец поднялся на маячную площадку чугунной сорокаметровой башни. Враги шли по пятам. Что оставалось делать? Старожилы Даго рассказывают: моряк стоял некоторое время неподвижно, лицом к морю, а оно, точно понимая происходящее, гневно шумело и неистово билось о берег. Затем взмахнул руками, словно подстреленная гордая птица крыльями, и бросился вниз на камни.

Большую роль в обороне Ленинграда сыграл гарнизон советских войск, расположенный на полуострове Ханко. Этот полуостров был получен в аренду согласно мирному договору между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 года. Начиная с первых дней войны и до конца 1941 года Ханко был «впередсмотрящим» города Ленина. Фашисты занимали ленинградские предместья, а в 230 милях от Невы незыблемо стоял

опорный пункт для действий нашего флота на коммуникациях врага. После ухода кораблей из Таллина перед ханковцами была поставлена задача держаться, не отступать и не пропускать суда немецко-фашистских захватчиков через минно-артиллерийскую позицию в Финском заливе.

Ханковцы с честью справились с этой задачей. Высоко оценивая их подвиг, защитники Москвы писали в ноябре 1941 года гарнизону Ханко:

«Пройдут десятилетия, века пройдут, а человечество не забудет, как горстка храбрецов, патриотов земли советской, ни на шаг не отступая перед многочисленным и вооруженным до зубов врагом, под непрерывным шквалом артиллерийского и минометного огня, презирая смерть во имя победы, являла пример невиданной отваги и героизма...

Великая честь и бессмертная слава вам, герои Ханко! Ваш подвиг не только восхищает советских людей, он вдохновляет на новые подвиги, учит, как надо оборонять страну от жестокого врага...»

Военно-морская база на Ханко была сравнительно небольшой по территории. Нам принадлежало всего лишь 115 квадратных километров. Финны не преминули этим воспользоваться. Они расположили на островах и побережье 33 батареи. 101 орудие вело огонь по Ханко. Враг создал «артиллерийское окружение» советского гарнизона. Однако его усилия не дали желаемых результатов.

Во время первой же попытки прорвать оборону ханковцев враг потерял шведский добровольческий батальон. Из тысячи атакующих уцелело лишь четыре человека, и то их спас красноармеец 335-го стрелкового полка Сокур, взяв «добровольцев» в плен. Сделав еще несколько попыток штурма сухопутных рубежей Ханко, враг не предпринимал больше активных действий, считая, что обстрелы и блокада с моря заставят советских воинов капитулировать.

Гарнизон Ханко не только отбивал вражеские атаки, но и наступал на морском направлении. С. И. Кабанов и его штаб нащупали слабое место у противника — острова. Смелыми неожиданными ударами у неприятеля было захвачено 17 островов. В их захвате участвовали летчики-истребители, катерники капитана 2-го ранга Полегаева, береговые артиллеристы И. Н. Дмитриева, а основной удар наносил отряд капитана Б. М. Гранина. Слава о «детях капитана Гранина», как называли себя бойцы отряда, гремела далеко за пределами Ленинградского фронта.

На Ханко совершил свой первый подвиг Алексей Гриденко, прозванный за храбрость «балтийским орленком»... Вывод разведчиков высадился на остров Эльхольм. Занятый участок нужно было удержать до прихода подкрепления. Положение у разведчиков вскоре стало тяжелым, а связаться с командованием было нельзя — осколком вражеского снаряда перебило телефонный провод, проложенный через пролив. Как отправить донесение на командный пункт? — задумался командир.

— Разрешите мне доставить донесение! — прервал его мысли связной Гриденко.

— А плаваешь хорошо?

— Переплыву!

И вот уже отважный комсомолец в холодной воде. Не проплыл он и ста метров, как вражеские «кукушки», державшие под прицелом всю бухту, открыли по смельчаку огонь. Вокруг головы Гриденко заплескали пули. Юноша нырнул, изменил направление. Тогда заговорил вражеский пулемет. Но и его очереди не достигли цели. Больше мили проплыл герой, чтобы доставить донесение. А через несколько дней грудь его украшал орден Красного Знамени.

«Балтийский орленок» за годы войны вырос, возмужал, стал настоящим орлом. Офицер Гриденко храбро бился с врагами под Сталинградом, на Днестре, участвовал в штурме Берлина.

После вступления в Таллин гитлеровцы предрекали капитуляцию Ханко в сентябре, затем до начала ледостава. Чем только не пугали враги ханковцев, чего только не обещали, чтобы заставить гарнизон сложить оружие!

С таким «милостивым» предложением обратился к гарнизону и Маннергейм. Он предлагал сдаться, обещал всем сохранить жизнь, а офицерам — сохранить оружие и дать хутора.

— С Ханко сообщили, — вспоминает Герой Советского Союза И. Г. Романенко, — что ответ на предложение Маннергейма будет сброшен с самолета над Гельсингфорсом, не стреляйте. Ожидая ответа, противник не стрелял. Но когда письмо-листочка было сброшено и прочитано, по Ханко открыли ураганный огонь и стреляли трое суток подряд.

Письмо по духу напоминало послание запорожских казаков к турецкому султану. Называя предателя финского народа «светлейшей обер-шлюхой берлинского двора» и кавалером «железного и соснового креста», ханковцы отвечали барону:

«Намедни соизволил ты удостоить нас великой честью, пригласив к себе в плен. В своем обращении вместо обычной брани ты даже льстиво называл нас доблестными и героическими защитниками Ханко.

Хитро загнул, старче!

...Зря язык утруждал. Ну, хоть потешил нас, и на этом спасибо тебе, шут гороховый...»

Далее шло злее. Письмо-листовка Маннергейму сыграло свою роль. Оно стало достоянием каждого защитника полуострова, и ханковцы с презрением смеялись над главарем финских фашистских войск. Письмо имело хождение и среди солдат противника и даже каким-то образом попало в Швецию и Англию.

Два обстоятельства обеспечивали неприступность Ханко: боевая доблесть его матросов, солдат и офицеров и мощные оборонительные сооружения. Особо следует отметить выдающуюся роль в обороне базы ее командира С. И. Кабанова.

У Сергея Ивановича Кабанова были хорошие помощники. Заместителем по сухопутной обороне был Н. П. Симоняк, тот самый генерал-майор Симоняк, который потом командовал 136-й стрелковой дивизией, а затем — 30-м стрелковым корпусом и был награжден Золотой Звездой Героя. Комендантом сектора береговой обороны был генерал-майор И. Н. Дмитриев. Он командовал потом 101-й железнодорожной артиллерийской бригадой, прославившейся в обороне Ленинграда. Начальником штаба был капитан 1-го ранга П. Г. Максимов, очень толковый и энергичный штабист. На Ханко была крепкая партийная организация и хорошо подготовленный, деятельный политаппарат во главе с военкомом А. Л. Раскиным и начальником политотдела П. И. Власовым, которые много сделали для сохранения высокого морального состояния и боевого духа личного состава на протяжении всех 165 дней обороны полуострова. И при всем этом вклад, который сделал товарищ Кабанов в оборону Ханко, является исключительным. Высокий, сильный, богатырского сложения, волевой и непреклонный, он внушал уважение к себе всех подчиненных — от рядового до старшего офицера — и олицетворял стойкость гарнизона. Во всех случаях генерал действовал смело и решительно.

Еще до начала военных действий С. И. Кабанов и А. Л. Раскин крепко потрудились, чтобы создать систему круговой обороны и держать подчиненные им части в высокой боевой готовности. Первая же решительная попытка

противника прорвать линию обороны ханковцев окончилась полным разгромом его наступающих частей. Боевое крещение защитников Ханко прошло успешно и вселило в них уверенность.

С первых дней войны ханковцы стали вгрызаться в землю. Воздушные налеты и непрерывные артиллерийские обстрелы не допускали промедления, надо было укрыть людей, боевую технику, боезапас, продовольствие. Укрывали надежно. Крепкие блиндажи, железобетонные убежища для самолетов, подземный госпиталь, кубрики для личного состава, камбузы, узлы связи, командные пункты — все соорудилось под землей. Сроки для сооружений давались жесткие, требования к их качеству предъявлялись высокие, чтобы перекрытия выдерживали прямое попадание крупных снарядов и бомб. Генерал Кабанов появлялся то там, то здесь и требовал, требовал.

На открытом скальном мысу стоит батарея Брагина. Орудийные дворики пристроились к гладким валунам. Земли здесь нет, если не считать той, что нанесло ветром. Личный состав строит укрытия. Работают споро.

«Для себя стараются», — думает комиссар дивизиона С. А. Томилов, глядя на добротную постройку.

— Брагин! Твои укрытия скорее от солнца, чем от снарядов, — раздается недовольный бас генерала. — Почему разрушаешь мой приказ, плохо строишь? И тянешь долго с укрытиями. Чтобы через три дня все было сделано! Понятно?

— Вот вам политработа, — обращается он к Томилову. — Главное в политработе сейчас — чтобы люди пота не жалели. Труд! Лопата! Кирка! Мозоли на руках!

Не все шло гладко вначале со стрельбой у зенитчиков. Их мастерство было не на высоте. Стреляли по самолетам противника много, но не сбивали. В политотделе стало известно о таких разговорах на одной из батарей: ««Юнкерсы» бронированные».

— Летчики сбивают, а у зенитчиков они «бронированные», — докладывал начальник политотдела генералу.

— Стрелять не умеют, — загремел Кабанов. — Долго копаются! В мирное время учили стрелять по тихоходным самолетам-буксировщикам. Пусть по чайкам тренируются. За секунды надо бороться!

Зенитчики тренировались.

Недалеко от аэродрома расположена счетверенная уста-

новка пулеметов «максим». Сержант дает вводные по полету чаек. Чайки охотятся за рыбой, они стремительно падают в воду, попробуй тут зазеваться с наводкой. Бойцы работают в поте лица. Вдруг раздается команда:

— Боевая тревога! Самолеты слева, высота двести!

Вдоль берега из-за леса идут «юнкерсы».

— Приготовиться бронебойными!

Пулеметы бьют в упор. Один самолет вздрагивает, резко клюет носом и врывается в воду.

— Вот тебе и бронированные! — возбужденно кричит сержант, вытирая потный лоб.

Командир базы обладал удивительной способностью удачно подбирать людей для выполнения конкретных боевых заданий. Он искал не безупречных во всех отношениях — я тоже не идеальный, — а способных наилучшим образом справиться с порученным делом. Ярким примером в этом отношении является назначение капитана Б. М. Гранина командиром десантного отряда.

Гранинцы называли своего командира батей. Подражая ему, отращивали бороды, носили ножи у пояса.

— Маскарад, — говорили некоторые о гранинцах, — партизанщина, подрыв дисциплины.

Но С. И. Кабанов в поведении капитана Гранина ни того, ни другого не усматривал. Он прощал Гранину маленькие его слабости. Гранин — человек исключительной личной храбрости. Подчиненные верят в него непоколебимо. Борода? Нож у пояса? Ну и пусть, если не вредит делу, а помогает. Не маскарад это, а символ смелости. Ведь подражают Гранину не потому, что у него борода лопатой, а потому, что он лихой командир, в бой идет впереди, каждая операция у него хорошо продумана и подготовлена. Только неосведомленные считают, что острова берет Гранин лихостью.

Вскоре капитан Гранин стал ханковской знаменитостью. «Золотые люди у Гранина», — заговорили на полуострове.

Гранин и гранинцы, первые на Балтике ханковские героилетчики, смелые катерники М. Д. Полегаева, артиллеристы И. Н. Дмитриева, солдаты Н. П. Симоняка — весь гарнизон Ханко обязан своими успехами, своей легендарной славой командиру базы генералу С. И. Кабанову, его умелому руководству, его твердости и решительности.

Мало кому известно, с какими трудностями был эвакуирован гарнизон Ханко. А это была героическая и поучительная операция. Уже с оставлением островов Моонзундского

архипелага Военному совету стало ясно: гарнизон Ханко надо снимать. Он сыграл свою роль, а его войска были очень нужны Ленинграду. Мы решили не откладывать эту операцию и, получив разрешение, послали на Ханко разведывательную группу кораблей, которые отвезли туда боеприпасы для 130-миллиметровых пушек, а также медикаменты.

Для определения порядка эвакуации в Ленинград был вызван командующий базы. Вместо С. И. Кабанова самолетом прибыл начальник штаба капитан 1-го ранга Петр Григорьевич Максимов. Он доложил, что при наличии имеющегося боезапаса и продовольствия, если уменьшить пайки (а это ханковцы уже сделали), гарнизон может держаться до 15 мая 1942 года. Но П. Г. Максимов повез на Ханко приказ об эвакуации.

Главная сложность эвакуации ханковского гарнизона заключалась в преодолении минных полей. Иностранные морские специалисты (в том числе и из лагеря наших союзников) утверждали, что форсировать заграждения в 10 тысяч мин невозможно, тем более в зимних условиях.

Проводилась эвакуация в течение ноября по строгому плану. С последним эшелоном ушло около половины ханковцев. Это позволило держать на полуострове круговую оборону до последнего дня. Были проведены большие и кропотливые подготовительные мероприятия: для обеспечения переходов в море вышли подводные лодки, на острове Гогланд сосредоточились спасательные средства, на кораблях были выданы специальные щесты, чтобы отталкивать мины, если они будут обнаружены у бортов кораблей. Тральщики, катера и морские охотники получили светящиеся буи для обозначения плавающих мин. Тут умело использовался опыт перехода кораблей из Таллина в Кронштадт.

25 октября на Ханко пришли корабли капитана 3-го ранга Лихолетова. Это была разведка.

Утром 2 ноября туда прибыл первый эшелон кораблей под командованием вице-адмирала В. П. Дрозда и бригадного комиссара Масалова.

Первый эшелон без потерь пришел в Ленинград и доставил вместе с моряками часть 8-й стрелковой бригады Симоняка. В пути взорвалось 16 мин. А сколько их рядом плавало! И какого мужества требовала борьба с минной опасностью! Вот один из эпизодов на переходе от острова Гогланд до Ханко, записанный капитаном 1-го ранга И. В. Колузаевым, бывшим тогда военкомом отряда заграждения:

— В. П. Дрозд держит свой флаг на эсминце «Стойкий». В составе отряда и минный заградитель «Ока», которым командует командир отряда заграждения капитан 1-го ранга Н. И. Мещерский. Комиссар заградителя — А. А. Коваль.

В результате взрыва мины у правого борта стальная громада корабля содрогнулась и накренилась. Погасло освещение. Послышался стук падающих предметов и звон бьющегося стекла. Большой столб воды обрушился на палубу корабля. Запахло нефтью. От трубы пошел пар. Находившиеся на мостике офицеры тревожно переглянулись. Казалось, жизнь замерла, но это было только мгновение. Пошли доклады с боевых постов и запросы с мостика. Выяснилось — повреждений много, но корабль может продолжать движение и выполнять задачу. Одним из наиболее серьезных повреждений был прогиб штока цилиндра высокого давления. Перестала поступать смазка, и шток стал перегреваться. Это могло вывести из строя главную машину, тогда корабль потеряет ход. На минном поле такое дело грозит смертельной опасностью. Выход есть — подавать смазку вручную, но это сопряжено с огромным риском. При высокой температуре, среди двигающихся рычагов, над вращающимися мотылями надо подвесить человека с масленкой в руках. Одно неосторожное движение — и смельчака может разорвать на куски.

Испытание выпало на долю машиниста Костылевского. Отважный матрос с честью выполнил задание. Помогал ему старшина 2-й статьи товарищ Коломин. Чего не сделают матросы ради спасения корабля!..

Капитан 1-го ранга Н. И. Мещерский, бледный от бессонных ночей, но, как всегда, деятельный, лично следил за погрузкой краснофлотцев на борт корабля, все время был на мостике во время ночного возвращения в Кронштадт, когда минный заградитель шел по минным полям.

В Ленинград с полуострова минзаг доставил более 1500 артиллеристов, 45 орудий, боезапас к ним и много продовольствия.

В апреле 1942 года экипаж «Оки» был удостоен гвардейского звания. Это была достойная награда достойному коллективу за самоотверженность, мастерство, отвагу.

За первым походом на Ханко последовали второй, третий и еще несколько. Корабли вывозили людей, технику, продукты питания, так нужные Ленинграду. Перед одним из таких походов военком отряда заграждения И. В. Колузаев зашел в госпиталь навестить больного командира минного

заградителя «Урал» капитана 1-го ранга Ивана Григорьевича Карпова. Иван Васильевич рассказал, что «Уралу» предстоит поход на Ханко. Иван Григорьевич забеспокоился:

— Как же без меня!

Комиссар пожалел, что сообщением о предстоящем походе взволновал больного. Командир «Урала» понимал, как важно быть ему в это время на минзаге, — корабль большой, со сложным управлением, и никто так хорошо с ним не справится, как он сам.

— Уговорю начальника госпиталя, отпустит! — решительно заявил Карпов.

Но начальник госпиталя и слышать не хотел о выписке больного. Однако в тот же день по требованию Карпова матрос Поршнев отнес в госпиталь своему командиру обмундирование, и к вечеру Иван Григорьевич вступил в командование «Уралом». Комиссар корабля А. М. Титков сиял. Он видел, как с появлением командира поднялось настроение матросов и офицеров. Ночью, раздвигая корпусом молодой лед, минзаг перешел из Ленинграда в Кронштадт.

«Урал» доставил с Ханко 5 тысяч бойцов и большое количество боезапаса.

Не обошлись переходы морем и без жертв. Одной из них явилась гибель «Гордого». Мы глубоко переживали это печальное событие, переживали и восхищались мужеством экипажа корабля. Не раз гордовцы с честью выходили победителями из трудных положений. Были ли это постановки минных заграждений или поиск противника в море, был ли это прорыв кораблей из Таллина в Кронштадт или поддержка артиллерийским огнем наших сухопутных войск у Ивановских порогов, эсминец «Гордый» всегда умело выполнял поставленные перед ним задачи. Не один вражеский корабль подорвался на его минах. Несколько самолетов противника сбили его зенитчики. Многих гитлеровцев вогнали в землю его снаряды, и вот...

При переходе корабля от острова Гогланд до Ханко погода была отвратительная. Ветер крепчал и крепчал, волнение усиливалось. Впередсмотрящие, напрягая зрение, вглядывались в темноту. Штормами сорвало с якорей много мин, и они, плавающие, как и притаившиеся в воде, представляли для кораблей большую опасность. На ходовом мостике «Гордого» — командир корабля капитан 3-го ранга Е. Б. Ефет, комиссар капитан 3-го ранга Д. И. Сахно, командир дивизиона капитан 2-го ранга Н. П. Пятунин и другие командиры,

которым положено здесь быть по боевому расписанию. Все заняты своим делом, всех беспокоит не только сложная минная обстановка в заливе, но и правый его берег, со стороны которого вероятнее всего можно ожидать нападения катеров, подводных лодок, артиллерийского обстрела. Корабль готов к любой из этих неожиданностей. И все же главная опасность — мины. Сейчас она особенно велика: «Гордый» на минном поле.

Первый взрыв не только слышали, но и почувствовали всем телом, как чувствуют на суше толчок от землетрясения. Эсминец вздрогнул, но продолжал движение. Мина взорвалась в параване охранителя с левого борта. Корабль был ранен. Хорошо подготовленная команда быстро работала по ликвидации повреждения. Командир корабля спокойно, как на учении, отдавал приказание.

Второй взрыв, с левого борта у самой кормы, был очень сильным. Корабль подбросило, и он носом зарылся в воду.

— Впечатление было такое, — рассказывали находившиеся там товарищи, — что он, как дельфин, выскочил из воды, затем нырнул и выпрыгнул снова. Через всю палубу прокатился водяной вал. С креном 10—11 градусов на левый борт корабль встал как вкопанный.

Попытки дать ход ни к чему не привели. На мостик прибежал командир БЧ-5 И. К. Дергачев. Стараясь быть спокойным, он доложил, что все механизмы вышли из строя, с левого борта в районе четвертого орудия большая пробоина.

— Заделать пробоину! — приказал командир.

— Заделать пробоину пластырем невозможно, очень большая. Буду принимать меры. Разрешите идти? — И Дергачев быстро спустился по трапу.

Корабль все больше кренился. Волны перекачивались через всю его поверхность. Трудно было удержаться, чтобы не смыло за борт. На мостик непрерывно поступали доклады о ходе работ, а вода продолжала распространяться по всему кораблю. Надежд на спасение корабля оставалось все меньше и меньше. Он погружался в воду. Вдоль борта матросы шестами отводили за корму плавающую мину. Командир, комиссар корабля и командир дивизиона обменивались короткими фразами, советовались, как быть...

Послышался шум моторов катеров. Два МО огибали нос корабля, направляясь к корме, где стояла большая группа краснофлотцев.

— Шлюпки на воду! — скомандовал командир. — Заходить с кормы к правому борту, снимать людей!

Шлюпки были закреплены по-походному. К правой побежал лейтенант Яценко и боцман Грезев, к левой — старший лейтенант Дутиков, старшина 2-й статьи Лагутин и матрос Хренов.

Во время подрыва корабля и резкого крена шлюпку правого борта завалило на трубу, и снять ее никак не удавалось. Шлюпка же левого борта оказалась у самой воды. Н. В. Дутиков и его товарищи вскочили в нее, отдали крепление и оттолкнули нос. В тот же миг шлюпку подбросило, и она ударилась о борт корабля. Руль и два весла полетели в воду.

Лагутин и Хренов гребли. Дутиков управлял шлюпкой веслом.

Посадка на один из катеров проходила быстро и организовано. Он забрал 72 человека. Второй катер снял только четверых.

Когда шлюпка поравнялась с орудием № 3 и находившиеся в ней люди торопились проскочить накренившуюся к воде мачту, они услышали, как на мостике корабля запели «Интернационал». Гимн подхватили голоса стоявших на палубе и рострах людей, затем — совсем близкие голоса матросов, стоявших на корме.

«Это есть наш последний...»

— Прощайте, товарищи! — крикнул кто-то с кормы, когда шлюпка огибала ее срез.

«Как на «Варяге»», — мелькнула мысль у тех, кто был в шлюпке.

В это время раздался третий, самый сильный взрыв. Нос корабля медленно поднялся вверх, «Гордый» встал вертикально и, как бы прощаясь, стал погружаться в воду. Его прощальным салютом любимой Советской стране была радиогамма, принятая на ближайших кораблях в тот момент, когда эсминец с шумом уходил под воду. Самоотверженный радист эсминца радировал: «Привет Родине».

Водоворотом шлюпку отбросило в сторону. Около нее плавали выброшенные взрывом люди. Спасли всех, кого заметили; в шлюпке прибавилось еще девять человек. Теперь она осталась в темноте один на один с бушующим морем.

Грести могли только Лагутин и Хренов, остальные с трудом отчерпывали воду. А вода в шлюпке все прибывала. Поставили парус. Шторм переходил в ураган, и все же это, пожалуй, лучше, чем безветрие. При тихой погоде раздетые,

тили к этому дню порядочно рыбы. В Кобону прибыла группа ленинградских артистов. После вручения наград они дали концерт.

Любезные хозяева пригласили к столу, на котором соблазнительно выделялись аппетитные ладожские сиги. Изголодавшиеся артисты набросились на них с ожесточением. Смолкли разговоры. И вдруг раздался отчаянный крик. Выпрямившись и вытянув шею, с сигом в обеих руках недвижимо застыла с открытым ртом народная артистка. У нее застряла в горле кость.

Врач быстро изъясил предательски опасную рыбу кость, так напугавшую знаменитую певицу. Несмотря на боль, артистка вновь присоединилась к трапезе товарищей. Соблазн был велик: на тарелке у нее лежал сиг. Устоять было невозможно!

Больно было смотреть на истощенных служителей искусства. А служили они ему преданно. Только артисты театра Балтийского флота дали в первый год войны 3 тысячи спектаклей и концертов. И большинство из них — под открытым небом: на палубах кораблей, в окопах, на железнодорожных платформах. Падали бомбы, рядом с импровизированной сценой рвались снаряды, а артисты улыбались зрителю, пели, декламировали, страстным языком искусства звали к подвигу.

Никакие бедствия не могли сломить ленинградцев. В ту страшную первую блокадную зиму они почти все были физически немощны, но духом несравненно более сильны, чем армия сытых фашистских солдат, сжимавшая кольцом их город. Требовалось почти сверхчеловеческое напряжение, чтобы работать голодными в холодных цехах. Ленинградцы работали. На одном из заводов мастер Задворный от истощения не мог держаться на ногах. Тогда он попросил подвесить себя на канатах над танками. В таком состоянии он несколько часов руководил ремонтом нужных для фронта машин.

У меня сохранился альбом о действиях торпедных катеров в 1941—1942 годах. В нем есть запись «Небывалое бывает», в которой рассказывается о трудностях ремонтных работ этих маленьких, но грозных кораблей. До начала навигации нужно было выверить линии валов, отремонтировать моторы, корпуса. Со многими из этих работ матросы катеров не были знакомы.

«И тут на помощь балтийцам пришли рабочие завода, — говорится в альбоме. — Имена этих героев должны быть впи-

саны в историю соединения в одной строке с его отважными воинами, увенчанными славой. Они, рабочие, пухли от голода, валились с ног от истощения, но не оставили работы до тех пор, пока не был отремонтирован последний из катеров».

Достойные слова!

Многие рабочие от слабости не могли держать в руках инструмента. Сидя возле работавших матросов, они подсказывали им, что надо делать. Клепальщик Решков был до того слаб, что не мог дойти до своего рабочего места, упал. И все же герой-труженик не покинул цеха. Он попросил поднести его к катеру и лежа, слабеющим голосом рассказывал катерникам порядок ремонта.

Во время ремонта торпедных катеров вражеский снаряд разворотил крышу цеха. Упал смертельно раненный осколками токарь Иванов. На его место сейчас же стал рабочий Соловьев, как в жарком бою, когда подносчик патронов брал рукоятки пулемета из холодеющих рук сраженного пулеметчика.

Военный совет КБФ от имени Верховного Совета СССР наградил тогда большую группу рабочих орденами и медалями. Самоотверженно трудились на ремонте торпедных катеров клепальщики Карпеткин, Смирнов, Васильев; медники Румянцев, Потемкин, Михайлов; монтажники Шитов, Арцыбашев; токари-валоправщики Беляев, Иванов; винтовщики Степанов, Соколов; компрессорщик Мигунов, корпусный мастер Столяр, пожилая работница Лучкова, обеспечивавшая ремонтников инструментами и материалами.

Небывалая стойкость города-героя, великая нравственная сила ленинградских жителей были животворным родником, питавшим боевой дух воинов Ленинградского фронта и моряков-балтийцев. И люди делали чудеса. Во время ремонта БТЩ-218 изуродованный нос корабля и согнутый во льдах форштевень моряки отсекали вручную. Новый форштевень был приварен с соблюдением всех сложных инженерных расчетов. Руководил этими сварочными работами... старший краснофлотец коммунист Терлецкий. Судостроителем он никогда раньше не был, а тут пришлось освоить новое дело.

Требовалось заменить гребные винты тральщика, погнутые во время ледовых походов к Ханко. Чтобы поднять их из-под воды, матросы нашли на заводских задворках ручные лебедки. Поставили их на край стенки и начали выбирать стальные тросы. Работавшие сменялись каждые 20 минут,

больше не выдерживали. Снимали винты, стоя на деревянных плотиках по колено в ледяной воде...

И это делали бойцы, получавшие по 300 граммов хлеба в сутки. Продовольственное снабжение личного состава флота в первые месяцы 1942 года было сведено к минимуму.

Как-то во время одного из докладов А. А. Жданову заметил я у него на столе представленные нами списки флотских продовольственных запасов и топлива, переданных Ленинграду. Невольно подумалось — насколько бы нам всего этого хватило!

Андрей Александрович перехватил мой взгляд, прочитал вслух несколько цифр, посмотрел на меня в упор и спросил: — Жалко?

Не успел я ответить, что жалеть нечего, дело-то общее, как он весело улыбнулся и заявил:

— Кулаки вы, дорогие товарищи! Смотрите, сколько у вас хлеба, мазута, консервов, шоколада... Советские кулаки! Побольше бы нам таких запасливых, веселее бы жить было. Наверное, не все здесь показано, а? Подзажал Москаленко кое-что на черный день?

— Нет, Андрей Александрович, все. Как на духу. Скоро придем просить у вас уголь и бензин. Весной это будет нужнее, чем хлеб. Мы подсчитали, что только для одних дозорных кораблей потребуется минимум 40 тонн бензина в сутки.

— Да, побольше бы таких «кулаков»... — задумчиво повторил Жданов. Нигде так серьезно не относились к созданию запасов, как на флоте. — Вот Борода, наверное, ругается! — весело оживился он. — Копил, копил, думал — на всю войну Балтике хватит, а тут — на тебе! Крепкий мужик! — С похвалой отозвался он о Бороде.

Бородой Андрей Александрович называл заместителя наркома Военно-Морского Флота Сергея Ильича Воробьева, носившего пышную, когда-то черную, а теперь седеющую бороду. Сергей Ильич много поработал, чтобы обеспечить флоты всем необходимым, создать нужные запасы продовольствия, боезапаса, топлива, которые пошли теперь в общий котел осажденного Ленинграда. Умный, расчетливый хозяин, С. И. Воробьев хорошо понимал важность материального обеспечения для боеспособности флота и даже в очень тяжелое время находил возможность вовремя снабжать нас самым необходимым из ресурсов, которые выделяла для этих целей страна.

Однако трудности первой блокадной зимы были такими, что даже такой рачительный хозяин, как Воробьев, имевший в тылу запасы, не мог нам их подбросить, чтобы удовлетворить самые минимальные потребности. Особенно туго было с топливом. Приходилось изворачиваться. Мазут собирали ведрами и котелками со дна мазутных цистерн. Но и эти «резервы» исчерпались. Корабли стали отапливать дровами. Не было и электроэнергии. Тяжелые артиллерийские башни вращались вручную. Снаряды во время стрельб тоже подавались вручную. Боезапаса не хватало, и он был строго лимитирован. Работники тыла флота выбивались из сил, стараясь разрешить эти жизненно важные проблемы.

Нужно отдать должное начальнику тыла флота Москаленко Митрофану Ивановичу и комиссару Родионову Михаилу Сергеевичу. Они хорошо руководили своими многочисленными подчиненными.

Крупный, крепко сложенный, неторопливый, с густым внушительным басом, Митрофан Иванович, кажется, не терялся в любой сложной обстановке. Его распоряжения, отдаваемые спокойным тоном, были всегда убедительными и внесли успокоение там, где проявлялась нервозность или растерянность.

Были в ту суровую зиму у балтийцев не только испытания и трудности, но и радости. И не только во время удачных обстрелов вражеского стана или в час завершения зимнего судоремонта. Не меньшую радость приносили морякам дни, когда они своим трудом помогали осажденному городу. Личным составом флота были отремонтированы трубопроводы, силовая установка, электросеть ГЭС № 2, некоторые цехи завода «Большевик», фабрик «Красногвардеец», «Светоч» и имени Урицкого, Ижорская верфь, три плавдока, ряд мастерских, Публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина.

Когда остановилась городская водопроводная станция, бригада подводного плавания послала туда своих специалистов. На силовой станции водопровода моряки обнаружили лишь одного живого человека, рабочего-старика. Он и познакомил их с устройством станции. Введение в строй городского водопровода было большим событием для ленинградцев.

Матросы восстановили электрохозяйство первого молочного завода, снабжавшего своей продукцией госпитали и детские учреждения. Посланцы крейсера «Киров» наладили прокатный стан на Кировском заводе. И все это — в перерывы

вах между боями, которые велись теперь не только на суше, в воздухе и в море, но и на участках залива, скованных метровым ледяным покровом. Фашисты не раз пробовали делать разведку боем на льду залива. В январе и феврале 1942 года почти каждую ночь наши дозорные посты вступали в перестрелку с вражескими диверсионными группами, схватывались врукопашную с ними.

Ходили наши дозоры на залив и в пешем строю, и на лыжах, и даже на буерах. Белокрылые «чудо-сани» скользили там, где раньше резали пенистую балтийскую волну своими форштевнями катера. Темной метельной ночью моряки из отряда буеров — старшина Пономарев и краснофлотец Данилов встретили на льду фашистских лазутчиков, возвращавшихся с задания. Не дали уйти врагу бдительные дозорные. У одного из убитых диверсантов были найдены очень важные шпионские сведения.

Однажды враги решили захватить один из наших дозоров в плен. Около двух десятков фашистов лежало в засаде. А дозорных было всего лишь двое — Афанасий Епихин и Николай Вихров. Очутившись лицом к лицу с гитлеровцами, не дрогнули отважные воины. Они стреляли из винтовок, бросали гранаты, дрались ножами и дорого отдали свою жизнь. Наутро товарищи нашли в сугробах павших героев. Тела их были изрешечены пулями, продырявлены тесакми...

Проводили мы на заливе и наступательные операции. В канун 1942 года отряд наших лыжников испортил новогоднее веселье вражескому гарнизону на острове Большой Тютерс. В другом случае две сотни бойцов, бесшумно сняв охрану, ворвались с трех сторон на остров Гогланд. Фашистский гарнизон острова был уничтожен почти полностью.

Вторая группа лыжников, посланная с острова Лавенсаари на Гогланд в помощь первой, попала в пургу. Сбившись с курса, матросы пять дней без отдыха и сна пробивались к острову. Когда ветер утих, обессиленных бойцов атаковали вражеские штурмовики. Отряд понес потери, но достиг берега. Три месяца удерживали бойцы в своих руках острова Гогланд и Большой Тютерс.

К весне стало ясно, что человеконенавистнический план гитлеровцев задушить город Ленина костлявой рукой голода провалился, как провалились в свое время надежды фашистских главарей с ходу, штурмом овладеть Ленинградом. Тогда фашисты предприняли несколько массированных

авиационно-артиллерийских ударов по городу и кораблям флота. В один из таких налетов я оказался около крейсера «Киров». Еще издали было видно, как фашистские самолеты остервенело пикировали на корабль. Зенитчики яростно отбивались. Но вот одна из бомб с воем врезалась в верхнюю палубу «Кирова»...

Поднялся по трапу. На моем пути лежал, раскинув руки, убитый взрывной волной молодой матрос с удивленно раскрытыми глазами. Санитары уносили раненых. А я стоял и смотрел на мертвого зенитчика. До боли сжалось сердце. Я узнал матроса — видел его в бою во время прорыва из Таллина в Кронштадт. Тогда он расчетливыми спорыми движениями подносил снаряды к пушкам, без усталости бившим по фашистским самолетам.

Налеты на корабли следовали один за другим. Нетрудно было понять, что противник проводит специальную операцию, чтобы вывести их из строя, и охотится прежде всего за крупными единицами. Крейсер надо было спрятать. На Неве сделать это не просто. В темное время суток отбуксировали «Киров» к противоположному берегу и замаскировали, а на его место поставили предназначенный для слома транспорт. В те же часы на следующий день немцы бомбили этот транспорт и сообщили о потоплении «Кирова», а он через некоторое время снова стрелял по врагу.

Хорошо послужил нам в сохранении людей и материальной части хлопок, то самое волокно, которое употребляется для изготовления пряжи. В торговом порту его было много. Кто-то вспомнил, что в гражданскую войну кипы хлопка использовались для прикрытия кораблей от бомб и снарядов. Кипы прессованные, при попадании бомб и снарядов пружинят и ослабляют удар. Закрыли хлопком верхнюю палубу крейсера «Максим Горький», прикрыли зенитчиков. Во время налета 27 апреля около «Горького» упало 14 бомб и разорвалось несколько снарядов. В кипах хлопка застряли тысячи осколков. Ранило трех человек. Командиры с крейсера говорили потом, что если бы не хлопок, то весь 2-й дивизион был бы выведен из строя. После этого случая кипы хлопка из торгового порта быстро перекочевали на палубы кораблей.

Весенние налеты авиации на корабли флота не принесли фашистам желаемого успеха. Рассредоточенные по Неве и ее притокам, наши крейсера, эсминцы и канонерские лодки пострадали сравнительно мало. Зато потери у врага были

значительными. 4 апреля наши зенитчики сбили 18 бомбардировщиков противника. 24 апреля только восемнадцать немецким самолетам из 159 удалось прорваться к Неве. А вообще в тот день каждый шестой воздушный пират поплатился машиной и головой за участие в разбойничьем налете.

Город не так страдал от бомбежек, как от артиллерийских обстрелов. Даже Нева и залив пестрели зимой сотнями воронок. Взрывы снарядов тяжело гремели по городу и днем и ночью и в январские стужи, когда был город в каком-то ледяном оцепенении, и в апрельские дни, когда голубые просветы в небе сулили свет и тепло его жителям. Обстрелы в 1942 году стали привычными, вошли в блокадный быт ленинградцев. Урон от них был большой.

Контрбатарейная борьба в 1942 году занимала особое место в обороне Ленинграда. Зимой и весной на нее была переключена почти вся флотская артиллерия.

«Дирижировал» нашим большим артиллерийским хозяйством Иван Иванович Грен. Замечательный это был человек. Я говорю «был» потому, что в 1960 году вице-адмирал в отставке Грен ушел из жизни.

Знал он артиллерию досконально и того же требовал от подчиненных. Его можно было часто видеть на огневых позициях наших батарей, на корректировочных постах. Особенно любил навещать он, стараясь при этом обязательно «прихватить» командующего или меня, позиции подвижных батарей. В январе из них была сформирована 101-я морская артиллерийская железнодорожная бригада во главе с ханковским генералом И. Н. Дмитриевым, которая стала нашей ударной силой в контрбатарейной борьбе. Военкомом бригады был назначен имеющий большой опыт работы в артиллерийских частях полковой комиссар Г. М. Яичников.

Командовали в бригаде дивизионами и батареями подлинные мастера артиллерийского боя. С гордостью назывались тогда имена С. С. Кобеца, Н. З. Волновского, Я. Д. Тупикова, В. Н. Меснянкина, Б. М. Гранина, Л. М. Тудера, Г. И. Барбакадзе. Это их пушки приводили к молчанию фашистские батареи, обстреливавшие Ленинград. Это они совершали «артиллерийские рейды» по тылам неприятеля.

В конце февраля 1942 года 19-я железнодорожная батарея (командир — капитан Меснянкин) получила задание произвести огневой налет по скоплению фашистских войск на одном из железнодорожных участков. Пути были забиты

вражескими эшелонами. Расстояние до цели более 40 километров. Накрыть врага можно было, только увеличив дальность полета снарядов. И Меснянкин нашел выход. Он пошел на риск: согрел полузаряды до максимально допустимой температуры. Успех огневого налета превзошел все наши ожидания: по данным разведки, фашисты в течение недели не могли наладить железнодорожного движения.

Был тогда у нас бронепоезд «Балтиец». Действовал он умело, и название свое оправдал полностью. Командовал бронепоездом майор В. Д. Стукалов. Он тоже внес свою лепту в увеличение дальности действия батарей. Получил однажды майор Стукалов приказ накрыть своим огнем скопление противника, а расстояние до цели было на километр больше дальности действия пушек бронепоезда. Как быть? Цель заманчивая, приказ надо выполнить. Моряки знают, что на море в былые времена, при нужде, для увеличения дальности делали большой угол возвышения, придавая крен кораблю. Стукалов решил применить этот принцип на суше. Он использовал обычную на закруглениях разность уровня рельсов и дополнительно придал этому участку железнодорожного полотна необходимый наклон.

Враг, не ожидавший обстрела, понес большие потери.

Огромную роль в контрбатарейной борьбе с противником играла крепость Кронштадт. Созданная вместе с Петербургом для его обороны со стороны моря, в годы Великой Отечественной войны она имела главную задачу — осуществлять артиллерийскую оборону Ленинграда от сухопутного противника. Для Кронштадта это было не ново. Еще в 1919 году артиллерия крепости громила белогвардейские войска Юденича, рвавшиеся к Петрограду. В битве против гитлеровских захватчиков от кронштадтских артиллеристов требовалось очень большое искусство, чтобы быстро и безошибочно накрыть многочисленные батареи противника, обстреливающие Ленинград или фарватеры, по которым идут наши корабли.

В состав Кронштадтской крепости входило большое количество орудий, расположенных как на самом острове Котлин, так и на многочисленных фортах. Управлять ими было не просто. Особенно высоких показателей в использовании крепостной артиллерии достиг генерал-майор Иннокентий Степанович Мушнов (генерал-лейтенант в отставке И. С. Мушнов скончался в 1962 году). Он был опытным артиллеристом, еще в начале двадцатых годов командовал

Линкор «Октябрьская революция»
проводит своих товарищей на сухопутный фронт

Крейсер «Киров»

Клятва балтийцев

Отряд балтийских моряков направляется
на передовые позиции 1941 года

На линкоре «Октябрьская революция» боевая тревога. 1941 г.

Командир лидера «Ленинград»
Кузнецов Василий Степанович
павучно занесен в список
экипажа корабля

Герой Советского Союза
Г. Д. Костылев

Хочется
ской с

[illegible]

Родина избрала нас патристическим гением Кресте стеной
выбрала роду, еще при великом князе отом мавгаре рощице.
отом рощице мавгаре или утаре

Родом дамы дровя! Зоркий духом ии суровый духом
бесов утаре Огнем или утаре в мавгаре или утаре
орз до дровя и утаре.

Вотса с ботом ии утаре или утаре, родом
каждому суровый духом утаре, который до мавгаре утаре или утаре
или утаре.

Вотса ботом дамы или утаре или утаре, родом
утаре или утаре. Мавгаре ботом до мавгаре или утаре
или утаре! Мавгаре ии утаре или утаре или утаре

Ботом ии утаре! Мавгаре или утаре Огнем. Мавгаре или утаре
суровый ии утаре или утаре ии утаре или утаре
или утаре Мавгаре Огнем или утаре или утаре Равно-
мавгаре. Суровый ии утаре или утаре в утаре, родом или утаре
родом, партии ботом или утаре

Мы научились утаре или утаре ии утаре

Каждый из нас твердо рощице:

- Я должен или утаре или утаре Мавгаре
или утаре без утаре, без утаре или утаре, без
родом Мавгаре!

Победа или утаре! - родом
или утаре.

Мы твердо знаем: конечная победа
будет за нами!

Родом Москва, любимая великая столица! Мавгаре
утаре или утаре или утаре, не ботом или утаре или утаре
стенами Кремля!

Мавгаре или утаре или утаре или утаре
или утаре Мавгаре Кремля!

Боевой летчик Балтийского
флота Герой Советского Союза
В. А. Гречишников

Герой Советского Союза
П. Т. Сокур

Генерал С. И. Кабанов

Вице-адмирал В. П. Дрозд

**Член Военного совета Краснознаменного Балтийского флота
вице-адмирал Н. К. Смирнов беседует с моряками-снайперами**

Снайпер Мира Обьедкова

**Славный сокол Балтики Герой
Советского Союза
Игорь Каберов**

Командир подводной лодки
капитан 3-го ранга Герой Со-
ветского Союза Евгений Яков-
левич Осипов

Подводная лодка уходит на
боевую операцию

Зимняя дорога через Ладожское озеро. Шоферы-герои перевозили по
ней миллионы пудов грузов для Ленинграда

Командир дивизиона торпедных катеров капитан 3-го ранга Герой Советского Союза Сергей Александрович Осипов

Боевой катер под командованием Игоря Чернышева вел успешные бои с кораблями и самолетами противника

Мичман Яков Чугунов

Партийное собрание
на катере МО

К балтийцам приехала
делегация трудящихся
Кировской области

Вручение гвардейского знамени 101-й бригаде железнодорожной артиллерии

Федор Пахольчук

Нарком
Военно-Морского Флота
Н. Г. Кузнецов

Катера Валтийского флота в момент битвы за Выборг

Отражение атаки вражеских самолетов

Десант морской пехоты направляется к вражескому берегу

Немецкая подводная лодка V-250, потопленная
в Выборгском заливе.

2-й артиллерийской бригадой, а затем и всей артиллерией Кронштадта.

В первые дни войны Иннокентий Степанович был назначен начальником Морского артиллерийского полигона. «Для первого знакомства» с противником генерал-майор использовал 16-дюймовое орудие. Это было 8 августа 1941 года. По фашистским колоннам, наступающим на Ленинград, полетели «чемоданы»¹, встретившие врага на расстоянии 43 километров от города.

Комендантом крепости Кронштадт И. С. Мушнов был назначен 30 марта 1942 года. С этого дня то на одной, то на другой батарее, то на разборе стрельб, то на инструктивном совещании слышался его вологодский говор, с оканьем. Деятельный, энергичный, требовательный к подчиненным, как и к самому себе, он учил бить врага наверняка.

Борьба «за артиллерийскую культуру», как любил выражаться генерал, тщательный анализ каждой стрельбы, усиленная боевая подготовка дали желаемые результаты. Артиллерия крепости являлась грозным щитом Ленинграда.

22 февраля 1942 года Военный совет Ленинградского фронта провел в Смольном слет снайперов.

На Балтике в это время было уже немало бойцов, которые завели личный счет мести. Занимались эти моряки, как сказали бы сейчас, «без отрыва от производства», то есть выходили «охотиться на фрицев» в свободное от служебных обязанностей время. Среди снайперов были люди различные и по возрасту и по военной специальности, но всех их роднило одно — ненависть к врагу. Наиболее меткие, выдержанные стрелки становились «профессионалами».

Первым снайпером в 301-м артдивизионе, где начиналось снайперское движение, был сержант Иван Глебов. Служил он на выносном корректировочном посту у берега Невы. Первого фашиста хлопнул рано утром. Высунулся фриц из окопа поглядеть, что делают на правом берегу иваны, да так на бруствере и остался. Потом щелкнул еще одного, и счет мести стал расти. Мстил Глебов за отца, погибшего от фашистской пули под станцией Урицк.

Прославленный впоследствии снайпер сержант Посекан рассказывал:

— Представляете, каждый день мы видим гитлеровцев. Ходят они по нашей земле, как хозяева. Снарядов на батарее

¹ Неофициально «чемоданами» называют на флоте крупные снаряды.

в обрез, бережем на крайний случай, вот и решили бить из винтовок.

Присутствовал на слете и комсомолец Иван Антонов. Снайпером он стал со 2 января 1942 года. При первом знакомстве с ним подумалось: вряд ли этот небольшой, добродушно улыбающийся, симпатичный юноша может быть неуловимым стрелком, бьющим без промаха. Да и специальность у И. Антонова до войны была самая мирная — колхозный счетовод.

Как-то, будучи на выносном посту одной из батарей, И. Антонов увидел в стереотрубу, как идет по взрытой снарядами дороге окруженная немецким конвоем толпа женщин и стариков. Конвойные злобно подгоняли арестованных плетью и прикладами. Мелькнула мысль: «Может быть, на расстрел ведут». Вспомнил комсомолец и свои родные края на Калининщине, оккупированные фашистами. И захотелось ему в тот миг неудержимо лично отомстить варварам, осадившим великий город. На другой день он вышел на огневой рубеж, вышел с обычной трехлинейной винтовкой. Первая «охота» была удачной: двумя «завоевателями» на ленинградской земле стало меньше.

— В нашем деле, товарищ корпусной комиссар, — говорил мне И. Антонов при следующей нашей встрече, — главное — не нервничать и терпеливо выжидать. Другой раз сидишь в засаде несколько часов — и никого нет, а иногда появится сразу несколько человек. А еще — надо уметь маскироваться.

И он рассказал, как с вершины пышной сосны снимал замаскированных немецких корректировщиков. Из своей верной снайперской винтовки № 412, созданной тульскими оружейниками, двадцатилетний снайпер уничтожил 359 фашистов. Две роты!

Вскоре сержанту Ивану Петровичу Антонову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Были среди снайперов и женщины. Первой девушкой-снайпером на Балтике стала Мира Обьедкова. Вызвали мы однажды ее в штаб, решил порасспросить, как она овладела трудной, далеко не женской профессией снайпера. Но храбрая в бою, смышленная, плотная девушка оказалась стеснительной в беседе с начальством, отвечала односложно. Пожалуй, самая длинная ее фраза была такой:

— Стреляю в такое место, чтобы не ранить, а убить.

На счету у Миры было 19 фашистов.

После слета ряды снайперов стали расти. К концу

1942 года в третьей бригаде морской пехоты было, например, более двухсот снайперов, из них 67 коммунистов и 70 комсомольцев. По подтвержденным данным, они уничтожили около тысячи гитлеровцев.

В архиве я нашел свое письмо в Москву о снайперском движении. Написано оно 29 сентября 1942 года. В нем упоминаются фамилии: Балдырева, на счету которого 78 убитых фашистов, Булычева — 69, Герлицкого — 62, Климакина — 63, Посекана — 193, Титова — 227. Это рекордная цифра и на Балтике, и на Ленинградском фронте (там максимальная — 217).

Далее я сообщал, что удалось раздобыть 20 снайперских винтовок и они вручены лучшим снайперам.

Снайперское движение перекинулось на артиллерию. На флоте появились снайперские батареи. Подготовка снайперских батарей — дело более сложное и исключительно важное. Накрыть вражескую батарею, обстреливающую Ленинград, заставить ее замолчать после первых же выстрелов по городу — вот в чем заключалась неотложная задача. Для ее решения нужно было не только хорошо поработать с управляющими огнем командирами, а поднять весь личный состав артиллерийских расчетов. В сверхметкой стрельбе многое зависит от командира, но многое и от любого человека, участвующего в стрельбе. Почти на всех батареях были проведены партийные и комсомольские собрания, на которых разбирались вопросы, как сделать батарею снайперской. Квалифицированные артиллеристы на месте выясняли, что мешает сверхметкой стрельбе. Организовывались специальные занятия-семинары с командирами, на которых проводился разбор стрельб и учебные стрельбы по противнику. Проводились тренировочные занятия у орудий. Добивались отличного знания материальной части. В ходе этой работы обнаружилось много серьезных недостатков, на которые раньше не обращалось достаточного внимания. Оказалось, что не всегда хорошо и быстро готовятся исходные данные для стрельб, не везде делаются поправки на изношенность орудия, а она у каждой пушки разная, потребовалось составление новых таблиц, не все командиры имели хорошие наблюдательные пункты и выносные корректировочные посты, нередко подводила связь. Потребовалось внесение существенных изменений и в саму организацию управления контрбатарейной борьбы. Излишняя ее централизация снижала ответственность командиров дивизионов и батарей, надо было дать им больше самостоятельности. Все это дало свои поло-

жительные результаты. Не все батареи стали снайперскими, но многие научились накрывать врага с первого залпа. Особенно хорошо работали артиллеристы 101-й железнодорожной бригады. Некоторые ее командиры не только хорошо знали возможности своей материальной части, но и характер командиров батарей противника.

Мужественно охраняли ленинградское небо и крепко помогали в обороне армейским частям наши летчики. Действия их были славны и поучительны.

В поселке, вблизи развилки дорог, размещались летчики минно-торпедного полка, которым командовал Е. Н. Преображенский. Нравилось мне бывать в полку Преображенского. Люди там были как на подбор, словно богатыри. Петр Ильич Хохлов, Андрей Яковлевич Ефремов, Василий Алексеевич Гречишников, Михаил Николаевич Плоткин... Что ни имя, то страничка из героической летописи нашей боевой славы.

Припоминается одно из таких посещений... С аэродрома иду вместе с летчиками в их «хату». Самолеты только что вернулись с выполнения важного задания по разгрому вражеского узла сопротивления. На некоторых машинах пробоины. Погода февральская: метет — ни зги не видно. Приходится удивляться, как они нашли свой аэродром и совершили посадку. Е. Н. Преображенский чем-то недоволен, но при мне явно сдерживается от разноса подчиненных.

В «хате» завязалась беседа. Больше всего летчиков интересует вопрос: как идет наступление Красной Армии.

— Линию фронта под Ленинградом мы сами видим каждый день, — заявляют они, — а вот что делается на других фронтах, — говорит один, — и когда прорвем блокаду, — добавляет другой, — об этом, пожалуйста, подробнее.

...После разгрома немцев под Москвой, Ростовом и Тихвином в сводках Совинформбюро все чаще говорилось об активных действиях наших войск, о продвижении вперед на ряде участков фронта, о том, что освобождены такие-то города (Можайск, Калуга, Торопец, Барвенково, Лозовая...), захвачены трофеи... Шло общее наступление на всех фронтах советско-германского фронта.

Значительно изменилась обстановка и под Ленинградом. К концу декабря 1941 года были освобождены города Большая Вишера, Тихвин, Будогощь. Но прорвать тогда блокаду не удалось, и в ближайшее время трудно было на это надеяться. А всем участникам беседы хотелось ускорить ход событий, освободить захваченные врагом районы, скорее раз-

громить гитлеровцев. Но пока стояли, накапливали опыт и силы. Время работало на нас. Об этом в основном и была бе-седа.

После ужина заиграл баян. Это загрустил восемнадцатилетний стрелок-радист с самолета командира полка Виктор Алексеев. Играет что-то минорное. В полку в свободное от полетов время любят послушать музыку, любят здесь и хоровую песню. Но вдруг баянист переходит на что-то веселое, буйное, бьющее через край.

Нередко сам Евгений Николаевич растягивал свою двухрядку. И тогда он становился похожим на простого вологодского парня, умеющего спеть и задушевную протяжную лирическую песенку и озорную частушку.

В полку крепкая партийная организация, хороший секретарь Афанасьев, военком полка — опытный политработник Г. З. Оганезов. Главным и решающим в политической работе он считает заботу о людях, чуткое, внимательное отношение к летчику, штурману, стрелку-радисту — к каждому воину полка. Пожалуй, не зря в политотделе Г. З. Оганезова зовут психологом. Много внимания уделяет военком изучению боевого опыта.

Родные, близкие люди! Замечательные, надежные боевые товарищи! Завтра вам снова в бой. И кто знает, может быть, кто-то из вас не вернется в эту хату. О таком исходе не хочется думать.

...Другой полк. Другие самолеты. На них такие же смелые, отважные люди. Стоим на аэродроме. Эскадрилья Игоря Каберова должна была уже вернуться. Каждый посматривает на часы, волнуется. Не случилось ли чего? И. Каберов — любимец полка. Его знают не только летчики Балтики, но и летчики фронта. Знают потому, что на его счету уже 27 сбитых самолетов, он Герой Советского Союза. Этот веселый, жизнерадостный, подвижной, как и его «ястребок» в воздухе, маленький, всегда улыбающийся Игорь Каберов был душой эскадрильи. Он хорошо рисует и пишет стихи. Он же хороший агитатор, редактор «Боевого листка», песенник. Это он выразил в своих стихах мечту ленинградцев:

И тогда зардеет луч свободы,
Сбросит маскировочный халат
Терпеливый, вынесший невзгоды,
Неприступный, гордый Ленинград.

Его, Игоря Каберова, мы и ждем. Наконец над аэродромом проносятся истребители, уверенно садятся и отруливают на

свои места. Самолет Каберова подозрительно пошатывается. Еле стоит на ногах и сам летчик. Сделав усилие, он подходит ко мне с докладом. Каким ненужным кажется в эту минуту официальный рапорт.

— Не ранены, товарищ Каберов?

— Нет. Сейчас разомнусь. Вот самолету досталось. Пробила масляная система и гидросистема.

Выясняется, что уже с этими повреждениями летчик сбил «юнкерса». Впоследствии Игорь Каберов совершил воздушный таран. И вышел невредимым.

Таранить, врезаться винтом своего самолета в крыло самолета противника — это идти на самопожертвование. Летчики Балтийского флота совершали этот поистине героический подвиг многократно. Таранили противника Митин, Соболев, Зосимов, Бринько, Багрянцев, Михалев, Савченко, Ситников, Васильев, Щербини, Орбачев, Кротевич, Бородин, Гузов, Горбачев и другие.

Шли наши авиаторы на таран, конечно, не потому, что хотели показать свою удачу. Каждый из них любил жизнь. Таран — это последнее, что мог сделать летчик во имя Родины.

Многое можно было бы рассказать о таких замечательных летчиках, как А. Ю. Байсултанов, Г. Д. Цоколаев, А. А. Карасев, о полковниках В. С. Корешкове, П. В. Кондратьеве, В. Ф. Голубеве, Я. З. Слепенкове, о летчиках-политработниках И. И. Сербине, М. А. Ефимове и о дважды Героях Советского Союза А. Е. Мазуренко, В. И. Ракове, Н. В. Челнокове, Н. Г. Степаняне. Но это была бы книга только о летчиках.

Есть в Ленинграде улица Ефимова. Начинается она у площади Мира. Эта улица названа в честь одного из славных защитников Ленинграда от фашистского нашествия — Героя Советского Союза Матвея Андреевича Ефимова.

Перед войной, а затем и в ходе Великой Отечественной войны на должности политработников в авиации партия выдвигала лучших летчиков. И это вполне себя оправдало. Таким людям, овладевшим техникой, политически подкованным, партийно зрелым, по плечу было руководство политической работой и воспитание личного состава в духе понимания высокого воинского долга.

Однажды бывший со мной на аэродроме работник Пубалта доложил, что молодой летчик (следовала фамилия) плохо, нерешительно вел себя в бою.

— Видимо, трусил,— заявил инструктор.

— Разрешите выяснить, в чем дело,— попросил обеспокоенный М. А. Ефимов,— и побежал к недавно приземлившемуся самолету, около которого стояла группа летчиков.

Через несколько минут зам. по политчасти вернулся и доложил, что да, так и было. Летчик молодой, имеет всего три боевых вылета.

— Спасовал. Только ругать его сейчас не надо, а у нас на это охотников много. Тут и я виноват,— сокрушенно заявил Матвей Андреевич.

Я спросил, в чем его вина.

— Как-то так получилось, что я сам ни разу с ним не летал.

— А разве вам обязательно вылетать с каждым летчиком? — заметил я.

— Нет, не обязательно. Только у меня такое правило,— смущаясь, сказал М. А. Ефимов,— каждого молодого летчика в первый бой самому вести.

Позднее мне рассказывали, как на второй день Матвей Андреевич взял этого летчика к себе ведомым. Бой завязался неожиданно. М. Е. Ефимов поджег фашистский самолет, но подбитый бомбардировщик продолжал отстреливаться.

— Добивай! Чего смотришь,— скомандовал М. А. Ефимов ведомому,— подходи ближе,— раздавалось в наушниках шлемофона,— ближе подходи! Бей!

Так в актив молодого летчика был записан первый сбитый самолет противника.

За два с половиной года войны М. А. Ефимов совершил более 350 боевых вылетов, сбил лично 9 самолетов противника и в группе с другими летчиками — 27 фашистских машин.

Паренек со Смоленщины, Матвей Ефимов не сразу избрал путь летчика. В 1931 году он оказался в танковой школе, а потом пошел учиться в Свердловский коммунистический университет. Здесь он получил хорошую политическую закалку и по спецнабору стал курсантом Военно-морского авиационного училища. На Балтику он пришел за полгода до начала Великой Отечественной войны, из Военно-воздушной академии имени Жуковского.

Еще не будучи политработником, М. А. Ефимов являлся партийным вожаком в своей части, секретарем партийной организации.

Боевое крещение Матвей Андреевич принял 22 июля 1941 года и в первом же бою сбил «мессершмитта». На рубеже второго года войны гвардии капитану Ефимову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Таким был коммунист Ефимов. Погиб он в 1943 году, за несколько дней до прорыва блокады, к которому так готовился. Погиб не в бою, а во время катастрофы самолета, на борту которого Матвей Андреевич был пассажиром.

Наступили белые ночи. Впервые за свою историю Ленинград встречал их в осаде. Не звенели девичьи песни в зеленющих парках, редко гуляли у Невы парочки влюбленных, от набережных не отходили в залив для традиционных проводов белых ночей теплоходы, переполненные веселыми пассажирами. Все было иначе. Тяжела поступь войны...

И все же ленинградцы с радостью встречали лето. Голод, стужа, опасность эпидемий остались позади. Защитники города мужали в боях, учились и били врага. Обстановка для гитлеровцев все больше и больше становилась под Ленинградом неблагоприятной. Осажденный город богатырски расправлял плечи.

Кто из ленинградцев и гостей города-героя не знает примечательного места, откуда устремляет свой бег в море то бурная, то величаво спокойная Нева? Сама природа положила гигантский валун возле берега, где начинается «Невы державное течение». Здесь же, у истоков реки, как бы из воды поднимаются стены Петрокрепости. За ними сверкает и искрится серебристая даль Ладоги — величайшего в Европе озера, окаймленного массивами синевато-зеленого леса.

Хорошо здесь весной и летом. Осенью же бушуют свирепые штормы и злые ветры, подчас покрепче, чем на Балтике. Зимой Ладожское озеро целиком не замерзает.

В глубь далеких веков уходит история Приладожья. Когда-то здесь, на берегах Волхова и самого озера, стояли первые славянские поселения. Древнейшая на Руси каменная крепость Ладожская была в свое время свидетельницей многих побед новгородских дружинников над захватчиками-иноземцами. На берегах озера развевались боевые стяги Александра Невского. И поныне здесь сохранились бастионы, сооруженные бомбардирами Петра Первого. На крепостных стенах Ладоги тренировал своих будущих чудо-богатырей Александр Васильевич Суворов.

Значение Ладоги как театра военных действий, конечно, учитывалось и в довоенное время, особенно после советско-финской войны. Но никто из командования Балтийским флотом и в Москве в Главном морском штабе не предполагал (да и мог ли предполагать), какую роль сыграет Ладожское озеро в истории обороны Ленинграда.

Единственную коммуникацию осажденного города со страной, проходившую по Ладожскому озеру, защитники Ленинграда справедливо считали «дорогой жизни». Мудрое народное название! Жизнь города во время блокады действительно зависела от этой «дороги». Во время навигации по ней шли необходимые грузы на судах, а в зимний период, когда озеро сковывало льдом, — на автомашинах.

После войны некоторые товарищи в устных и письменных выступлениях сузили понятие о «дороге жизни», свели его к ледовой трассе, как будто и не было перевозок на кораблях, как будто главная масса грузов для Ленинграда перевезена по льду. Конечно, ледовая дорога сыграла выдающуюся роль. По ней шло в Ленинград продовольствие в самое трудное для города время. Но недооценка роли судоходства является искажением исторической правды, преуменьшением трудностей, которые приходилось преодолевать в дни блокады.

После провала замысла захватить город штурмом «Гитлер надеялся на возможность вынудить Ленинград и его население к сдаче голодной блокадой», — пишет генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн в книге «Утерянные победы»¹. Гитлеровцам казалось, что их замысел не вызывает сомнения: армия фюрера стоит у самых стен города, все пути снабжения которого отрезаны, обеспечить осажденные армию, флот и многочисленное население даже минимумом продовольствия по воздуху — дело немыслимое. Остается неширокий водный коридор по Ладожскому озеру. Но пользоваться им почти невозможно, так как западный берег к северу от Никуляс и восточная часть побережья до самой Свирицы заняты финскими войсками, южный берег озера от Шлиссельбурга и далее на восток в руках немцев, идет наступление на Тихвин и Волхов, движение судов по ограниченному водному пространству озера контролируется авиацией и артиллерией. Можно ли представить более сложные условия для зажатых в клещи ленинградцев?

«Но Советы перечеркнули его (Гитлера. — Н. С.) планы, организовав снабжение города через Ладожское озеро — летом с помощью судов, зимой — по построенной на льду дороге», — сокрушается гитлеровский фельдмаршал.

«Дорога жизни» начала действовать в начале сентября. С каждым днем Ленинград все больше нуждался в подвозе продовольствия.

В один из вечеров октября 1941 года позвонил мне А. Н. Кузнецов, помощник А. А. Жданова.

— Андрей Александрович просит вас зайти.

В Смольном нам приходилось бывать тогда почти каждый день, а иногда и не по одному разу в сутки. И все же я

¹ См. Фон Манштейн. Утерянные победы. Перевод с немецкого. Воениздат, 1957, стр. 264.

всегда с чувством благоговения входил в это здание, овеянное славой революции. Как и до войны, здесь было чисто и как-то по-особому светло. Только теперь на старых, стертых тысячами ног, лестницах встречалось больше военных.

Перед тем как зайти к Андрею Александровичу, я обратил внимание в приемной на две большие пачки книг. Это тоже было обычным делом — книги подбирались по требованию Андрея Александровича, и он умудрялся среди неотложных дел просматривать их. Книги были по экономике, по истории, философии, не говоря уже о художественных произведениях. Необычным сегодня мне показался набор книг. Здесь были исследования по Ладожскому озеру, логистика, несколько номеров «Морского сборника», карты.

— С Владимиром Филипповичем Трибуцем я уже говорил, — обратился ко мне Андрей Александрович. — Самая неотложная сейчас задача — это доставка продовольствия для Ленинграда. Путь для этого единственный и крайне трудный — Ладожское озеро. Это наша «дорога жизни». Моряки Ладожской флотилии должны понять, что ни капризы погоды, ни обстрелы и бомбежки — ничто не должно срывать перевозок. Мы за 20 дней сентября перевезли через озеро около 20 тысяч тонн боеприпасов, продовольствия и топлива. Это хорошо. Но этого недостаточно. Нужно удвоить, утроить усилия.

Андрей Александрович заметно волновался и не скрывал этого. Он ходил по кабинету, жестикулировал, повышал голос, потом успокаивался, по-доброму улыбался, а затем снова «загорался».

В кабинет вошел секретарь горкома А. А. Кузнецов.

— Правильно я говорю, Алексей Александрович? — шутиливо обратился к нему Жданов. — Теперь все мы от моряков зависим. Подвезут продовольствие, — значит, живем, а не подвезут, так вашей комиссии и распределять нечего будет (А. А. Кузнецов возглавлял тогда продовольственную комиссию города).

— Так вот, — снова перешел он на серьезный тон, — перевозки с восточного берега следует резко усилить. Имейте в виду, что из Ленинграда надо вывезти еще много промышленного оборудования, людей, без которых может обойтись оборона. Нужно также уже сейчас думать, что будем делать, когда замерзнет озеро. Очевидно, морякам и тогда дело найдется.

Ушел я от Андрея Александровича с «распухшей» от дум

головой. Увеличить количество перевозок было, конечно, можно. Люди на кораблях Ладожской флотилии у нас — замечательные, да и резервы в то время еще имелись порядочные. Военный совет флота много занимался делами Ладоги. А адмирал Иван Степанович Исаков, возглавлявший морскую группу при Военном совете фронта, все свое внимание в это время уделял главным образом вопросам перевозок через озеро. Но вот указание А. А. Жданова, касающееся зимы... Мало, весьма мало мы знали тогда о Ладоге. А ведь трасса пойдет по льду, и у нас строители спросят: насколько крепок ладожский лед, как на крепость льда влияют течения, ветры, изменения температуры?

Ладожская военная флотилия уже участвовала в боевых операциях: высаживала десанты, оказывала огневое содействие войскам, проводила эвакуацию частей армии из районов Сортавалы, Кексгольма, Рауту — Лахта. Когда немецко-фашистские войска начали наступление на Шлиссельбург, флотилия помогала артиллерийским огнем стрелковым частям в обороне, обстреливала противника в районе станции Мга.

Уже 30 августа 1941 года, то есть сразу же после того, как была прервана железнодорожная связь Ленинграда со страной, Государственный комитет обороны принял решение о доставке грузов в Ленинград по Ладожскому озеру. Ответственность за снабжение ленинградцев ЦК ВКП(б) и ГКО возложили на заместителя председателя Совнаркома СССР Анастаса Ивановича Микояна. Страна давала осажденному городу все, что она могла в то время выделить из общих запасов. Но это «все» надо было перебросить через штормовую Ладогу.

До войны озеро считалось трудным для судоходства. Поэтому на нем не было ни оборудованных причалов, ни обжитых гаваней. Моряки Ладожской флотилии, инженерные войска Ленинградского фронта, рабочие и колхозники Приладожья в короткий срок построили пирсы и необходимые портовые сооружения в Осиновце, Морье, Кобоне. Много тогда потрудился личный состав частей 55-го строительного батальона Балтийского флота.

Были проведены также большие дноуглубительные работы. Суда Балтийского технического флота вынули около четверти миллиона кубометров грунта. Для прикрытия коммуникации были установлены зенитные батареи, выделена истребительная авиация.

Так волею народа, неустанным его трудом создавалась «дорога жизни». Сначала она пролегла по воде, а позднее, когда озеро замерзло, — по ледяному его покрову.

Осуществлять перевозки осенью 1941 года было трудно, очень трудно. Бывали дни, когда на корабли Ладожской флотилии обрушивались сразу два противника — шторм и фашистские самолеты. Особо памятным днем было 17 сентября 1941 года. В этот день караван речных барж шел на восточный берег с людьми и артиллерийским имуществом, которое отправлял в глубь страны особый уполномоченный наркомата Военно-Морского Флота И. С. Мушнов. На переходе его настиг жестокий шторм. Крутые волны разбушевавшегося озера бросали тонны воды на неприспособленные к плаванию в бурную погоду речные суда, яростно вздымали их на свои гребни и опускали в водяные пропасти. Несколько барж не выдержали ударов тяжелых волн — разломались. Другие были опрокинуты. Гибли люди, шли ко дну грузы. Среди терпящих бедствие людей были курсанты Военно-морского инженерного училища, служащие Гидрографического управления, партийные, советские и профсоюзные работники Эстонской ССР, которых перебрасывали на Большую землю.

Видя гибель людей, тральщик «Сом» (командир — старший лейтенант Федор Леонтьевич Ходов) поспешил на помощь. Искусно вел Ф. Л. Ходов свой небольшой корабль, отважно действовал весь экипаж тральщика. Более ста человек сняли матросы с плавающих обломков. Захлебываясь в высоких гремящих волнах, «Сом» направился в базу. В этот момент на него набросились девять фашистских бомбардировщиков.

Что мог противопоставить их атакам тральщик?

Единственную пушку на корме. А бомбы падали и падали. Они рвались где-то внизу, в провалах между крутых волн, на одной из которых вздыбился тральщик. Они рвались где-то сверху, выше тральщика, в гребне новой набегавшей страшной волны, когда он проваливался в разверзшееся озеро. Наконец фашистам удалось накрыть корабль. Одна из бомб угодила в корму.

Корабль был смертельно ранен, но не побежден. Матросы продолжали стрелять по самолетам врага, хотя «Сом» начал погружаться в воду. Снаряд вылетел из дула орудия и тогда, когда комендор Николай Абакумов стрелял, стоя в воде.

Последним усилием машин Ф. Л. Ходов посадил

поврежденный тральщик на мель. Подоспевшие корабли спасли около двухсот человек.

Командование фашистских войск прекрасно понимало, что, пока не отрезан путь к Ладожскому озеру, Ленинград будет получать продовольствие. Основной поток грузов шел из Вологды через Тихвин, Званку, на поселок Новая Ладога и дальше по озеру на порт Осиновец. Гитлеровцы решили захватить Тихвин и Волхов и идти на северо-восток, чтобы соединиться с финской армией. Удался бы им этот план, и Ленинград лишился бы «дороги жизни». Тогда осталось бы только воздушное сообщение, а удовлетворить нужды огромного города по воздуху через линию фронта — дело в то время непосильное.

16 октября 1941 года из района Грузино немцы начали наступление на Тихвин и 8 ноября заняли его. Несколько раньше врагу удалось подойти на три — пять километров к Волхову. Железнодорожная станция Волховстрой попала под минометно-артиллерийский обстрел.

Нависла угроза над электростанцией — первенцем ленинского плана электрификации страны. Воины 54-й армии преградили путь врагу, спасли Волховскую ГЭС. В сентябре 1942 года она была восстановлена и дала электроэнергию осажденному Ленинграду.

Чтобы предотвратить угрозу полного окружения, Ставка Верховного главнокомандования предприняла решительные меры. В числе их значилась переброска войск с Ленинградского фронта на вновь образуемый фронт — Волховский. Эта задача возлагалась на Ладожскую флотилию.

В условиях осенней непогоды через озеро организованно и быстро, с 24 октября по 8 ноября, были перебросены 44-я и 191-я дивизии и 6-я отдельная бригада морской пехоты. Дивизии пошли под Тихвин, а бригада моряков влилась в 54-ю армию генерала Ивана Ивановича Федюнинского. Переброшенные через Ладогу части помогли группе войск под командованием генерала армии Кирилла Афанасьевича Мерецкова разгромить крайне опасную волховско-тихвинскую группировку противника. 12 ноября был окружен и ликвидирован гарнизон врага в Малой Вишере, 9 декабря освобожден Тихвин, к концу декабря наши войска вышли на линию железной дороги Мга — Кириши, а от Тихвина — к Грузино.

К этому времени озеро поутихомирилось, местами его сковал лед. Злорадствовали гитлеровцы, предвкушая тот мо-

мент, когда обессиленный голодом Ленинград сдастся на милость победителя. Но партия уже давно подумала о зимних перевозках. В ночь на 16 ноября 1941 года на тонкий и прозрачный как стекло лед сошла с западного берега группа моряков. Возглавлял ее лейтенант Е. П. Чуров. Это были морские гидрографы. Они шли быстро, но через каждые десять минут останавливались. Появлялась лунка, определялась толщина льда. За двое суток гидрографы прошли 60 километров. Так была сделана первая карта первой трассы на льду.

Утром 18 ноября на льду появился всадник. Он проскакал по пути, пройденному моряками. А потом из Кобоны в сторону Ленинграда потянулись санные обозы с хлебом. Но этого было мало. Голодный Ленинград торопил, и вот на еще не окрепший лед ночью 22 ноября сошло 60 грузовых автомашин. Первый грузовик вел шофер 3-й автороты Александр Петрович Кондрин. Мела пурга, потрескивал лед, но патриоты, сидевшие за рулем, знали: в блокированном Ленинграде тысячи женщин стоят в очередях в ожидании кусочка драгоценного хлеба. И они смело вели машины, только дверцы кабин держали открытыми настежь, чтобы попытаться выскочить, если нагруженная машина рухнет в полынью.

С тех пор так и пошло: как в штормовую осень ничто не могло остановить моряков, доставлявших продовольствие Ленинграду, так никакие преграды в зимнюю пургу не могли заставить ладожских шоферов свернуть с трассы. Об этом писала в своей «Ленинградской поэме» поэтесса Ольга Берггольц. Нельзя и сейчас, спустя годы, без волнения читать ее вдохновенные строки:

Холодный ровный свет луны,
снега сияют иступленно,
и со стеклянной вышины
врагу отчетливо видны
внизу идущие колонны.
И воет, воет небосвод,
и свищет воздух, и скрежещет,
под бомбами ломаясь, лед,
и озеро в воронке плещет.
Но вражеской бомбежки хуже,
еще мучительней и злей —
сорокаградусная стужа,
владычащая на земле.
Казалось — солнце не взойдет.
Навеки ночь в застывших
звездах,

навек лунный снег, и лед,
и голубой свистящий воздух.
Казалось, что конец земли...
Но сквозь остывшую планету
на Ленинград машины шли:
он жив еще. Он рядом где-то.
На Ленинград, на Ленинград!
Там на два дня осталось хлеба,
там матери под темным небом
толпой у булочной стоят,
и дрогнут, и молчат, и ждут,
прислушиваются тревожно:
— К заре, сказали, привезут...
— Гражданочки, держаться
можно...

Большие массы продовольствия и боеприпасов шли вначале по маршруту от станции Заборье, через Шугозеро в Новинку, оттуда на реку Пангу, на Карпино, дальше на Сясьстрой, в Новую Ладугу и на Леднево. Весь маршрут составлял 320 километров. Дорога была грунтовая. Трудно представить себе, как водители могли ездить по разбитой дороге, в осеннюю пору. После преодоления всех препятствий грузы поступали на ледовую «дорогу жизни». В декабре 1941 года советские войска разгромили вражеские части под Тихвином и освободили часть северной железной дороги. Маршрут автомобильной трассы в связи с этим сократился до 110 километров. В январе 1942 года Государственный комитет обороны принял решение о постройке новой железнодорожной линии Войбокала — Лаврово — Кобона. Новая железнодорожная ветка подошла к самому Ладожскому озеру. Это сильно облегчило доставку грузов.

Ледовая трасса была большим хозяйством. На всем ее протяжении стояли дорожные указатели и надписи, через каждый километр — регулировочные посты, через пять километров — пункты забора воды. На льду размещались и пункты технической помощи, и медицинские летучки. За всем этим нужно было следить. Когда наступили сорокаградусные морозы, лед начал часто тороситься, выгибался, и нередко машины проваливались. Но не было ни одного случая, чтобы водители бросали машину с драгоценным грузом, если можно было его сохранить. Стоя по пояс в ледяной воде, они спасали хлеб, который посылала страна ленинградцам.

Ленинград отправил на трассу лучших коммунистов-водителей и большой отряд партийных работников. Они стали инициаторами движения многорейсовиков и других славных патриотических дел. Слово «многорейсовик» на ладожской ледовой трассе появилось в первых числах января 1942 года, после письма обкома ВКП(б) к водителям автомашин и всему личному составу ледовой дороги. В письме говорилось, что снабжение Ленинграда и фронта висит на волоске, что население города терпит невероятные лишения, так как автомобильная дорога перевозит не более одной трети грузов, необходимых Ленинграду, и что облегчение этого положения зависит от работников фронтной дороги.

Продовольственное положение Ленинграда было крайне тяжелым. Нормы хлебного пайка хоть несколько и увеличились по сравнению с ноябрем 1941 года, но были полуголод-

ными. Рабочие и ИТР получали 350 граммов, а служащие, иждивенцы и дети — 200 граммов. А разве тот суррогат, который получали ленинградцы, можно сравнить с хлебом, который мы теперь покупаем?!

Обком ВКП(б) призывал личный состав дороги взяться за дело доставки грузов в Ленинград не щадя своих сил. Обращение вызвало большой подъем среди всех работников ледовой трассы. Водители машин М. Твердохлеб, В. Черносвилов, В. Каргин, С. Петров и другие стали инициаторами нескольких поездок в сутки. А через несколько дней подавляющее большинство шоферов делали три, четыре, пять и даже шесть рейсов по озеру.

В результате всех мер, принятых партийными организациями и военным командованием, за зиму было перевезено по льду 354 200 тонн грузов. Город получил их в самый тяжелый период блокады.

Плечом к плечу с посланцами Ленинграда и солдатами Ленинградского фронта самоотверженно трудились и воевали на ледовой трассе и моряки-балтийцы. Когда свирепствовали метели, сотни матросов выходили на расчистку снежных заносов. Когда наступали оттепели, они строили мостики через промоины. А сколько беззаветных героев во флотской форме сидело за баранкой в кабинах грузовых машин!

Бывал я зимой на трассе частенько, не реже одного раза в неделю. Помнится одна из первых поездок в Кобону. Отправился в кабине одной из флотских грузовых машин, шедшей порожняком за срочным грузом. Шел липкий неприятный снег. На озере сквозь непроглядную снежно-дождевую завесу ничего не видно. Лишь вспыхивают время от времени светлячками морские ацетиленовые фонари-мигалки, указывая машинам направление. Начал было дремать, но мешал какой-то странный, беспокоящий звук над головой. Поднимаю глаза — болтается солдатский котелок. На более ровных участках дороги котелок скрежещет ритмичнее, там, где ухабы, — бренчит.

— Что это? — спрашиваю у плотно сидящего за рулем, одетого в полушубок и морскую шапку-ушанку шофера.

— А это чтобы не уснуть. Там гайка. Вот она и гремит.

Оказывается, так поступали многие шоферы. Такое, с позволения сказать, «изобретение» местных «рационализаторов» помогало спастись от чар сна выбивавшемуся из сил человеку, работавшему нередко по двое-трое суток без смены.

Не менее важным, чем хлеб и снаряды, для города и фронта было горючее. Без него нельзя было и врага бить, да и людей кормить. Оно тоже перевозилось по зимней трассе.

Жестокая зима требовала повышенного подогрева мазута, солярки и других видов топлива при их перекачке. Центробежные механизмы, паровые донки, бензиноперекачатчики отказывали, не работали при низкой температуре. Приходилось на ходу их переделывать и реконструировать. Особенно доставалось краснофлотцам — наливщикам и сливщикам нефтепродуктов. При посещении ладожских портов мне часто докладывали о самоотверженных поступках товарищей Бондаренко, Юркина, Золотова, Чичикова, Шишалова, Алексеева, Рыбкина и других матросов так называемого тыла флотилии.

Помню, однажды подходим мы с А. Д. Вербицким к цистернам. В горловине одной из них показывается голова человека. Лицо сплошь в мазуте, руки тоже. Ему помогают выбраться. С комбинезона стекает мазут. Спрашиваю: «Что произошло?»

Оказывается — «ничего необычного». Просто один из наливщиков залезал в цистерну по грудь в мазут, чтобы открыть золотник¹. Затем его обтирали ветошью, и он бежал отогреваться, а потом опять шел «раскачивать» горючее.

Ледовая трасса проходила вблизи от линии фронта. Противник обстреливал ее, систематически бомбил. Зорко берегли «дорогу жизни» наши воины. Флотские батареи мгновенно открывали ответный огонь по артиллерийским позициям гитлеровцев. Летчики-истребители отбивали воздушные налеты.

Иногда всего лишь два-три «ястребка» барражировали в небе над Ладогой, но, если колоннам машин угрожала опасность, они смело бросались в неравный бой. Был у нас летчик-истребитель Семен Горгуль. Почти ежедневно он вел разведку — нет ли над трассой немецких самолетов? Однажды из такого полета С. Горгуль не вернулся. Тело летчика было обнаружено рядом с горящим самолетом на льду Ладоги. Под ним был найден блокнотный листок, на котором летчик, умирая, кровью написал: «Прощайте, ленинградцы...»

Проезжающие по трассе видели, как из-за облаков «вывалилось» несколько «мессершмиттов» и как С. Горгуль отважно вступил с ними в бой. Люди видели, как посадил

¹ Устройство, служащее для управления потоком жидкости.

он своего израненного «ястребка» на лед и как пять раз снижались гитлеровцы, чтобы поджечь машину с ненавистными им красными звездами на крыльях. С. Горгуль был ранен еще в воздухе в обе ноги, но комсомолец не склонил головы перед врагом: гордо стоял он рядом со своим горящим другом-самолетом. При шестом заходе фашисты расстреляли его.

В морозном небе зимней Ладоги и над ее водными просторами и весной и летом 1942 года часто рокотали моторы самолетов летчика комиссара Ивана Ивановича Сербина и Героя Советского Союза Василия Федоровича Голубева. Мягкий, душевный, веселый В. Ф. Голубев был местным жителем. Узнав о его подвигах, земляки — трудящиеся Волховского района Ленинградской области — собрали на постройку самолета для него 230 тысяч рублей деньгами и полмиллиона рублей облигациями. Волховчане писали Голубеву: «Мы уверены, что истребитель, построенный на наши средства, в ваших руках будет беспощадно громить немецко-фашистских разбойников».

Герой оправдал надежды земляков.

Перевозки по ледовой дороге продолжались до конца апреля. Снег таял, зимний путь через Ладогу рушился, а потребность в перевозках возрастала. С открытием навигации «дорога жизни» приобрела еще большее значение. Она должна была не только поддерживать жизнь города в осаде, но и обеспечивать его защитников всем необходимым для прорыва блокады. Требовались новые огромные усилия. Надо было иметь на Ладоге достаточное количество судов, оборудовать причалы, построить подъездные пути, механизировать погрузочные и разгрузочные работы, создать надежное прикрытие от авиации противника, и все это — в короткие сроки, в ходе перевозок, не приостанавливая, а расширяя их.

9 апреля 1942 года Государственный комитет обороны возложил всю ответственность за дальнейшие перевозки на Ладожскую флотилию. Военные советы Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота подписали совместный приказ об открытии навигации.

Конечно, Ладожская военная флотилия даже при самом внимательном к ней отношении со стороны Военного совета Балтийского флота не сумела бы выполнить задач по перевозке, если бы не усилия фронта и города. Военные советы Ленинградского фронта, Балтийского флота, партийные и

советские организации города считали перевозки по Ладоге решающей битвой за Ленинград и делали все возможное, чтобы «дорога жизни» действовала безотказно.

За лето 1942 года на ленинградских заводах было построено большое количество металлических и деревянных барж. На дно озера опущен электрический кабель, по которому в Ленинград шел ток с Волховской ГЭС. Несколько севернее грузовой трассы весной 1942 года на дно лег трубопровод для бензина. Хранила Ладога в своих недрах и телеграфно-телеграфный кабель. На восточном берегу Ладоги был построен новый порт Кобона, располагающий несколькими пирсами, прорыт Кобонский канал, соединяющий Новолadoжский канал с Ладожским озером. На реке Волхов восстановлен и расширен порт Гостинополе, что дало возможность принимать одновременно несколько барж с тяжеловесными грузами, углем и горючим.

На западном берегу Ладоги в порту Осиновец заново построена пристань Каботажная для мелкотоннажного флота. Реконструирована пристань Морье, построены брекватор, пирс для приема железнодорожных паромов. Реконструирована бухта Гольцмана для приема и отправки барж с тяжеловесами и углем.

В портах на обоих берегах проделана большая работа по механизации погрузочно-разгрузочных работ, на пирсах действовало более двадцати подъемных кранов. Построены широкая и узкая колеи железных дорог.

Погрузочно-разгрузочные работы на Ладожском озере, приладожских каналах и реке Волхов были настолько внушительны по объему, что потребовалось создание специального Управления перевозок, подчиненного начальнику тыла Ленинградского фронта.

Военные моряки Ладожской флотилии и подчиненные ей корабли Северо-Западного управления речного пароходства совершили в навигацию 1942 года величайший подвиг, переправив в Ленинград и из Ленинграда большое количество грузов. До 3 декабря, то есть 194 дня, действовала летняя «дорога жизни». Если по ледовой дороге удалось перевезти 354 200 тонн грузов, то за период навигации общий грузооборот составил более миллиона тонн. Кроме продовольствия, скота, топлива, боеприпасов с восточного берега Ладожского озера в Ленинград было доставлено более 200 танков, более 600 пушек, более 300 тысяч человек для фронта и флота. С западного берега, из Ленинграда перевезено более 100 тысяч

тонн заводского оборудования, 139 паровозов, 2 тысячи железнодорожных вагонов, более 500 тысяч людей.

Но убедительнее любых цифр тот очевидный факт, что в результате напряженной работы Ладужской военной флотилии и кораблей Северо-Западного речного пароходства были сделаны такие запасы, которые окончательно устранили возможность повторения голодной зимы 1941/42 года, достигнут перевес сил на фронте и созданы все необходимые условия для наступления на противника.

В письме ветеранам Краснознаменной Ладужской флотилии, присланном в 1966 году Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным, который в период блокады был уполномоченным Государственного комитета обороны по эвакуации промышленности и населения Ленинграда, говорится:

«В эти дни вы с беззаветной храбростью и мужеством создавали и защищали легендарную «дорогу жизни», порты в Кобоне, Осиновце, бухте Морье, обеспечивали всем необходимым героических защитников нашего славного города-героя.

Матросы и офицеры Ладужской флотилии, проявляя бесстрашие и отвагу в борьбе с врагом, внесли достойный вклад в оборону Ленинграда. Подвиги их бессмертны...»

У меня сохранились некоторые записи, характеризующие трудности перевозок 1942 года и наши потери за это время. Вот некоторые данные.

За период навигации противник совершил 4990 самолетовылетов на Ладогу, ее корабли и порты. Фашистская авиация провела 1222 дневные и 15 ночных бомбардировок, сбросив на наши корабли и порты 6350 бомб. Казалось бы, такой бомбовый град, не считая вражеских снарядов, должен был причинить нам огромный урон. Но урон был минимальным благодаря хорошо организованной системе противовоздушной обороны и контрбатарейной борьбе. Бомбами было убито 194 человека и ранено 248 человек. Общие потери грузов от налетов вражеской авиации составили 0,3 процента ко всем перевезенным грузам.

В успешном решении задач, поставленных перед моряками Ладужской флотилии, значительны заслуги и ее командования в лице командующего капитана 1-го ранга Виктора Сергеевича Черокова, начальника политотдела капитана 1-го ранга Леонида Васильевича Серебряникова, начальника штаба флотилии капитана 2-го ранга Сергея Валентиновича

Кудрявцева. Они дни и ночи проводили на кораблях и в портах, умело руководили большим и сложным организмом флотилии.

Вспоминая трудности перевозок, хочется особенно отметить отличный подарок судостроителей, выдавших Ладожской флотилии 118 тендеров. Эти небольшие стальные самоходные баржи пользовались на флоте исключительной популярностью и применялись впоследствии во многих наступательных операциях. Выдавшие виды командиры уважительно отзывались об этих неуклюжих на вид, но малозуязвимых и грузоподъемных судах. Матросы с любовью говорили о них «товарищ тендер».

Дружные, маленькие (всего в несколько человек) команды тендеров, возглавляемые старшинами, действовали с большой отвагой. Фашистские летчики охотились за каждым тендером, но в большинстве случаев безуспешно. Во время одного из таких налетов комсомолец Малофеевский, будучи раненым, заделал десятки пробоин, перевязал всех пострадавших пассажиров-ленинградцев. И только тогда сказал, что тяжело ранен сам. Умер старшина от потери крови в госпитале.

Бесстрашию учились тендеристы у своего «старшего» — командира отряда тендеров Федора Леонтьевича Юрковского. Капитан 1-го ранга Ф. Л. Юрковский был настоящим «морским волком», в полном и лучшем смысле этого слова.

Активно участвовали в 1942 году ладожские канонерские лодки и в перевозках и в боевых операциях по всей глубине операционной зоны противника (обстрел баз, глубокая разведка). Отвагой славился экипаж «Бирь». В прошлом это была землечерпалка. Рабочие Ленинграда в первые дни войны перевооружили ее в боевой корабль. Трудилась «Бира» замечательно, так же и воевала. Враг знал ей цену. Только в течение полугода он обрушил на канонерскую лодку 600 бомб.

Интересный случай произошел на канонерской лодке «Нора». Во время одного из походов на ее борту находилось несколько сот эвакуированных ленинградцев, среди них беременная женщина. Когда началась бомбежка каравана, у женщины произошли преждевременные роды. Новый человек родился под грохот разрывов вражеских бомб. Это была девочка. Мать дала ей имя, которое носил корабль.

Чувство восхищения вызывала у нас небольшая горстка моряков, прикрывавших «дорогу жизни».

В двухстах метрах от Шлиссельбурга все блокадные годы неприступным утесом стоял островок четыреста метров в длину да двести в ширину. На островке — крепость, построенная еще в XIV веке. Это знаменитый «Орешек», который не могли раскусить фашисты ни в сентябре 1941 года, когда овладели Шлиссельбургом, ни позднее. А старались они разгрызть этот «орешек» много раз. С осени 1941 года и до осени 1942 года выпустили по «Орешку» около 50 тысяч мин и 7 тысяч снарядов.

Гитлеровцы не думали, что маленькая крепость, расстояние до которой всего 180—200 метров, не даст им переправиться на правый берег Невы и шагнуть на соединение с маннергеймовскими войсками, чтобы намертво замкнуть кольцо блокады Ленинграда. Много ли надо, чтобы разрушить древние укрепления, — и обрушили на «Орешек» град снарядов и мин. От их непрерывных разрывов территорию крепости настолько заволакивало дымом и пылью с крепостных стен, что было трудно дышать. Когда рассеивалась завеса дыма и пыли, фашисты всматривались с церковной шлиссельбургской колокольни, не раскололся ли «Орешек», не просит ли пощады его маленький гарнизон.

Но «Орешек» оказался фашистам не по зубам. В крепости засели матросы. Было их в первые дни осады всего лишь два десятка человек. Через неделю пришло подкрепление. Исполняющий обязанности командира сержант Светанков и комиссара — старшина Морозов радовались: шутка ли, еще тринадцать человек! Теперь нас отсюда не сдвинешь.

Позднее, ночью, на шлюпках, под пулеметным огнем врага, прибыло новое пополнение, и всего в крепости насчитывалось уже до пятидесяти моряков.

Каждый день ждали защитники штурма своей крепости. Они готовились к отражению противника, устанавливали пулеметные точки, расстреливали скопление шлюпок в Шлиссельбургской губе, спали не раздеваясь. Но противник не решался штурмовать «Орешек», боялся больших потерь. Он каждый день на себе испытывал меткость артиллерийского огня орешковцев; маленькие пушки стреляли без промаха. Их надо было уничтожить, и гитлеровцы били по ним прямой наводкой.

Когда в ноябре 1941 года в крепость прибыл вновь назначенный командир лейтенант Петр Кочененков, в строю была лишь одна пушка. Правда, на пристани валялись еще три в разобранном виде, но как их возьмешь, если пристань

постоянно находится под артиллерийским и минометным огнем противника. И все же Кочененков решил: пушки надо достать. Морозов сказал: достанем.

Подобрал Алексей смельчаков и пошел с ними к пристани. План был такой: погрузить пушки на вагонетку, которая там стояла, и втянуть ее по узкоколейке через Государевы ворота в крепость.

На открытом месте фашисты, как и следовало ожидать, открыли огонь из пулеметов, пришлось спрятаться за крепостную стену.

— Что же будем делать? — спросил Морозов своих товарищей.

— Пушки погрузим на вагонетку, привяжем к ней канат и потянем, — ответил наводчик Николай Климентьев.

— Так ведь до пушек добраться надо?

— Я доберусь, а вы оставайтесь здесь, а то всех перебьет и за канат тянуть некому будет.

— А ты?

— Меня пули не берут...

— Как же ты один пушки грузить будешь? — спросили и засмеялись.

Николай Климентьев был матрос-богатырь, косая сажень в плечах, ростом 2 метра 6 сантиметров. Никто не сомневался, что он пушки погрузит.

В это время противник открыл огонь по причалу. Климентьев натянул поглубже бескозырку, поплевал зачем-то на руки и...

— Стой, Николай! — придержал его кто-то из товарищей, — там любой осколок тебя прикончит.

— Осколком меня не убить, меня только снарядом прикончить можно, — серьезно сказал богатырь и пополз к пристани по-пластунски.

Пушки были доставлены и установлены на башне. Теперь они стреляли с десятиметровой высоты. Противник мог вывести их из строя только прямым попаданием, осколки вражеских снарядов поглощались толстыми крепостными стенами. От снайперов и автоматчиков личный состав был прикрыт броневыми щитами.

Через несколько дней «Орешку» была поставлена задача поддержать своей артиллерией наше наступление на деревню Липки. Пушки моряков били настолько удачно, что гитлеровцы обрушили на них настоящий артиллерийский шквал, чтобы заставить замолчать. В течение одного часа они выпу-

стили по крепости около восьмисот снарядов. Геройски пали в тот день несколько отважных матросов, в числе их погиб матрос-богатырь Николай Климентьев. У него на груди разорвался вражеский снаряд.

Значение маленькой крепости было оценено командованием Балтийского флота и Ленинградского фронта, и в ее гарнизоне появилась 409-я флотская и 61-я армейская батареи, минометная рота, взвод пулеметчиков и взвод автоматчиков. Усиление крепости было необходимо, так как на нее возлагались задачи по прикрытию ладожской ледовой трассы. Израненный древний «Орешек» хорошо служил Советской Родине.

Фашисты, понимая, что крепости им не взять, всю свою бессильную злобу вымещали в артиллерийских обстрелах. Не проходило дня, чтобы не рвались в стенах крепости десятки, сотни, а иногда и тысячи вражеских снарядов. Если бы уложить все эти десятки тысяч снарядов и мин в один ряд, то на маленьком островке не хватило бы для них, кажется, места. Двор крепости превратился в груды металлических обломков, битого кирпича, обгоревших деревьев. Среди них лежала скошенная снарядом яблоня, посаженная на месте казни народовольцев. Осколками снарядов была разбита мемориальная доска, обозначавшая место казни брата Владимира Ильича Александра Ульянова. Прямым попаданием снаряда с Королевской башни было скинуто оружие, которым командовал матрос Константин Шкляр.

Зверскими обстрелами противник хотел вынудить защитников крепости сдаться. В громкоговоритель фашисты предлагали сложить оружие.

16 июля через рупор из Шлиссельбурга донеслось:

— Сдавайтесь или пишите прощальные письма.

Утром 17-го на крепость обрушились тонны металла. Более шести часов подряд гитлеровцы обстреливали и бомбили Королевскую башню, крепостные своды, израненную донельзя землю. Крохотная территория приняла на себя 248 тяжелых и около тысячи снарядов легкого калибра и мин. Укрывшись в старых казематах, выстояли храбрцы. Выдюжили советские воины: матросы и солдаты. Спустя несколько часов «Орешек» вновь засверкал выстрелами.

Однажды, в конце лета 1942 года, в кабинет командующего флотом вошел начальник разведотдела Н. С. Фрумкин с картой Ладожского озера.

— Нехорошие новости, товарищ командующий. Немцы перебросили в Лахденпохья десантные баржи и катера. Видимо, собираются проводить десантные операции.

У нас тогда и мысли не возникало, что противник может высадить десант на искусственно созданный островок Сухо, болотно уж маленьким и незаметным клочком земли он был. А не подумали об этом острове напрасно. Это дорого могло бы нам обойтись. Выручили стойкость малочисленного гарнизона острова под командованием старшего лейтенанта И. К. Гусева да самоотверженность и находчивость командиров кораблей — тральщика «100» старшего лейтенанта П. К. Каргина и морского охотника «171» старшего лейтенанта В. И. Ковалевского.

Около 7.30 22 октября 1942 года командующий Ладужской флотилией В. С. Чероков сообщил в штаб флота, что к Сухо подходят около 30 десантных судов противника. Он просил немедленно выслать авиацию. А бой уже разгорелся. Двадцать 80-миллиметровых орудий, около ста 20-миллиметровых автоматических пушек противника открыли огонь по островку и начали высадку первого десанта.

Около полутора часов защитники Сухо, имея всего-навсего три пушки и пару пулеметов, отбивали натиск врага. Находившиеся в дозоре ТЩ-100 и катер МО-171 со своим немудреным вооружением тоже вступили в бой.

Но вот воздух наполнился могучим ревом моторов. По врагу ударила наша авиация. Через двадцать минут противник был выбит с острова. Вскоре в районе островка появились быстроходные катера, а затем канонерская лодка «Нора» и несколько тральщиков под командованием капитана 3-го ранга П. А. Куриата. И второй отряд — канонерские лодки «Бира» и «Селемджа», торпедные и броневые катера под командованием капитана 1-го ранга Н. Ю. Озаровского.

Дело кончилось полным разгромом десанта. Враг потерял 18 судов. Один катер был захвачен нами в плен. После этой неудачной операции, долго готовившейся и носившей громкое название «Бразиль», гитлеровцы уже не делали серьезных попыток нарушить наши коммуникации на Ладого. Но попытки помешать перевозкам ударами с воздуха не прекращались.

Как бы мы подчас в тяжелые годы ни сердились на Ладогу, на ее штормы и капризы, на крутые волны и непрочный лед, все же она помогла выстоять городу-герою.

Есть у нас еще в море дела

Ни один из флотов страны не находился во время войны в такой сложной обстановке, как Балтийский флот. Почти весь Финский залив был плотно заминирован и местами перегорожен противолодочными сетями. Оба берега Финского залива, за исключением небольшого участка западнее Ораниенбаума и участка Ленинград — Лисий Нос — Сестрорецк, гитлеровцы захватили еще в первые месяцы войны. Сам залив с его шхерами, узкостями, мелями и островами создавал препятствия для плавания даже малых кораблей. Артиллерия противника простреливала фарватеры, находившиеся в нашем распоряжении. Аэродромы, расположенные на южном и северном берегах залива, позволяли вражеским авиаторам держать под неослабным контролем весь путь наших кораблей до открытого Балтийского моря.

В этой сложной обстановке Балтийскому флоту пришлось воевать на два фронта:

вместе с сухопутными войсками отстаивать Ленинград у самых его стен и надежно прикрывать город со стороны Финского залива и

действовать на дальних коммуникациях, препятствуя морским перевозкам противника.

Ставка Гитлера явно просчиталась, планируя войну на море. Фашистское командование после овладения побережьем Финского залива рассчитывало уничтожить наш флот в Таллине. Не вышло! Затем гитлеровские адмиралы полагали, что это произойдет в связи с падением Ленинграда. Не получилось! Рисковать же своими кораблями они не хотели. Гитлер приберегал свой флот для разгрома Англии, располагавшей мощными морскими силами. Да кроме того, он хорошо, видимо, помнил резолюцию кайзера Вильгельма на докладе командующего германскими морскими силами Балтийского моря принца Генриха Прусского об итогах кампании 1915 года. Вильгельм зло, но метко написал: «Война

в Балтийском море очень богата потерями без соответствующих успехов»¹.

Потери немцев на Балтике во вторую мировую войну уже на второй год ее были значительно серьезнее, чем в 1915 году. Эти потери гитлеровцы несли от главной ударной силы Краснознаменного Балтийского флота — его морской авиации и подводных лодок.

Появление летом 1942 года советских подводных лодок на коммуникациях и у баз неприятеля произвело огромное впечатление в Европе. Морской обозреватель одной из стокольмских газет 2 июля 1942 года писал:

«Никто не ожидал, что русский флот в Балтийском море может перенести зиму 1941/42 г. Наблюдатели полагали, что русский флот в Балтийском море будет иметь очень мало возможностей использовать Балтийское море из-за больших плотных минных полей, созданных немцами и финнами... Наступательный дух советского подводного флота сейчас выше, чем прошлым летом. Немецко-фашистские коммуникации в Балтийском море подвергаются в настоящее время огромной опасности».

Позже крупный успех балтийских подводников вынуждена была признать и фашистская печать. «Фелькишер беобахтер» писала: «Между тем у них снова появилось желание нападать. Летом 1942 года многим советским подводным лодкам удалось прорваться в Балтийское море, нанести известный ущерб и поставить под вопрос безопасность наших коммуникаций с Финляндией и северной Швецией, а также районов боевой подготовки нашего флота. Был потоплен целый ряд транспортов».

В кампанию 1942 года в Балтийское море прорвались три эшелона советских подводных лодок. Лодки первого эшелона потопили 18 транспортов. Лодки второго эшелона, форсировавшие Финский залив в августе, увеличили этот счет еще на 16 транспортов и два миноносца. 18 кораблей уничтожили лодки третьего эшелона.

Чтобы представить себе, какой ущерб нанесли подводники противнику, достаточно привести некоторое цифровое сопоставление: механизмы транспорта водоизмещением 10 тысяч тонн по своей мощности могут обслужить электроэнергией город со 100-тысячным населением. Корабль грузо-

¹ Г. Ролльман. Война на Балтийском море. 1915 год. Воениздат, 1937, стр. 17.

подъемностью 10 тысяч тонн может одновременно перевезти такое количество грузов, для которого на железной дороге потребовалось бы восемь эшелонов.

В августе 1942 года в Смольном состоялась встреча подводников с А. А. Ждановым, на которой Андрей Александрович заявил, что подводники своими действиями в море оказывают большую помощь Ленинградскому фронту.

К этим словам можно добавить: не только Ленинградскому, но и другим фронтам, против которых действовала гитлеровская группа армий «Север», помогали подводники Балтики. Ведь главные пути питания этой группы войск проходили по Балтийскому морю. И кто знает, сколько потребовалось бы крови, солдатских жизней, материальных средств и времени для уничтожения на суше всего того, что оказалось на дне моря в результате действия подводных лодок!

Боевая деятельность подводников Балтики была сопряжена с большим риском и трудностями. Начать хотя бы с ремонтных работ. Чтобы привести корабли в порядок и подготовить материальную часть после боевых действий в 1941 году к летней кампании, личный состав должен был почти все, что делалось раньше заводскими специалистами, выполнять собственными силами. Отсутствие достаточного опыта и навыков в ремонте компенсировалось настойчивостью и желанием вовремя ввести в строй подводные лодки. Нужно отдать должное инженерам-механикам подводного плавания, машинным командам и всем специалистам подводных лодок, много потрудившимся, чтобы боевые механизмы действовали безотказно.

Подводным лодкам негде было заниматься боевой подготовкой. Мы, например, долго «ломали головы» в поисках глубин для проведения дифферентовки (проверка правильности распределения водного балласта в погруженном состоянии) наших подводных кораблей. Наконец на Неве, в районе Смольного, была найдена такая «ямка». Ею и пользовались.

Чтобы выйти на позицию, надо было провести лодки из Ленинграда в Кронштадт, из Кронштадта на Лавенсаари, а затем форсировать противолодочные заграждения. Все это было крайне сложно. В выводе лодок из Ленинграда обычно участвовали тральщики и катера, прикрывали лодки авиация и артиллерия.

Минная опасность начиналась даже не в дельте Невы, а в самом ее русле. Из района Московской Дубровки против-

ник пускал по течению реки замаскированные плавающие мины. Плывет по Неве клок сена или обломок доски, а под ними мина.

Весной 1942 года между Кронштадтом и Ленинградом было выловлено 13 шлюпок. На них противник подтаскивал к фарватеру мины и там их притапливал. Мина становилась на заданную глубину, а шлюпка всплывала.

Но самым опасным являлся последний этап — прорыв через противолодочные рубежи, которые представляли наслоение мин от дна залива до поверхности. Кроме мин различного боевого действия — ударных, акустических, магнитных, антенных — на рубежах находились противолодочные сети. Они состояли из стального троса диаметром 18 миллиметров. Сторона ячейки сети равнялась 4 метрам. Длина отдельной секции достигала 250 метров, а высота — 70 метров. Стояли сети на якорях, а к ним были подключены сетевые патроны. Попадание подводной лодки в сеть приводило к взрыву патрона, взрыв служил сигналом для дозорных кораблей, которые обрушивали на нее глубинные бомбы. В 1943 году такими сетями противник перегородил Финский залив от южного до северного берега.

Опасность и риск для подводников в кампанию 1942 года с каждым днем возрастали. Все это, безусловно, сказывалось на моральном состоянии людей. Военный совет и Политуправление многое тогда делали, чтобы поднять боевой дух экипажей подводных кораблей. Мы старались оказывать конкретную помощь их командирам, военкомам и парторганизациям в улучшении воспитания личного состава. Работники Политического управления постоянно находились среди подводников. Военный совет и штаб флота собирали командиров для инструктажа и обмена опытом. Подвиги подводников широко освещались в газетах, а наиболее трудным походам посвящались специальные листовки. Партийное влияние на подводных лодках непрерывно усиливалось. Партийные организации быстро росли. В качестве примера можно привести подводную лодку Щ-303. На подводных кораблях людей немного. Так вот, за кампанию 1942 года на Щ-303 вступило в партию 26 человек. К тому же мы усилили партийные организации подводных лодок за счет коммунистов-подводников, служивших ранее на подводных лодках и оказавшихся почему-либо в базовых организациях.

Форсируя минные поля, скрываясь под толщей воды, иногда затаиваясь на грунте, наши корабли терпеливо и

зорко выслеживали врага. Каждый день лета 1942 года приносил нам радостные вести — фашистские суда гибли от торпед подводников и под Клайпедой, и под Лиепаей, и в водах Померании.

Лодка Щ-320, которой командовал капитан 3-го ранга И. М. Вишневецкий, находилась в море очень долго. За это время она потопила три транспорта противника общим водоизмещением 22 тысячи тонн, в том числе транспорт, на котором следовала на фронт крупная воинская часть. Лодка неоднократно подвергалась преследованиям. Катера-охотники забрасывали ее глубинными бомбами. После одной из атак сторожевые корабли фашистов непрерывно преследовали лодку в течение двух суток. И все же она ушла невредимой.

Подлодка, которой командовал капитан 3-го ранга С. П. Лисин, потопила четыре вражеских транспорта. Во время одной из атак вражеский транспорт умело маневрировал и уклонился от торпеды. Тогда С. П. Лисин всплыл и расстрелял его из пушек.

В один из последующих походов С. П. Лисин применил артиллерийский огонь и против укрепленных пунктов врага на берегу. Чтобы стрельба шла без задержки, командир приказал поднять боезапас на верхнюю палубу. Это было связано с риском, так как снаряды могли быть подорваны вражеской артиллерией или смыты волной. Когда опасность сноса снарядов волной стала реальной, военком лодки старший политрук Гусев придавил их своим телом и так удерживал до конца стрельбы.

Воевали в ту пору на Балтике двое Осиповых, оба капитаны 3-го ранга, оба Герои Советского Союза. Осипов Сергей Александрович, прославленный катерник, и Осипов Евгений Яковлевич, командир подводной лодки. О смелости, мужестве, умении воевать однофамильцев можно написать по объемистой книге. У каждого из них интересная биография.

Сергей Александрович был воспитанником кавалерийской дивизии имени Котовского. А потом окончил Военно-морское училище имени Фрунзе, воевал добровольцем в Испании и в Великую Отечественную войну вступил, уже имея боевой опыт и награду — орден Красного Знамени. Сражался он с первого дня войны в «легкой кавалерии» Балтийского флота — на торпедных катерах. Летом и осенью 1941 года провел ряд блестящих операций и потопил несколько транспортов и боевых кораблей противника.

Евгений Яковлевич Осипов, сын кронштадтского военного моряка, повел свой корабль в первый поход в июне 1942 года. Удачно форсировав минные поля, он умело уклонился от атак самолетов, катеров и сторожевиков противника и вышел на просторы Балтийского моря. Первый большой транспорт на дно морское Е. Я. Осипов отправил точным ударом двух торпед. В следующие два дня он потопил еще два транспорта, а всего за этот поход подводная лодка под командованием Е. Я. Осипова уничтожила пять транспортов.

О том, что ему присвоено звание Героя Советского Союза, а лодка награждена орденом Красного Знамени, Евгений Яковлевич узнал в море из поздравления Военного совета. Военком лодки батальонный комиссар Антипин по этому поводу рассказывал:

— Осипов несколько раз перечитал поздравление. Я стоял рядом.

— Знаешь, Степаныч,— волнуясь, сказал он,— это меня очень трогает. Смотри, что пишут: «Дорогой Евгений Яковлевич, поздравляем тебя с присвоением звания Героя Советского Союза».

— Дорогой Евгений Яковлевич! Это надо оправдать.

И оправдал.

После возвращения на базу и срочного ремонта лодка Е. Я. Осипова пошла во второй в 1942 году поход. Была уже осень. В штормовую погоду лодка всплыла для зарядки. Командир увидел крупный транспорт, идущий в охранении двух сторожевиков. Решил атаковать его из надводного положения. После взрыва транспорта сторожевики бросились к лодке, но она успела погрузиться и ушла. Следующие транспорты были атакованы тоже с надводного положения, после упорного двухчасового преследования. Последняя атака была особенно эффектной. Торпеда рассекла транспорт надвое. Его носовая часть и корма тонули самостоятельно, «не мешая друг другу». Это был предпраздничный подарок героев подводных глубин к 7 ноября 1942 года. Великий праздник подводники отметили в море, а на другой день их восторженно встречал Кронштадт.

В исключительно тяжелых условиях проходил прорыв третьего эшелона балтийских подводных лодок. Врагу удалось усилить противолодочную оборону. На море участились штормы.

Пользуясь наступлением темных ночей, гитлеровцы увеличили перевозки в Данцигской бухте и в районе острова

Борнхольм. Но и там появились наши подводные лодки. Их экипажи самоотверженно и дерзко выполняли приказ сердца и совести — «Только вперед!»

Особенно мастерски действовали в непроглядные осенние ночи и в штормовые дни подводные корабли офицеров И. В. Травкина, Р. В. Линденберга, М. О. Момота. Однажды Д-2, которой командовал капитан 3-го ранга Роман Владимирович Линденберг, пробивалась на боевую позицию вблизи берега. Механизмы работали нормально, личный состав корабля хорошо знал свои обязанности, командир был уверен в каждом своем бойце. И вдруг появился дифферент на нос. Он все увеличивался, дошел до 15 градусов. Лодка потеряла положительную плавучесть и быстро продолжала погружаться. Рули заклинило. По корпусу прошел какой-то скрежет, как будто лодка продиралась сквозь хаос металла.

Пришлось лечь на грунт и проверить механизмы. Все оказалось в порядке. Тогда командир решил всплыть. Удалось это не сразу, и всплыла лодка с большим дифферентом на корму. При всплытии было такое впечатление, что корабль тащит за собой большой груз.

— Водяной за корму уцепился, — невесело шутили моряки.

Но было далеко не до шуток. Лодка потеряла подводный ход. Она снова легла на грунт. Идти на позицию было нельзя. Командир решил осмотреть подводную часть корпуса. Для этого нужно было еще раз всплыть на виду у врага.

— Предстоит опасная работа, — сказал он экипажу. — Мы должны освободиться от груза, который тянет нас за ноги. Если враг атакует лодку, придется погружаться, а те, кто будет спущен за борт для работы, могут не успеть добежать до люка... Кто согласен добровольно пойти на эту работу?

Согласились, конечно, все. Командир отобрал лейтенанта Николая Крылова и рулевого Александра Еремина. Лодка всплыла. Это было ночью. Н. Крылов и А. Еремин спустились за борт в водолазных костюмах. На верхнюю палубу вышли Седогин, Аравин и Богорад. С большим трудом удерживались они на шаткой палубе, обливаемые потоками ступенной воды. Неожиданно над морем показались три вражеских самолета. В случае их атаки люди остались бы за бортом, так как лодка должна была погрузиться. К счастью, самолеты лодку не обнаружили.

Через четыре часа с рулей была снята противолодочная сеть... Лодка ушла на запад. Вернулась она в Кронштадт,

записав на свой счет мести еще два фашистских транспорта и сильно повредив паром «Дейчланд». Паромов было два. Шли они в охранении вспомогательного крейсера и пяти сторожевых кораблей. Прорвав охранение, лодка произвела двухторпедный залп, рассчитывая поразить оба парома. Тот, что шел сзади, заметил след торпеды и успел отвернуть, головной же — «Дейчланд» получил прямое попадание. Как потом выяснилось, паромы перевозили воинские части. Во время взрыва на «Дейчланде» погибло около 3 тысяч солдат и офицеров. Через несколько часов после атаки германское морское командование открытым радио приказало находившимся в этом районе транспортам «укрыться в ближайшие порты и ждать дальнейших указаний». Так побывавшая в сетях Д-2 рассчиталась с противником.

Это не единственный пример освобождения из «цепких лап» противолодочных сетей и не первый случай. Первой в сетях оказалась С-12, которой командовал капитан 2-го ранга В. А. Тураев. Благодаря умелым действиям командира и личного состава она вырвалась из плена, после чего потопила два транспорта и пробыла в море рекордное количество времени — 62 суток.

А сколько было случаев, когда подводные лодки исправляли крупные повреждения после подрыва на минах и продолжали успешно действовать на боевых позициях. Подрывались лодки командиров Афанасьева и Ярошевича и после ремонта в море продолжали выполнять боевые задания. Подводная лодка Л-3, которой командовал П. Д. Грищенко, подрывалась дважды, но продолжала поход и потопила 5 неприятельских судов.

В 1942 году Л-3 выходила в Балтийское море два раза. Во время первого выхода в числе провожающих был Александр Александрович Фадеев. Он тут же на борту лодки подарил командиру свою фотографию с такой надписью: «Пете Грищенко с дружеским приветом, в самый ответственный момент его жизни. Знаю, что будешь таким же товарищем, каким я тебя знал, а самое главное, что ты никогда не умрешь и из всякого дела вернешься с победой.

Крепко жму твою руку А. Фадеев»¹.

¹ Из личного архива П. Д. Грищенко.

Фотография Фадеева переходила на корабле из рук в руки. Слова, адресованные командиру: «...ты никогда не умрешь и из всякого дела вернешься с победой» — были известны всему экипажу.

Были у нас на флоте офицеры, которых называли везучими. К числу их относились такие, например, товарищи, как вице-адмирал В. П. Дрозд, капитан 1-го ранга Н. И. Мещерский и другие. Везучими их называли потому, что любая боевая операция, которую они возглавляли, какая бы сложная она ни была, всегда заканчивалась успешно. Все хорошо знали, что это не случайность, не счастливое стечение обстоятельств, а результат смелости, решительности, умелого действия «везучих» командиров, результат отличного знания своего оружия, материальной части, обстановки, возможностей противника, уверенности в подчиненных. К числу таких командиров подводных лодок относился и П. Д. Грищенко. Личный состав верил в своего командира, а тут еще такая замечательная надпись любимого писателя, всеми уважаемого человека! Она укрепляла уверенность в удачу.

14 августа Л-3 была в Балтийском море. Ее первые две торпеды переломили пополам танкер противника. Над лодкой стали врываться глубинные бомбы, сбрасываемые кораблями конвоя противника. Вышел из строя гидрокомпас, появились другие серьезные повреждения, но лодка ушла; она сделала свое дело — поставила мины, на которых подорвались и затонули два транспорта. Еще два транспорта были потоплены торпедами. Затем Л-3 атаковала миноносец и двумя торпедами пустила его на дно; затонул миноносец мгновенно. Почти сразу же после этой удачной атаки был обнаружен конвой. Грищенко атаковал его четырьмя торпедами. Две из них прошли мимо, а двумя другими был потоплен транспорт.

Второй раз подводная лодка вышла в Балтийское море 1 ноября. Она так удачно поставила мины, что через четыре часа командир наблюдал, как на них подорвался транспорт. Остальные транспорты, шедшие в этом конвое, повернули обратно.

В этом походе Л-3 чуть не погибла от таранного удара. Заметив большой караван, командир избрал объект атаки и решил маневрировать по данным гидроакустики. На боевом курсе акустик доложил, что из-за большого количества шумов пеленговать объект атаки трудно, вероятно, лодка

находится в середине конвоя. Приподняв перископ, командир увидел борт корабля противника настолько близко, что были отчетливо заметны заклепки форштевня. Раздался таранный удар, которым погнуло командирский перископ на 90 градусов правого борта, тумбу зенитного перископа свернуло на сторону. Атака сорвалась. Досадно, но теперь командиру беспокоило другое: надо было возвращаться на базу «слепым», это почти 400 миль, из них 200 — Финским заливом, усеянным минами.

Товарищ Грищенко решил один находиться на мостике. Погода свежела. К ночи ветер достиг десяти баллов. Петр Денисович привязал себя к скобе, чтобы не смыло за борт, но вести наблюдение не мог: холодные волны хлестали с такой силой, что его переворачивало вверх ногами, ударяло о тумбу перископа. Пришлось спуститься вниз. И все же израненная лодка благополучно вернулась на базу.

Перед возвращением из Балтийского моря после таранного удара Л-3 еще сумела поставить мины. Через много лет стало известно, что на этих минах подорвался и затонул немецкий транспорт.

Всего за время командования подводной лодкой Л-3 Петром Денисовичем Грищенко она потопила торпедами и минами одиннадцать кораблей противника, из них шесть подорвались на ее минах. Это рекордная цифра по количеству уничтоженных кораблей. По тоннажу пущенных на дно судов П. Д. Грищенко уступает только одному командиру — А. И. Маринеско. Приказом наркома Военно-Морского Флота «за проявленную отвагу в боях за Отечество с немецкими захватчиками, за стойкость и мужество, за высокую воинскую дисциплину и организованность, за беспримерный героизм личного состава подводная лодка Л-3 удостоена гвардейского звания».

К числу смелых командиров подводников надо отнести и капитана 2-го ранга Владимира Алексеевича Егорова. Бывший секретарь комсомольской организации корпусного цеха Балтийского завода на флот пришел добровольно в 1929 году, тогда же вступил в партию и в 1933 году окончил Военно-морское училище имени Фрунзе. Во время событий в Испании Владимир Алексеевич был в числе добровольцев, защищавших республику от фашистов, и за боевые заслуги награжден орденом Ленина и орденом Красного Знамени. В дни Великой Отечественной войны он командовал дивизионом подводных лодок. В Балтийское море прорвался в числе пер-

вых на подлодке Ш-317 и 10 июля сообщил, что лодка потопила пять транспортов. Эти сведения подтвердила и иностранная пресса, указывавшая на гибель немецких судов как раз в районе действия Ш-317. Мы радовались успехам лодки и с нетерпением ожидали ее возвращения, но она не вернулась. Обстоятельства гибели отважного корабля, его экипажа и обаятельного, волевого, инициативного командира дивизиона, человека, которого любили и уважали все подводники Балтики, остались неизвестными.

В середине ноября в связи с резким похолоданием Военный совет приказал вернуться подводным лодкам на базы. Но и после того, когда уже ни одной нашей лодки не было на позиции, гибель транспортов противник долгое время приписывал их торпедным ударам, хотя гибли они от мин, в том числе и от тех, которые ставили подводные лодки.

Действия подводных лодок в 1942 году — это беспримерный в истории войн коллективный подвиг, который под силу только людям новой, социалистической формации, это плод коллективных усилий людей, составлявших экипажи этих кораблей. На кораблях, да еще на таких, как подводные лодки, успех боевого похода зависит прежде всего от боевой выучки всего экипажа, знания каждым матросом своих обязанностей, высокого уровня дисциплины. 1942 год показал, что наши подводники в своем большинстве обладали этими качествами.

Насколько велика зависимость боевых действий подводной лодки от каждого бойца, свидетельствуют многочисленные факты. В дневнике военкома Ш-323 старшего политрука Круглова рассказывается о неудачном выходе в атаку 13 октября. В самый ответственный момент лодка с дифферентом на нос пошла на глубину. Атака не состоялась. Оказывается, при заполнении кольцевых зазоров лодка приняла воду в дифферентную. Молодой краснофлотец Румянцев не закрыл клапан дифферентной. Круглов с возмущением записывает в своем дневнике: «Молодой, нет опыта... Все возмущены срывом атаки... Такая халатность прямо преступна... Иду по лодке и рассказываю личному составу о случившемся... Свои обязанности надо выполнять быстро и точно...»

Был и такой случай. Нашу лодку долгое время преследовали катера противника. Акустик Кучеренко 48 часов беспрерывно нес вахту. За это время он 147 раз обнаруживал корабли противника. А отнесись он к своим обязанностям

халатно, лодка не только не сумела бы потопить пять транспортов, но и сама могла погибнуть.

У подводников в годы войны было в ходу такое правило: «Техника не любит, когда с ней обращаются на «ты»». И каждый подводник старался обращаться с техникой «вежливо».

К числу людей, обращавшихся с техникой на «вы», принадлежал и главный старшина радистов Федор Галиенко. В одном из боевых походов, после удачной атаки и потопления транспорта, лодка была повреждена взрывом. Вышла из строя и рация. Главный старшина Галиенко был сильно ранен. У него была переломлена нога, обожжено лицо, повреждены глаза. Но лодка нуждалась в восстановлении радиосвязи. Ф. Галиенко попросил: внесите меня в рубку, я на ощупь могу восстановить рацию. Вместе с радистом Степаном Продоном из поврежденных частей они сумели собрать радиоприемник. Вскоре была принята важная шифровка. Командование извещало, что на фарватере противник поставил мины. Поэтому при возвращении на базу идти этим фарватером нельзя. Командир подводной лодки А. М. Матиясевич в статье «Школа жизни» (в сборнике «Подвиг Ленинграда») с глубокой благодарностью пишет об этих замечательных патриотах, в совершенстве владевших техникой, никогда не терявших мужества.

Тяжело было подводникам, но нелегко и тем, кто сопровождал их на позиции. В роли «ангелов-хранителей» всех наших «щук», «малюток» и других подводных кораблей на коммуникациях между Кронштадтом и Лавенсаари и далее в море выступали обычно сторожевые катера типа МО. В годы войны за ними прочно утвердилось название «морские охотники», хотя оно и не точно отражало назначение этих небольших, но сильных огнем и маневром кораблей.

Командовал ими, сведенными в большое соединение, боевой офицер капитан 2-го ранга М. В. Капралов. «Морские охотники» не только конвоировали подводные лодки, но и часто, особенно в осенние штормовые ночи, высаживали на неприятельском берегу наших разведчиков. Они же и забирали их обратно через несколько дней. Прийти в назначенное время к условленной точке, где-то на берегу или в шхерах, занятых противником, могли только люди большой выдержки, офицеры, отлично знающие район плавания.

А сколько мужества требовало несение дозоров! Единственный фарватер связывал Ленинград с его форпостом на западе — островами. Этот путь нужно было охранять,

любой ценой не пропускать врага. Для этого и была организована дозорная служба. Одно дело, когда катер участвует в набеговой операции или когда, разбрасывая впереди себя белые усы, мчится в атаку на вражеского подводного пирата. Другое — часами лежать в дрейфе на линии дозора, когда небольшая, но нудная качка выматывает человека до нельзя, когда через полчаса заступления на вахту на катерниках не оставалось ни одной сухой нитки.

Кампания 1942 года с самого начала ознаменовалась непрерывными жестокими атаками фашистской авиации на наши катера. Они нападали на наши корабли на линиях дозоров, на переходах. На первых порах гитлеровские летчики действовали довольно нахально, но вскоре катерники метким пулеметно-пушечным огнем отучили противника нападать в одиночку.

В начале лета «морской охотник» под командованием офицера В. Панцырного был атакован пятью вражескими самолетами. Командир орудия Алексей Молодкин первым же снарядом сбил пикировавшего на катер врага. Не отстал от артиллериста и пулеметчик Федор Ключко. Увидев гибель второго самолета, остальные фашисты «дали деру».

Удача? Бесспорно, да. Но пришла она не случайно. Это результат хладнокровия командира, бесстрашия и умелых действий матросов. Спустя некоторое время тот же катер успешно выдержал схватку с двумя катерами противника. Значит, смелость и умение, а не счастлирое стечение обстоятельств решили успех боев «морского охотника» Панцырного и его товарищей.

Примерно в то же время Военный совет специальной радиограммой на имя Ю. Ф. Азеева, М. Амусина и И. П. Чернышева поздравил катерников, находившихся в дозоре, за успешный бой с авиацией противника. Вспоминая о нем, один из отличившихся тогда командиров, Игорь Чернышев, рассказывает:

«Настроение было приподнятое... В 22 часа 30 минут ужин был готов, и мы собрались начать пиршество. (Дело в том, что во время предвечерних налетов вражеских самолетов разорвавшаяся поблизости от катера бомба оглушила много рыбы и моряки подобрали несколько шук, окуней и даже миногу. — Н. С.) Но тут Слепов опять доложил о появлении очередного звена «юнкерсов».

«Юнкерсы» снова пытались зайти с борта, а мы, работая «враздрай» машинами, вертелись на месте и все время сле-

дили за движением самолетов. Через несколько минут немцы не выдержали и ринулись вниз. Головной самолет нацелился на нас, второй шел сзади него. Я вел катер малым ходом точно под «юнкерс». Фролов, пригнувшись к пушке, следил за самолетом. Рывкнул выстрел, за ним второй, третий. Три красные точки, одна за другой, понеслись навстречу самолету. Первый снаряд прошел мимо, второй тоже, третий... Третий попал прямо по бомбам! Огромный шар черного дыма, освещенный на мгновение изнутри багровым светом, появился на месте головного самолета. В воздухе, кувыркаясь, падали два мотора и три человеческие фигуры. Это было все, что осталось от самолета...

Наши восторженные крики почти заглушили рев моторов. Пришлось даже разрешить мотористам высунуть головы из люка.

Второй самолет шел как-то боком: один мотор у него не работал, видно, крепко трянуло. Снова заговорили пушки и пулеметы. Самолет, покачиваясь с крыла на крыло, с каждым мгновением терял высоту. Метко выпущенный снаряд с катера Амусина попал в левое крыло, и оно стало разваливаться. В это же время пулеметная очередь Белого ударила по фюзеляжу. Через несколько минут самолет упал в воду, подняв фонтан брызг».

Катерникам в тот раз удалось извлечь из воды трупы фашистских летчиков. В карманах их тужурок были обнаружены медаль «За Крит», деньги разных стран, порнографические открытки. С омерзением смотрели наши люди на эти атрибуты «чести» представителей «высшей расы».

В начале августа 1942 года во время ответственной боевой операции охранения конвоя на переходе с острова Лавенсаари в Кронштадт погиб командир звена 2-го дивизиона сторожевых катеров старший лейтенант Евгений Червонный. Это был храбрый офицер, участвовавший в прорыве флота из Таллина в Кронштадт, в походах сквозь льды и мины на Ханко, любимец дивизиона. В небольшом желтом чемоданчике, где хранились немудреные личные вещи Червонного, его товарищи нашли письмо, адресованное жене. Наташа Червонная эвакуировалась из Таллина на юг. Летом 1942 года в районе, где она должна была находиться, шли бои, и поэтому политработник С. Д. Зайцев решил вскрыть письмо, снять копию с него, а затем послать.

Письмо оказалось «последним прости» офицера-коммуниста к горячо любимой жене и другу.

«Родная Талюшка.

...Молодость! Что может быть дороже этого? Я не отношусь к категории «мрачных искателей смерти на поле брани». Играть жизнью недостойно человека. Это не значит, что надо бояться опасности. Много возможностей представлялось быть на берегу. Но я, как и многие мои товарищи, выбрал море, где больше опасности и риска, зато можно найти полное применение себе и принести максимум пользы. Проще, это было желание отдать все, что имеешь.

Есть жизнь, заключающаяся в ежедневном прозябании на положении безгласной скотины, и есть свободная и счастливая, с прекрасными перспективами. Добиться последней является целью и задачей каждого из нас. На наше поколение возложена большая и благородная задача: ценою своей крови и жизни приобрести право на счастье...

Вот сейчас вспоминается детство и юность. Первые робкие шаги к сдаче «аттестата зрелости». Первый экзамен — 1938—1939 гг. концлагерь Испании¹. Там я избавился от части того благодушия и привычки видеть все в розовом свете, которые присущи каждому юноше и девушке. Это был хороший урок в попытке познать жизнь. Там, в Испании, появилось ясное представление о враге. Результатом явилось решение: всю свою деятельность посвятить военному делу — быть командиром. Сейчас ты уже ощутила привкус ненависти. А у меня он появился еще тогда.

Спокойный и мирный 1940 год. Год грандиозных планов на будущее. И вот пришла война. Перед каждым стояла проблема — найти свое место, быть достойным сыном своей Родины. Старое чувство ненависти, оккупация любимой Украины, потеря отца, матери, брата, сознание того, что борьба всеобщая и на кого-то полагаться нельзя, помогли с первых дней определить свою роль и место. Война стала испытанием, она окончательно определила характер. Я отдавал все. И наберусь смелости сказать, что никто не может упрекнуть меня в поступке, недостойном командира-коммуниста.

Нам пришлось узнать правду жизни, горькую и твердую, раньше срока, какой положен по возрасту, но тем дороже будет сама жизнь. Познаешь действительную цену ее, и каждый день или час ее будет представляться уже не мелочью. Я знаю и уверен, что, выйди я целым из этого испытания,

¹ Пароход «Степанов-Скворцов», на котором проходил практику курсант Червоный, был захвачен фашистами.

мы зажили бы счастливо... Мы живем в такое время, что, прежде чем претендовать на это счастье, необходимо завоевать его в жестокой борьбе и внести свою скромную лепту в общее дело...»

«Внести свою скромную лепту в общее дело» — вот они, думы поколения, вот оно, кредо 23-летнего советского человека в тяжелый для его Отчизны час, символ его веры и заветное желание.

В дело нашей победы офицер Евгений Червонный внес свою лепту. Внесли ее и товарищи Евгения по истребительному отряду — Ливый, Власов, Маргацкий, Бачанов, Елизаров, Чернышев, Азеев, Гуськов, Капралов и другие катерники, чьими стараниями были отбиты все попытки врага проникнуть в 1942 году в район плавания наших кораблей, разгромить наши конвои.

Военкомом истребительного отряда был Степан Степанович Жамкочьян, служивший одно время комиссаром дивизиона, куда входили катера Червонного. Помнится, когда была предложена на этот пост кандидатура Жамкочьяна, кое-кто в штабе флота и Политуправлении возражал: молод, дескать, для крупного соединения. Но мы пошли охотно на такое выдвижение. И нам ведь в свое время в молодые годы партия доверяла не малые посты.

И Жамкочьян оправдал наши надежды. Кабинетом ему служили кубрики и палуба катеров. Сын рабочего и сам рабочий, придя на флот по партийной мобилизации, он принес с собой на корабли чувство уважения к будничному труду и организованность. Служба на пограничных катерах сделала его осмотрительным. Эти качества он охотно «дарил» своим подчиненным, особенно командирам катеров. Благодаря усилиям политработников Жамкочьяна, Зайцева, Кирсанова, Молодцова, Шапурова и других мы имели почти на всех катерах сплоченные экипажи с крепкой партийной прослойкой.

Лето 1942 года ознаменовалось для легких сил флота участием в десантных операциях. Ставка советского Верховного главнокомандования готовила крупную наступательную операцию по разгрому мгинско-синявинской группировки фашистских войск. В период ее подготовки и был организован тактический десант в районе Усть-Тосно.

Готовились мы к нему, имея горький опыт нескольких десантных операций в первый год войны. Одна из них проводилась в Стрельне. Десант был подготовлен скоропалитель-

но, и поставленную задачу — оттеснить противника с бережья — выполнить не удалось.

Усть-тосненскую операцию мы осуществляли совместно с 55-й армией. В первом эшелоне десанта шли моряки, во втором — армейцы. Балтийцы должны были захватить мосты через реку Тосно, высадиться на восточном берегу ее, тщательно заминированном и обнесенном вдоль и поперек колючей проволокой.

В десанте участвовали матросы Ленинградской базы, в том числе рота под командованием старшего лейтенанта Корытина и политрука Ващенко. Весь десант возглавляли капитан 2-го ранга А. М. Богданович и комиссар А. Г. Усанкин. Находились они на катере. На берегу, в районе деревни Новая, располагался КП командира Ленинградской базы Ю. А. Пантелева и военкома П. В. Боярченко.

Операция была очень сложной (десантникам предстояло около четырех километров продвигаться под прицельным огнем неприятеля). Наши гидрографы при помощи специальной аппаратуры и телеобъективов сфотографировали берег и сделали панораму места высадки. Десантники тренировались на берегу, который был схож с местом высадки. Десанту красноармейцев придали отряд моряков-автоматчиков, который был распределен по всем десантным судам для моральной поддержки.

Перед посадкой на катере утром 19 августа 1942 года мы провели митинг участников операции. Выступали краснофлотцы и красноармейцы — те, кто через несколько минут будут прорываться сквозь смертоносную завесу фашистского огня. Люди садились на катера уверенные в успехе дела. Они знали, что это подготовка к прорыву блокады.

К месту высадки я направился с П. В. Боярченко. Забрался в окопчик, из которого было видно, как глушили врага авиация и артиллерия.

Нева изогнулась, как гигантский натянутый лук. Один его конец упирается в Ладожское озеро, другой закреплен в Ленинграде. Усть-Тосно, центр этого лука, в руках противника. Здесь он создал укрепленный узел. Отсюда летят снаряды в осажденный город, в Колпино, на передний край нашей обороны. Отсюда фашисты могли возобновить наступление на Ленинград. Для штурма города Ленина уже перебрасывались из Крыма части 11-й армии Манштейна с ее осадной артиллерией.

Наш удар по Усть-Тосно — один из ударов, которые дол-

жны были сорвать и сорвали готовившийся натиск врага. Его нанесли солдаты Ленинградского фронта и матросы Балтийского флота.

...В полдень 19 августа, не на рассвете, как принято высаживать десанты, а ровно в 12 часов ясного солнечного дня, чтобы обрушиться на противника внезапно, выскочили катера из устья речки Славянки и помчались по зеркальной глади Невы. Пока они скрыты от глаз врага изгибом реки. Пройдет несколько минут — и десант окажется на виду у противника.

Нервы напряжены до предела. Это у нас, кто смотрит на Неву из окопа, а у тех, кто на катерах? У них стук крови в висках сильнее шума моторов. Руки до боли впились в штурвал. Минуты летят, обгоняя друг друга, — остается десять, восемь, семь... Еще пять минут — и катера ворвутся в те опасные четверть часа, когда один фашистский пулеметчик может σκοсить сотни смелых, когда каждый снаряд найдет свою цель.

Но операция продумана до мелочей, до деталей, рассчитана по минутам. С приближением десанта к опасной зоне нарастает грохот разрывов артиллерийских снарядов в полосе противника. Бьют корабли, береговые батареи, армейские пушки — удар ошеломляющий. В воздухе шум моторов: идут ИЛы штурмовать передний край. Сплошной дым над Невой прикрывает десантников.

Противник оглушен. Его стрельба нервозна, беспорядочна. Катера почти без потерь круто поворачивают к берегу..

После выхода первого издания книги я получил письмо Ивана Семеновича Булата. Он пишет, что участвовал в усть-тосненской операции. Командовал катером. «Это была моя первая десантная операция», — рассказывает Иван Семенович.

Да, первая. Но пусть прочитают ваши дети, дорогой товарищ Булат, вот эту выдержку из номера газеты военных лет которую я разыскал после получения Вашего письма:

«Старшина 1-й статьи Булат еще при высадке десанта в устье реки Н. проявил волевые командирские качества. Его катер ходил тогда головным, и старшина отличался быстротой и умением маневрировать... Булат награжден орденом Отечественной войны 2-й степени. Его боевые друзья Урванцев и Рябуха — медалями «За боевые заслуги»¹.

¹ Газета «Красный Балтийский флот», 19 ноября 1943 года.

Катер Булата — флагманский в отряде. В нескольких десятках метров от места высадки по катеру прошла авто-матная очередь.

— Откуда?

Взгляд остановился на дереве. Оно дрогнуло, качнулось и медленно повалилось в воду, срезанное снарядом с идущего рядом бронекатера. С верхушки сорвался и полетел вниз головой, не выпуская из рук автомата, гитлеровец.

Противник опомнился, когда первый бросок десанта — матросы старших лейтенантов Кострубы и Корицина уже ворвались в его окопы, отряд Корицина с ходу оседлал дороги у шоссе и железнодорожного мостов. Катера полным ходом ушли обратно. Им предстоит сделать еще много опасных рейсов, чтобы доставить подкрепление отбивающему контратаки первому броску.

Теперь оправившийся противник бьет по Неве без отдыха. Нева гневно кипит, выплескивается из берегов. Водяные фонтаны подбрасывают вверх оглушенную взрывами рыбу. Блеснув на солнце серебряной чешуей, она плюхается в водную яму.

подавлять минометы и ближайшие пушки врага теперь сложнее. Массированного удара ближе к береговой черте нанести нельзя: можно попасть по своим наступающим. Катерам приходится прорываться сквозь стену заградительного огня.

В одном из последующих рейсов Булат видел, как факелом вспыхнул катер его друга: снаряд попал прямо в бензобак. Булат подобрал выброшенных взрывом людей, но друга среди них не оказалось.

«Теперь мне за двоих воевать надо,— подумал он,— за себя и за товарища».

— Удивительно, сколько сил у людей,— восхищается командир отряда десантных средств.— Сутками работают без смены и отдыха. Раненые не уходят с катеров. Смотрите,— показывает он мне,— там посадку производит Закусов. Он вторые сутки на ногах.

— Сменить надо.

— Что вы! Это значит обидеть человека. Я, говорит, столько ждал, чтобы звание мое морское оправдать.

Закусов торопил десантников:

— Быстрее, товарищи! Время вышло.

В этот день Александр Закусов был тяжело ранен в грудь и ноги, но поста своего не оставил, привел катер в

базу, доложил о выполнении боевого задания и умер на руках у товарищей.

Смуглый, широкоплечий командир катера КМ-41 Георгий Богданов, казалось, никогда не унывал. Он был сгустком неумемной радостной энергии, будто ничто его не печалило. И только близкие товарищи знали, что жена и сын Георгия попали в лапы фашистов.

— Эти проклятые изверги мне лично заплатят за их муки, а может быть, уже за смерть. Дорого заплатят! — говорил Георгий.

Узнав, что его катер будет участвовать в десанте, Богданов стал еще энергичнее.

— Перебросим наших, и я попрошусь в отряд Корицина, самому хочется арийцам в глаза поглядеть.

При высадке десанта Георгий Богданов вдруг присел. Он пытался подняться, ухватившись за штурвал, но не мог, лишь повернул пустой катер от берега. К командиру подбежал радист Филимонов. Он хотел спросить, не ранен ли командир. Но спрашивать не пришлось, радист увидел, что у Богданова осколком снаряда разрезан живот и он придерживает рукой вылезающие внутренности.

— Сейчас перевяжу! — крикнул Филимонов.

— Не надо, — тихо сказал Богданов. — Дай закурить, — и умер.

В это время отряд Корицина отражал контратаки врага. Бой длился беспрерывно 12 часов. Фашисты лезли вперед, не считаясь с потерями. Они окружили матросов полукольцом и пытались любой ценой спихнуть их в воду. Каждый камень, каждая канавка на родной земле помогали матросам. Каждый погреб делали они своей крепостью.

На небольшой возвышенности торчали кирпичные стены одинокого полуразрушенного здания. Подвал под зданием — оборудованное гитлеровцами укрепление с амбразурами для пулеметов. Отсюда при наступлении был выбит враг. Отряд решил биться здесь до прихода подкрепления. С Корициным находились бойцы Иевлев, Корзин, Гришилов, Грабов, Лебедев, Никитин, Жеробаш, Рыбаков. В подвале поместили раненых.

Ночью никто не спал. Рано утром снова начался штурм маленького гарнизона. Он начался по всем правилам военного искусства — сначала артиллерийская подготовка, потом цепи атакующих. Одна атака сменялась другой, и так двое суток. У матросов подходил к концу боезапас, не было

лищи, раненые просили пить. А цепи атакующих все гуще.

В этот день враг атаковал подвал разрушенного здания десять раз. Боезапас был на исходе, десантники не имели лищи вторые сутки. Ночью старший сержант Гришилов и его товарищи вышли из подвала и спустились в лощину, откуда днем наступал враг. Они вернулись с трофеями — приволокли два пулемета, семь автоматов, пять пистолетов, патроны и ранцы с продуктами. Впереди шагал пленный немец.

С рассветом враг возобновил атаки. Погиб Петр Иевлев. Ранены были почти все герои. Но бой продолжался.

Корытин командовал радисту:

— Дайте артиллеристам наши координаты!

Через несколько минут вокруг полуразрушенного здания начали рваться снаряды.

От очередного взрыва подвал заходил ходуном. Обрушилась стена изуродованного здания. Через амбразуры в подвал ворвалась смесь кирпичной пыли с дымом.

Обломки рухнувшей стены похоронили фашистов, подобравшихся к самому зданию.

Замечательно действовал в этой операции батальонный комиссар Федоров. Он был комиссаром второго дивизиона средств высадки (они были разбиты на три дивизиона). Пять раз водил Федоров катера с десантными группами на левый берег Невы. Во время пятого рейса он погиб, спасая катер и его команду.

Спустя некоторое время матросы приняли участие еще в одной крупной операции — в форсировании Невы в районе Московской Дубровки. Задачу эту выполняла 70-я дивизия, переименованная позднее в 45-ю гвардейскую, которой командовал Герой Советского Союза Анатолий Андреевич Краснов. В состав ее входил 329-й полк моряков. В одной из летних операций он понес большие потери и находился на переформировании. К середине августа мы пополнили его двумя тысячами моряков из состава Ладожской военной флотилии и Ленинградской военно-морской базы. Половину полка составляли коммунисты и комсомольцы. Этот полк и должен был сделать первый бросок на левый берег.

Основные средства переправы — две тысячи саперных деревянных лодок — изготовлялись на ленинградских предприятиях. Плюс к этому имелось 30 мотоботов и тендеров. Для управления «десантной флотилией», как полусху у нас в штабе называли переправочные средства, мы сформиро-

вали специальный отряд из слушателей курсов младших лейтенантов и школы боцманов.

На грани ночи и дня 26 сентября первый эшелон (два батальона 329-го полка) форсировал Неву. Хотя было приказано всем балтийцам надеть защитную форму, многие из десантников сохранили бескозырки, морские ремни с бляхами, тельняшки. Атрибуты морского обмундирования как бы обязывали их действовать с двойной смелостью, а граната, которая была у каждого на вооружении, напоминала годы гражданской войны и боевые традиции моряков огненных дней борьбы за власть Советов.

Шквалом огня встретили фашисты первый бросок. Желтые огоньки зажигательных пуль запрыгали по палубам тендеров и катеров. Шатер из разноцветных нитей трасс вырос над синей полноводной Невой. По середине реки протянулись пушистые хвосты наших дымзавес. Смелчаки, достигшие берега, первыми начали «гранатный бой». Гранатой глушили матросы пулеметные гнезда врага, гранатой прокладывался путь вперед, связками гранат подбивались фашистские танки.

С 26 сентября по 8 октября длилось сражение на левом берегу Невы. За это время морской отряд переправы перебросил через Неву около 16 тысяч солдат и офицеров, более сотни орудий, танки, боеприпасы, продовольствие. Все это делалось под сильным огнем неприятеля.

Каждый рейс наших плавсредств изобиловал примерами самоотверженности и отваги. На борту катера № 29 находился боезапас. Путь к берегу преградила мель. Краснофлотец Жакелинов схватил ящик с патронами и, подняв его над головой, бросился в воду. За Жакелиновым последовали и другие бойцы. Все 40 ящичков с боезапасом десантники получили в срок.

Беззаветной доблестью прославил свое имя коммунист мичман Яков Чугунов. На третьем рейсе шлюпку, которой он командовал, разбило миной. Мичман Я. Чугунов был ранен осколком в спину и грудь. Спас его тогда, удержал на воде капковый бушлат. Он выбрался на берег, где шел бой, и встретил группу солдат-казахов, оставшихся без командира. Возглавив эту группу, мичман повел ее в обход засевшим на кладбище фашистам. Справа строчил пулемет и бил миномет противника. Чугунов залег за могильный холмик в ста метрах от врага и принял огонь на себя. Через несколько минут стрельба затихла. Обессиленного от потери

крови, мичмана солдаты привели в блиндаж на перевязочный пункт. И здесь Чугунов совершил второй подвиг. Лежа в шалаше, он слышал шум моторов. Это прорвались фашистские танки. Израненный коммунист, прихватив связку трофейных гранат, пополз им навстречу. Семь танков шли в шахматном порядке. Я. Т. Чугунов бросил гранаты в первую ближайшую машину. Она загорелась. Вторая связка угодила под второй танк. Он тоже загорелся. Перебегая по траншее от одного приближающегося танка к другому, мичман Чугунов подбил шесть танков. Связки гранат ему приготавливали раненые красноармейцы. Оставался еще один танк. Силы оставляли мичмана, но их хватило на то, чтобы бросить последнюю связку в последний танк. Граната перебила ему гусеницу. Танк завертелся на месте. Он стрелял. Снаряд попал в бруствер траншеи, где лежал Яков Тимофеевич. Осколками этого снаряда его еще раз ранило в грудь и в четырех местах перебило руку.

Поначалу Чугунова считали погибшим. Но Яков Тимофеевич выжил. Хирург генерал-майор Лисицын спас руку и ногу славному балтийцу. В актовом зале училища имени Фрунзе я с большим удовольствием вручил Якову Тимофеевичу Чугунову высокую награду — орден Ленина.

Семь танков! В одном бою! Одному человеку!.. Кажется невероятным. Но было именно так. Командир дивизии А. А. Краснов представил Я. Т. Чугунова за этот подвиг к званию Героя Советского Союза. Но представление где-то застряло, бывали в то время и такие случаи.

Совершил Чугунов в этом бою и еще подвиг. Пехоте противника, шедшей тогда за танками, удалось прорваться. Очнулся Чугунов, когда слышал немецкую речь. Рывком поднял голову. К нему подходила группа немцев. Впереди — офицер.

«Значит, прошли», — с досадой подумал мичман.

Офицер бросил короткую фразу. Стоявший рядом переводчик зло крикнул:

— С какой бригады?

Чугунов промолчал. Смысла следующего вопроса он не понял — терял сознание. Окончательно он пришел в себя от крепкого русского окрика:

— Кто здесь?

— Свои! — обрадованно вырвалось у мичмана.

Но через траншею перепрыгнуло несколько пар ног, и Чугунов опять остался один. Свежий отряд матросов вто-

рично выбил противника из окопа и погнал его дальше. Задерживаться десантники не могли.

Я. Т. Чугунов поднялся. Надо было пробираться к береговой черте, там перевязочный пункт. Шел по траншее медленно, пригнувшись. Свист пуль не давал выпрямиться, разогнуть уставшую спину. На повороте его окликнул лежавший в окопе матрос:

— Браток, помоги встать.

У матроса оказались перебитыми обе ноги.

«Не бросать же живого человека», — подумал мичман. Нагнулся и, собрав последние силы, взвалил моряка к себе на спину. Матрос сначала стонал, потом замолк, а мичман последние метры пути едва передвигался с тяжелой ношей.

К нему подбежали солдаты, сняли матроса. Яков Тимофеевич с трудом выпрямился и только тут обнаружил, что матрос с перебитыми ногами был мертв. Его сразила пуля врага, когда лежал он на спине у Чугунова.

Эти подробности рассказал мне Яков Тимофеевич, когда писались эти воспоминания.

Командир дивизии А. А. Краснов писал Военному совету флота: «Краснофлотцы и командиры, входящие в состав дивизии, в прошедших боях по праву заслужили высокую честь носить звание гвардейцев».

Синявинская наступательная операция войск Волховского фронта связала весьма значительные оперативные резервы противника и предупредила его удар на Ленинград с юга. В связи с изменением обстановки на Волховском фронте в октябре было принято решение отвести 45-ю гвардейскую дивизию с захваченного плацдарма на левом берегу Невы. На отвоёванном «пяточке» осталась рота матросов в 114 человек. Этот плацдарм находился в наших руках вплоть до прорыва блокады Ленинграда.

Шли бои и на Волховском фронте. Противник бросал части 11-й армии Манштейна, привезенные из Крыма для наступления на Ленинград, то в Усть-Тосно, то в Старо-Паново, то на «пяточок» к Московской Дубровке, то под Мгу, и 11-я армия фактически перестала существовать. План штурма Ленинграда был сорван, и на этот раз окончательно.

Летом 1942 года расширилась сфера деятельности балтийской авиации. Теперь она все больше и больше действовала по всей глубине морских сообщений немецко-фашистских войск. Успешно уничтожали наши штурмовики дозорные

корабли неприятеля. С июля стала трудиться на далеких коммуникациях врага торпедоносная авиация.

Задача удара по транспортам с воздуха была не из легких. Летать приходилось несколько сот километров по узкому «коридору» Финского залива, на виду у постов наблюдения противника с северного и южного берегов. Очень досаждали нашим авиаторам воспетые поэтами всех времен ленинградские белые ночи. На аэродромах «молили бога» и днём и ночью, чтобы скорее наступала сентябрьская темень.

Однажды на аэродроме поджидал я возвращения летчиков В. А. Балебина и его напарника из крейсерского полета «на свободную охоту». Василий Алексеевич был мастером торпедного удара. Но эти полеты были сложными, и все мы обычно напряженно и нетерпеливо ожидали их исхода. «Свободная охота» заключалась в том, что два самолета направлялись на поиски вражеских кораблей в западную часть Финского залива и в открытое море. Некоторый отрезок пути торпедоносцев сопровождали истребители, а затем они шли без прикрытия. Поиск совершался на высоте около 100 метров и даже ниже.

Самолеты должны были уже вернуться, а их нет и нет. Нервы напряжены, беспокойство растет, но никто в этом не признается. Летчики делают вид, что беспокоиться нечего. Только после возвращения самолетов люди повеселели, выдавая шутками и всем своим поведением минувшее волнение.

В этой связи вспоминается разговор с другим летчиком этого полка — М. Н. Плоткиным, еще в мирное время успешно освоившим учебное торпедирование. Михаил Николаевич сидел в землянке напротив меня. Мы тоже волновались и ждали возвращения самолетов.

— Лучше самому летать, чем ждать вот так возвращения товарищей, — сказал он. — Спокойнее. Сидишь тут, и чего только в голову не придет.

Мы разговорились. М. Н. Плоткин был собранным, по-военному подтянутым, очень привлекательным человеком. У него были большие выразительные глаза и густые брови.

Это сейчас я вспоминаю брови, глаза, аккуратную причёску на косой пробор, резко очерченные губы и вообще располагающую внешность Михаила Николаевича. А тогда сидел предо мной прославленный летчик минно-торпедного

авиационного полка, Герой Советского Союза, участник бомбовых ударов по Берлину, Данцигу, Штеттину и Кенигсбергу, в прошлом московский токарь, ставший командиром эскадрильи. Я знал, что Плоткин влюблен в свои тяжелые самолеты, и мне хотелось послушать его рассуждения об использовании торпедоносной авиации.

— Конечно, на истребителе летать не просто, — говорил он, как бы выбирая, в каком роде авиации ему сподручнее служить, — истребитель один в трех лицах: и летчик, и штурман, и стрелок. Он должен быть смелым человеком. Может быть, и романтики у истребителя больше. Но наш самолет продуктивнее. Как свалишь корабль, этакую бандуру на 8—10 тысяч тонн, так сразу и заметно, что дело сделал. Такая коробка пустая и то денег стоит, а ведь пустые-то они не ходят даже в мирное время.

Мне было известно, что эскадрилья Плоткина удачно громила врага на многих сухопутных участках фронта: под Лиепаей, Вентспилсом, Ригой, Таллином, около Луги, возле Чудского озера, Пскова, Новгорода, Тихвина. Теперь летчики минно-торпедного полка уже с января 1942 года мечтали о «свободной охоте» в море. Это когда им не ставится определенной задачи, а цели они находят и выбирают сами. Плоткин был сторонником такой самостоятельности в выборе объекта нападения. Я заметил, что, вероятно, на сухопутье опаснее — больше зенитного огня.

— Нет! — ответил Михаил Николаевич. — В море сложнее, особенно у нас на Балтике. Сложность не в том, что в случае неисправности материальной части сесть некуда — на севере и юге враг. На материальную часть мы надеемся, она нас не подводила, и думаю, что не подведет. А вот истребители перехватить могут. Да и в смысле зенитного огня — его не так уж мало на кораблях противника. Чтобы выпустить торпеду, надо снизиться до 25—30 метров. Если ее сбросить с большой высоты, она может расколоться от удара об воду. Торпеда выбрасывается с расстояния 150—200 метров от цели. После выбрасывания торпеды самолет не успевает отвернуть в сторону от цели. Он неизбежно перевалит через корабль и всегда должен преодолеть заградительный пулеметно-пушечный огонь корабля. Это, как правило, плотная стена огня.

М. Н. Плоткин говорил далее, как трудно обнаружить корабль противника в море и какая выдержка и хладнокровие должны быть у летчика, чтобы попасть в него.

— Транспорт не просто идет, а маневрирует. Когда бьешь по наземным целям, то если даже бомба рядом с целью разорвется, то и в этом случае нанесет ущерб, а торпеда должна в борт ударить, иначе весь смысл атаки пропал.

Не пришлось Михаилу Николаевичу участвовать в «свободной охоте»; погиб замечательный летчик и прекрасный человек в марте 1942 года. Прах его покоится в Александро-Невской лавре.

Как в месяцы тяжелой блокадной зимы, так и весной и летом 1942 года Ленинград, фронт и Балтийский флот постоянно чувствовали моральную и материальную поддержку трудящихся всей страны. В Ленинград прибывали десятки делегаций от республик и областей, сопровождая эшелоны с продовольствием. Кроме того, рабочие тыла посылали нам металл, топливо, сырье, добытые сверх плана. Магнитогорцы отправляли в адрес города Ленина различные поковки, шахтеры Воркуты — уголь, железнодорожники Северной дороги — дрова.

Кровные узы связали балтийцев в 1942 году с трудящимися Кировской области. В начале года из Кирова к нам приехала делегация во главе с секретарем областного комитета партии Федором Дмитриевичем Мошкиным. Делегаты побывали на кораблях. Их призывное слово звучало на огневых позициях нашей железнодорожной артиллерии, в частях морской пехоты. Через неделю мы тепло провожали посланцев Кирова, а через день пришла печальная весть — несколько кировчан погибло от бомбежки по ту сторону фронта, на станции Волхов. Погибли Ф. Д. Мошкин, секретарь горкома партии Л. И. Прохорова, начальник цеха завода Юньков и сопровождавший делегацию полковой комиссар Баженов. В тот день артиллеристы тяжелой батареи капитана Жука дважды открывали огонь по укрепленным узлам обороны гитлеровцев. На снарядах бойцы писали мелом: «За погибших делегатов Кирова!»

Приближалась 25-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Октябрьские торжества в городе, чьи площади слышали «топот октябрьских атак», всегда проходят как-то по-особенному. В тот год подготовка к празднику и сам юбилей превратились в единое устремление всех защитников города Ленина — прорвать кольцо вражеской блокады.

Ленинград, словно закованный в цепи богатырь, напрягал мускулы к рывку. И хотя Гитлер посылал новые и новые части для укрепления осадных линий, в городе царила спокойная уверенность в том, что теперь мы не можем не победить, что победа близка.

Еще теснее стали в те дни наши связи с населением города. На кораблях, на платформах железнодорожных батарей чаще звучал голос старых большевиков, передовых производственников. В начале ноября в Доме Военно-Морского Флота мы провели встречу старых балтийцев, участников Октябрьской революции, с моряками — защитниками Ленинграда. Ветераны рассказали о своих встречах с Владимиром Ильичем Лениным, о боях с интервентами и белогвардейской нечистью в первые годы Советской власти, обратились с письмом ко всему личному составу Краснознаменного Балтийского флота. В обращении спрашивалось: «Так же ли, как раньше, крепка матросская рука? Так же ли, как бывало, остер флотский штык? Не ослабла ли моряцкая воля, не померкла ли флотская честь, не погнулась ли балтийская стойкость?»

Во флотскую газету посыпались (в буквальном смысле этого слова) письма. Матросы, отвечая ветеранам, рассказывали о том, как несется вперед эстафета боевой доблести старших поколений. «Мы идем вашим путем, отцы!» — говорили они.

Посылали и мы своих докладчиков на предприятия и в учреждения города. Предварительно начальник отдела про-

паганды и агитации Политуправления бригадный комиссар Д. И. Корниенко (сам хороший пропагандист, человек, любящий и знающий эту нелегкую работу) провел несколько инструктивных докладов. Мы поручали нашим людям сказать на торжественных собраниях, посвященных 25-летию Великого Октября, что военные моряки Балтики всегда черпали свежие силы в мужестве тружеников Ленинграда и что личный состав КБФ готов к боям по прорыву блокады.

Помню, мне пришлось выступать на Кировском заводе. В то время это был не только завод, но и большой узел сопротивления. Заводские корпуса располагались в четырех километрах от переднего края. Рабочие собрались в одном из подвальных помещений, превращенном в укрытие. Это было что-то вроде подземного клуба.

Народу пришло много. Перед началом собрания ко мне подошли рабочие постарше возрастом и начали расспрашивать о положении на кораблях и в Кронштадте. Завязалась беседа. И как-то само собой получилось, что я начал доклад, продолжая отвечать на вопросы. Рабочие хотели знать о том, когда мы прогоним гитлеровцев от Ленинграда, когда будет открыт второй фронт, как обстоит у нас дело с вооружением, как воюют моряки.

Во время доклада начался обстрел завода. Кто-то торопливо вышел из клуба, кто-то вошел, но рабочие настолько привыкли к обстрелам и бомбежкам, что отнеслись к очередному огневому налету, как мне показалось, как к чему-то обычному, без тени боязни. Да так оно и было. За время блокады Ленинграда враг подвергал завод артиллерийскому обстрелу более 180 раз.

Хорошо прошло это собрание. Как и на встрече с ветеранами флота, чувствовалась непреклонная решимость победить!

Кампанию 1942 года на море матросы, старшины и офицеры завершили с большим подъемом. Уже в конце октября в заливе появился лед, а тральщики по-прежнему выходили в море. В условиях ледостава несли дозорную службу и «морские охотники». В вахтенном журнале дивизиона магнитных тральщиков имеется такая, например, запись:

«В ночь с 5 на 6 ноября 1942 г. личный состав катеров № 96 и 70 затратил на постановку и выборку трала времени в 5 раз больше обычного, ввиду сильного замерзания тралящих средств. Катера вернулись на базу без потери материальной части».

А вот как описывает этот предпраздничный поход главный старшина Копьев:

«Штормовая погода. Волна окатывает с ног до головы. Одежда промерзает. 6 ноября, в канун славной 25-й годовщины Октября, ложимся в последний галс¹. На обледенелой палубе трудно удержаться. Напрягая силы, держась за поручни, стоим у лебедки. Работаем возле Кронштадта.

Скоро должны возвратиться из похода подводные лодки, надо очистить для них путь. Улучив момент, когда волна опускается, даем слабинку, выбираем трал. Зуб на зуб не попадает, когда возвращаемся в базу, валимся от усталости, и все же счастливы — мы задачу выполнили».

Хороший подарок к празднику приготовил экипаж лидера «Минск». Совместно с рабочими Кронштадтского морского завода матросы вернули в строй корабль, получивший тяжелые повреждения. Утром 5 ноября 1942 года «Минск» вышел в осеннее море. Легкий, стремительный, он свободно рассекал форштевнем свинцовые волны. Над его палубой после четырнадцатимесячного перерыва вновь трепетал на ветру военно-морской флаг нашей Родины.

В день 25-летия Великого Октября экипаж подводной лодки, где парторгом был мичман С. И. Сидоров, принял на торжественном собрании обращение к Центральному Комитету Коммунистической партии. Подводники писали: «В этот день мы — в глубинах Балтики, у самого логова ненавистного врага. Мы пришли сюда, преодолев десятки минных полей, дозоров противника... На минных полях, поставленных нами у баз и на коммуникациях противника, подорвалось несколько фашистских кораблей... Мы и впредь будем беспощадно топить вражеские корабли». Экипаж этой лодки полностью состоял из коммунистов и комсомольцев.

У меня хранится экземпляр отпечатанной на машинке пьесы «Раскинулось море широко». Рукою Вс. Вишневского написано: «Героическая комедия в 3-х действиях. Экземпляр чл. ВС КБФ корпусного комиссара Н. К. Смирнова, Ленинград, 1942».

Интересна история создания этой пьесы. В первых числах августа 1942 года зашел ко мне директор театра Музыкальной комедии товарищ Максимов.

— Помоги, пожалуйста, сделать большое дело, — обратился он ко мне. — К празднику театр должен дать что-то

¹ Галс — линия пути корабля до поворота. Здесь подразумевается отрезок пути катера в связи с тральными работами.

свежее, злободневное, а ничего подходящего для постановки нет.

— При чем же тут я? Обращайся к драматургам или композиторам.

— Это уже пройденный этап. Ничего не получается. Главное — времени до октябрьской годовщины очень мало. Помочь горю может только Вишневский.

— Ну и обратись к нему.

— Обращался. И слушать не хочет. Помоги уговорить.

Мне по душе припала мысль показать на сцене кусок флотской жизни. И мы вместе решили убедить В. В. Вишневского.

Разговор был не из легких. Всеволод Витальевич не возражал написать пьесу. Но сроки! Нужно не менее месяца на репетиции театру, а когда же писать? И все же он «загорелся» и в конце беседы сказал:

— Хорошо. Подумаю. Но одному все равно не успеть. Освободите для этого дела Крона и Азарова.

На этом и порешили. Через несколько дней Вишневский зашел уже с наброском сюжета, увлеченно рассказывал о будущих героях пьесы — комсомолке с Выборгской стороны и командиру катера «Орленок», прикидывал, кого будет играть Янет, кого — Колесникова, кто сможет создать образ комсомольца-одессита.

Случилось то, на что мы надеялись, — Вс. Вишневский «заболел» пьесой. А это значило, что она будет. 12 сентября пьеса читалась в театре. Артисты принялись за дело с большим жаром, и к празднику спектакль был готов.

Конечно, это стоило труда и напряжения и писателям и артистам. Зрители приняли постановку хорошо. Вишневский сиял, Крон и Азаров ходили именинниками. Спектакль «Раскинулось море широко» выдержал более ста постановок в Ленинграде и был показан в Москве.

В этой связи уместно еще раз сказать о большой плодотворной деятельности во время войны писателей и журналистов, поэтов и композиторов, художников и артистов.

На Балтийском флоте была сильная группа писателей. В нее входили В. Вишневский, А. Зонин, А. Крон, С. Кудрявцев-Скайф, Г. Мирошниченко, Л. Успенский, Н. Чуковский и ряд других товарищей. Большинство из них работали непосредственно на кораблях и в частях. Любил боевые корабли руководитель группы писателей В. Вишневский. Писатели Г. Мирошниченко и Н. Чуковский главным образом

находились в авиации, Л. Успенский — в частях береговой обороны, А. Зонин — на подплаве; на одной из подводных лодок он участвовал в боевом походе. Большую работу проводили поэты Михаил Дудин, Всеволод Азаров, Николай Браун, Соломон Фогельсон и другие.

30 человек прозаиков и поэтов прибыло на флот в начале войны. Это был первый писательский эшелон. Он редел под огнем врага и получал пополнение.

Писатели включились в войну как солдаты. Они вышли на линию огня.

Пусть эти слова не покажутся высокопарными. Не каждый матрос стреляет из пушки, многие обеспечивают ход корабля, но от этого их место в строю не является менее значительным. И наводчик, и заряжающий, и машинист с кочегаром входят в боевой расчет корабля. Вот так же вошли в боевой флотский расчет и писатели. Каждый из них занял свое место в строю. Александр Яшин стал редактором газеты «Залп балтийцев», Александр Штейн — редактором газеты линкора «Октябрьская революция», Владимир Рудный и Михаил Дудин работали в газетах «Красный гангут» и «Защитник Родины» на Ханко, газету на «Марате» редактировал Илья Амурский, у подводников — Александр Крон, у береговиков-артиллеристов — Всеволод Азаров. Почти вся флотская печать была «оккупирована» профессиональными литераторами, и, надо сказать, они хорошо использовали печатное слово. То, что было утром, вечером появлялось в газете. Свежие заметки об отваге, репортаж о боевом опыте, хлесткая сатира, веселый юмор, мужественные стихи, злые эпиграммы на врага привлекали внимание бойцов, как фронтовые сводки. Да многие и были малыми фронтовыми сводками о больших фронтовых делах читателей многотиражки. Они и собраны были редактором на переднем крае под огнем противника.

Некоторые газеты выпускали плакаты и листовки, размножали полубившиеся песни; публиковали письма родных о зверствах фашистов, печатали решения партийных и комсомольских собраний, помещали клятвы и боевые обязательства матросов, вели боевой счет мести.

Выпускались маленькие брошюры в четверть печатного листа, форматом в листок отрывного календаря с рассказами о боевых подвигах. На первой страничке этих книжечек было напечатано: «Прочти и передай другому». Краснофлотцы носили такие брошюры в карманах бушлатов и чи-

тали вслух товарищам. Книжечка в серой обложке рассказывает о славных, простых русских юношах и «старичках», воевавших на «ораниенбаумском пятачке»: о машинистке и пулеметчике, о командире Стукалове, похожем на Чапаева, об архитекторе Пермском, ставшем артиллеристом.

В гуще матросской массы были и наши флотские композиторы — народный артист СССР Василий Павлович Соловьев-Седой, Николай Павлович Будашкин, Николай Григорьевич Минх. Тогда они не носили еще на себе столь обязывающего «бремени» известности, но на флоте были очень популярны и выделялись своей активностью. Василия Павловича часто можно было встретить в корабельной кают-компании напевающим под свой собственный аккомпанемент лирическую песенку о боевой дружбе или что-нибудь остроумно-шуточное, заставляющее забыть окруживших его краснофлотцев о трудностях военной службы. Его замечательные песни «Играй, мой баян», «Вечер на рейде», «Я вернулся к друзьям» и другие трогали матросскую душу, звали на подвиг.

Николай Павлович Будашкин привлекал бойцов своим народнопесенным инструментальным творчеством и своей доступностью, умением слиться с краснофлотской массой. Он хорошо руководил на флоте музыкальной самодеятельностью.

Николай Григорьевич Минх возглавлял флотский джаз. Ему подражали и у него учились многочисленные флотские джазовики.

Работали на флоте и многие художники, в том числе и теперешние члены-корреспонденты Академии художеств СССР Юрий Михайлович Непринцев и Борис Иванович Прокопов.

А два года назад встретились мы в доме отдыха «Мельничьи ручьи» с народным артистом СССР Владимиром Ивановичем Чесноковым. В годы войны Владимир Иванович не был еще народным, он был тогда талантливым артистом театра Краснознаменного Балтийского флота. Встретились и, конечно, разговорились «о делах давно минувших дней». Вспомнили многих артистов краснофлотского театра и его бессменного художественного руководителя заслуженного артиста РСФСР Александра Викторовича Пергамента. Владимир Иванович напомнил, что Пубалт и Военный совет флота постоянно держали коллектив театра в курсе боевых событий и ставили перед ним конкретные задачи. Это давало

возможность театру делать свои выступления политически острыми, злободневными и бывать в самое нужное время в самых необходимых местах.

Далеко не последнее место в работе с личным составом Балтийского флота занимали деятели кино. Постоянными представителями киноискусства у нас были товарищи Иосиф Вениаминович Хмельницкий и Сергей Николаевич Фомин.

В период блокады Политуправление флота имело тесный контакт с Ленинградским радиокомитетом. В городе часто транслировались передачи «Говорит Краснознаменный Балтийский флот». И сейчас, спустя годы, с большим теплом вспоминают энтузиастов ленинградского радиовещания Николая Дмитриевича Синцова, главного редактора политического вещания, старшего лейтенанта Бориса Ефимовича Лившица, корреспондентов Фролова, Уманского и Блюмберга. В значительной мере благодаря их стараниям страна довольно широко информировалась о войне на балтийском театре, о стойкости и отваге балтийцев. В передачах были и коротенькая передовая, и выступления одного-двух участников боев, и очерк об экипаже или одном из героев обороны Ленинграда, и новые стихи и песни на флотскую тему в исполнении артистов.

Запомнилось мне выступление по радио в день славного 25-летия Великого Октября.

О чем следовало рассказать? Работники радиокомитета просили сделать обзор боевых действий на море. Но это было обычным делом. К юбилею же Великого Октября хотелось радиопередачу начать как-то поинтереснее. И тут вспомнились слова Владимира Ильича Ленина о том, что балтийцы в дни боев за победу социалистической революции обладали «тройной смелостью». Об этой замечательной традиции, о том, как ее приумножают моряки Балтики в годы Отечественной войны, я и поведал. В качестве примера высокого мужества — традиционной «тройной смелости» — привел подвиг трех подводников: торпедиста старшего краснофлотца Николая Никишина, краснофлотца Александра Мазнина и комендора краснофлотца Василия Зиновьева. Мы в то время по соображениям цензурным очень редко писали и передавали по радио материалы о подводниках. Но об этом нужно было рассказать.

...Лодка С-11 возвращалась с боевого задания после долгого пребывания в Данцигской бухте. Позади осталась напряженная, боевая вахта у берегов противника, во время

которой С-11 потопила вражеский транспорт. Подлодка шла в надводном положении в кильватер тральщику. Неожиданно раздался сильный взрыв. В лодку угодила торпеда, выпущенная с фашистского подводного корабля. Смертельно раненного командира капитан-лейтенанта Середу и нескольких офицеров и матросов подобрал тральщик, а лодка затонула в считанные секунды. В отсеках, заполненных ледяной забортой водой, началась борьба за жизнь. Н. Никишин, А. Мазнин, В. Зиновьев и электрик В. Мареев, узнав, что в шестом отсеке есть еще оставшиеся в живых люди, невзирая на смертельную опасность, сделали все возможное, чтобы спасти товарищей. Однако дверь открыть не удалось...

Их было четверо. Продолжать же борьбу могли лишь трое — Мареев лишился рассудка. Решили выходить через торпедный аппарат. Только исключительное знание техники помогло друзьям выстрелить торпеду... Спрятали под тельняшки комсомольские билеты, написали прощальную записку и открыли крышку торпедного аппарата. Первым в морскую пучину шагнул Никишин, потом Мазнин. Это было на шестом часу после затопления лодки... Стояла ночь. Море штормило. Мазнин дважды возвращался в отсек, где Зиновьев остался с обезумевшим Мареевым. Когда обессиленного Мазнина выбросило на поверхность, он погиб бы, не будь вблизи Никишина. Прикрепив своего друга к бую, Никишин поплыл на восток.

Семь часов продолжалось единоборство матроса со стихией. Почти у самого берега он натолкнулся на проволочное противодесантное ограждение. Собрав последние силы, поплыл вдоль колючего препятствия в поисках прохода.

Солдаты, подобравшие почти безжизненного героя, хотели немедленно отправить его в госпиталь. Но, очнувшись, он думал не о себе:

— Там гибнут товарищи... Скорее шлюпку...

Твердил он это до тех пор, пока солдаты, подняв его на руках, не показали моторную лодку, уходившую в море за теми, кто остался на месте катастрофы. Мазнин был снят с буя в бессознательном состоянии. Спасли и Зиновьева.

Трое отважных пролежали несколько суток в госпитале. А потом снова бои. Еще когда доставляли их с Моонзундского архипелага на материк, они приняли участие в схватке с врагом. Фашистская авиация атаковала эпроновское судно «Сатурн», на котором они шли. Никишин, лежа на спине,

держал в руках станковый пулемет, из которого матросы вели огонь по самолетам, а Зиновьев стал комендором. Позднее подводники участвовали в ремонте кораблей, воевали на сухопутном фронте, затем снова служили на подводных лодках.

Празднование 25-летней годовщины Великой Октябрьской социалистической революции подняло дух ленинградцев еще выше, укрепило мужество в сердцах воинов. Это мужество было отмечено учреждением в конце 1942 года медали «За оборону Ленинграда». Как символ нерушимого единства всех защитников города-героя на барельефе лицевой стороны медали рядом с фигурами солдата и матроса вычеканены с винтовками наперевес фигуры рабочего и работницы.

...Первые дни нового, 1943 года. Снежно. Погода мягкая. Небо в голубых просветах. Вторая осадная зима Ленинграда резко отличалась от первой: не было свирепых морозов, почти не стало жертв голода, исчезла страшная пустота на площадях и улицах города.

Фронт же у стен Ленинграда по-прежнему оставался неподвижным. Всего лишь снежное поле отделяло солдат противника от окраин Ленинграда, а от Пулковки и того ближе — совсем рукой подать. Но точно все заколдовано окрест. Продвинуться врагу даже на шаг вперед теперь было невозможно. Однако в крепость своего «северного вала» фашисты продолжали верить.

Затишье на фронте усиливалось еще одним обстоятельством. Многие наши соединения были отведены с переднего края и занимались... боевой подготовкой. У лесных озер вблизи города в те дни часто наблюдались такие картины: легкие танки в сопровождении пехоты движутся по ледяному покрову, затем взбираются по обледенелым откосам высокого берега, очень похожего на крутой левый берег Невы. Так день за днем части Ленинградского фронта готовились к наступательным действиям в условиях лесисто-болотистой местности, тренировались к форсированию Невы.

В прорыве долговременной, сильно укрепленной обороны противника предстояло принять активное участие и частям Балтийского флота. Очень важно было создать у личного состава высокий наступательный порыв. Помню, зашел ко мне в первых числах января начальник Политуправления

Владимир Алексеевич Лебедев со своими соображениями по организации партийно-политической работы на период предстоящей наступательной операции. Это был умный и опытный политработник, прошедший школу гражданской войны.

— Завтра я собираю работников Пубалта, — сказал он, — надо поговорить, и очень серьезно. Медленно мы перестраиваемся. Засиделись в обороне. Некоторые политработники продолжают твердить старые истины о стойкости в обороне, вместо того чтобы готовить людей к наступлению. Таких людей бойцы не слушают, они нутром чувствуют, что настала пора гнать противника от Ленинграда.

В тот вечер мы с В. А. Лебедевым просидели очень долго. Обсудили множество вопросов, теперь в свете ближайших задач выглядевших как бы новыми. В самом деле, воспитываем людей на боевых флотских традициях, но одно дело мужество и отвага в обороне, другое — в наступлении. В обороне все направлено к тому, чтобы не отступать, отступление без приказа — позор. В наступлении — позор, если противник не отступает, если ты не уничтожил упорного врага, стоящего на дороге твоего движения вперед.

Подготовка личного состава Балтийского флота к наступательным операциям стала главной задачей политорганов, партийных и комсомольских организаций.

Большую роль в политической работе играла газета «Красный Балтийский флот» (редактором тогда был Л. Осипов). Хорошо велась старейшая флотская газета. Любили и внимательно читали ее матросы и офицеры. «Красный Балтийский флот» разговаривал с военными моряками на злободневные, волнующие их темы, рассказывал о боевых подвигах, передавал боевой опыт, звал к разгрому врага и учил побеждать. В дни войны матросы Балтики внимательно следили за боевыми делами своих товарищей с других советских флотов и флотилий. Многие герои Черноморского и Северного флотов могли с гордостью сказать о себе: «Мы из Кронштадта». Многие североморцы и черноморцы «стояли на смерти» у стен Ленинграда. Все это находило отражение на страницах газеты. Много, очень много интересных материалов помещалось с других флотов.

Благоприятная обстановка на советско-германском фронте после блистательного разгрома фашистских войск в районе Сталинграда дала возможность нанести удар по кольцу вражеской блокады и под Ленинградом. Наносился он на шлиссельбургско-синявинском выступе, который раз-

делял Ленинградский и Волховский фронты. «Фляшенхальс» (бутылочное горло), как называли немцы этот выступ, являлся наиболее укрепленным участком фронта. На нем было сосредоточено до пяти полностью укомплектованных дивизий 18-й немецкой армии и более 700 орудий и минометов. Кроме того, на Невском направлении стояли четыре дивизии оперативного резерва. Болотистая и лесистая местность создавала выгодные условия для немецкой обороны.

Укрепления здесь у гитлеровцев были мощные: сильные узлы сопротивления, сплошные минные поля, передний край — траншеи полного профиля с врезанными в них пулеметными гнездами. Левобережье Невы густо минировано. Враг умело использовал выгодную для него местность: крутые склоны неевского берега превратил в ледяные горы, создал крупный узел сопротивления на Синявинских высотах, откуда хорошо просматривалась вся территория выступа.

С нашей стороны в операции участвовали 2-я ударная армия Волховского фронта, 67-я армия Ленинградского фронта, авиация, артиллерия и морская пехота Балтийского флота. В ночь на 12 января 1943 года морские летчики сильно бомбили пути подвоза резервов, особенно в направлении станции Тосно.

Час желанный, час, о котором мечтали наши воины давно, наступил. В. Ф. Трибуц, А. Д. Вербицкий и я встретили его на одной из батарей поблизости от Шлиссельбурга. Накануне температура резко пошла вниз. Утро 12 января выдалось ясное, морозное. Одевшись в белые маскировочные халаты, мы заняли свои места. Было холодно и как-то тревожно. Все ли сделано, все ли продумано?..

Взвилась сигнальная ракета. Через несколько секунд весь левый берег Невы покрылся дымками разрывов снарядов. Началась артиллерийская подготовка. 2 часа 20 минут 130 орудий и минометов на каждом километре фронта в полосе наступления вели «убедительный разговор» с противником. Из общего хора «переговаривающихся» артиллерийских голосов выделялись «басы» тяжелых морских орудий.

Люди, видевшие этот сокрушительный огонь вблизи, потом рассказывали, что волны воздуха, возникавшие от выстрелов, вырывали с корнями деревья...

Волховчане начали наступление первыми на участке Липка — Коречна. В 11 часов 45 минут на неевский лед вступили солдаты 136-й стрелковой дивизии под командованием генерал-майора Н. П. Симоняка. Мы его считали моряком:

он воевал на Ханко. Его дивизия состояла почти целиком из героических защитников Ханко. На правом фланге наступающей армии находилась 45-я гвардейская дивизия Героя Советского Союза генерала Краснова. В ее составе был полк морской пехоты, занимавший рубеж на левом берегу реки, на ранее отвоеванном «пяточке». Позднее на левом фланге начала действовать 55-я стрелковая бригада, сформированная из краснофлотцев кораблей и частей Ладозской флотилии. На Волховском фронте в наступлении также участвовала 43-я морская стрелковая бригада.

Наши штурмовые отряды уже заняли на левобережье вторую траншею, а морские орудия продолжали сверкать выстрелами. Миноносцы «Свирепый», «Строгий», «Строительный», «Опытный» и канонерские лодки «Ока», «Зея», «Се-строрецк» стреляли по батареям противника. Морской полигон бил по узлам сопротивления в районах 8-го и 2-го городков. Железнодорожные батареи — по батареям противника и узлам сопротивления в районах Келколово, Мусталово, Захожие, Отрадное, Мга, рабочих поселков № 3 и 6. Когда сизые сумерки стали кутать в свои покрывала Неву и прибрежный лес, над Шлиссельбургом повисло огромное зарево.

Бои продолжались и на второй и на следующий день. И все это время неумолчно гремели флотские пушки.

Отличились в боях по прорыву блокады батареями командиров Барбакадзе, Потехина, Тарасова, Жука. Это об их метких залпах с восхищением рассказывали участники штурмовых групп: «Идешь вперед, и морские батареи сразу переносят огонь дальше... Жажнет орудие — и дорога проложена...»

С восхищением писала в стихотворении, посвященном прорыву блокады, старейшая поэтесса Ленинграда Вера Инбер:

Сосредоточены, тверды, уверены,
Особенно мы счастливы, когда
Вступает в дело наша артиллерия,
Могучие военные суда.
Мы немцев бьем, уничтожаем, гоним их:
Огонь наш их совсем к земле пригнул.
Как музыку, как лучшую симфонию,
Мы слушаем величественный гул.

Да! Так и было. Те, кто находился в городе, когда началась январская битва, по могучему артиллерийскому гулу понимали: на фронте началось долгожданное... Фашисты упорно сопротивлялись. В районе рабочего поселка № 5 и

Синявино противник создал сильную контратакующую группу. Решающие события развернулись с утра 18 января. Части Ленинградского фронта в этот день отразили контратаки гитлеровцев и, преследуя их, ворвались в рабочие поселки № 1 и 5, где в полдень и встретились с войсками Волховского фронта. Вечером того же дня весь мир слушал сообщение Совинформбюро, передававшееся по радио:

«...Прорвав долговременную укрепленную полосу противника глубиной до 14 километров и форсировав реку Невы, наши войска в течение семи дней напряженных боев, преодолевая исключительно упорное сопротивление противника, заняли город Шлиссельбург, крупные укрепленные пункты Марьино, Московская Дубровка, Липка, рабочие поселки № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, станцию Синявино и станцию Подгорная.

Таким образом, после семидневных боев войска Волховского и Ленинградского фронтов 18 января соединились и тем самым прорвали блокаду Ленинграда».

С восторгом встретили эту весть ленинградцы. Тысячи людей высыпали на улицы. Останавливали военных — жали руки, целовали. На домах алели флаги. Всю ночь в городе гремела музыка.

Снабжение Ленинграда теперь резко улучшилось. На отвоеванной полосе южнее Ладожского озера в течение двух недель была проложена 38-километровая железнодорожная линия и построен мост через Неву. Хотя эта ветка и подвергалась непрерывным бомбардировкам и артиллерийским обстрелам, однако по ней за один только 1943 год прошло с грузами 150 тысяч вагонов.

Пропагандистская контора Геббельса не замолчала прорыва блокадного кольца под Ленинградом, но на все лады доказывала, что освобождение Шлиссельбурга нам ничего не дало. Озлобленное неудачами на фронте, командование 18-й немецкой армии усилило репрессии в тылу. Люто расправлялись фашисты с населением оккупированных районов Ленинградской области и Псковщины. Там, где появлялись солдаты гитлеровских генералов Линдемана и Ферча, после их ухода оставались виселицы да пепелища.

В феврале и марте 1943 года гитлеровцы усилили артиллерийские обстрелы Ленинграда и бомбежки его коммуникаций. Очень крупный авиационный налет был сделан в мае 1943 года на наши ладожские базы. Под вечер 23 мая начался налет на Кобону. Солнце уже садилось. Мы с комисса-

ром Ладожской военной флотилии Леонидом Васильевичем Серебренниковым шли к катеру, когда раздался сигнал воздушной тревоги. Сразу же захлопали зенитки. Налет был недолгим, бомбы, сброшенные группой немецких самолетов, не причинили ущерба.

После бомбежки мы вскоре на катере МО добрались до базы Морье. Здесь, на левом берегу узенькой речки, недалеко от берега озера, стояло несколько деревянных домиков. В одном из них мы (В. Ф. Трибуц, А. Д. Вербицкий и я) обычно останавливались для ночлега. Мой адъютант Канон Петрович Кузьменко быстро «сообразил» самоварчик, и мы втроем решили почаяевничать, после чего заехать на КП флотилии. Хотелось неторопливо побеседовать с Леонидом Васильевичем. Обстановка (за окном тихий вечер, на столе кипящий самовар) располагала к душевной беседе.

Неожиданно самовар подпрыгнул, домик вздрогнул. Раздалось несколько взрывов. Мы выскочили на улицу. Бомбы рвались одна за другой. Звук их взрывов прорывался сквозь сплошной треск зениток. Большое количество ночных бомбардировщиков бомбили зенитные батареи, причалы и склады в Морье.

Через полчаса все утихло, и мы уже хотели сесть в машину и, заехав на батареи, перебраться на правый берег Морье, если мостик через реку уцелел. Вместо этого пришлось уйти в землянку, так как налетела новая волна самолетов противника, за второй волной пошла третья. И так всю короткую ночь до утра. Наша телефонная связь с КП вышла из строя, и, несмотря на старания Канона Петровича, привести ее в порядок не удалось.

На КП мы проскочили только к утру, в один из перерывов между налетами. Навстречу нам прошла «эмка», она держала путь к горевшим складам. Начальник тыла М. А. Нефедов и начальник штаба Осиновецкой базы П. И. Барабан ехали к месту пожара.

Налет продолжался. В районе складов раздался взрыв огромной силы. Мы еще вели неприятный разговор, когда прибежал краснофлотец и, запыхавшись, доложил, что Нефедова убило. Вскочив в машину, поспешили к месту его гибели.

Вблизи горевшего склада стояла «эмка». Дверцы ее были раскрыты. Нефедова уже унесли, а Барабана нигде не могли обнаружить. В нескольких шагах дымилась большая воронка от 1000-килограммовой бомбы. На самом краю воронки

стоял часовой. Он охранял склад. Воин не оставил своего поста во время бомбежки, остался стоять и после того, как упала и разорвалась бомба, осколками которой убило М. А. Нефедова. Часовой был невредим. Случай исключительный. Видимо, взрывная волна вырвалась вверх и раздалась вширь через голову часового, не задев его.

Через некоторое время обнаружился и начальник штаба Барабан. Мы думали, что взрывом бомбы его разнесло на куски, а оказывается, произошло еще одно невероятное дело. Нефедов сидел рядом с шофером и погиб, когда выходил из машины. Барабан же сидел на заднем сиденье. Из машины выскочил, видимо, секундой раньше Нефедова. Осколки его не задели, но взрывная волна подхватила и перебросила через узенькую речку Морье. Очнулся он на кладбище. Оно было у самого левого берега речки.

— Пришел в себя и ничего не могу понять, — рассказывал потом П. И. Барабан, — помню, как выходил из машины, и вдруг — могильный холм и рядом кресты. Жив ли я?

Этот налет причинил нам большой материальный ущерб и чувствительные жертвы в людях.

Активизировал противник в 1943 году свои действия и против Кронштадта, хотя вряд ли в штабе 18-й немецкой армии в то время помышляли о взятии этой неприступной флотской цитадели. Весной и летом были недели, когда Кронштадт подвергался более интенсивным артиллерийским обстрелам, чем Ленинград. Пушки крепости, авиация с Кронштадтского аэродрома не давали фашистам покоя.

29 января 1943 года флот понес большую потерю: погиб командующий эскадрой вице-адмирал В. П. Дрозд. Машина, на которой он ехал из Кронштадта на Лисий Нос, попала в полосу сильного снегопада и провалилась в воронку от вражеского снаряда.

Валентин Петрович был адмиралом, чье имя знал каждый балтийский матрос. Молодой, горячий, влюбленный во флот человек, талантливый военачальник — таким он остался в памяти всех тех, кто служил с ним в годы Великой Отечественной войны. Вместе с Валентином Петровичем погиб молодой, способный штабной командир капитан 2-го ранга Владимир Родимов.

В один из артиллерийских налетов на Кронштадт и корабли, стоявшие на Неве, погиб старшина линкора «Октябрьская революция» Иван Томбасов. Он повторил подвиг старшины Василия Кузнецова с лидера «Ленинград». Было это

13 апреля 1943 года. Иван Томбасов нес вахту у своего боевого поста — зенитной пушки. Первые же вражеские снаряды накрыли район стоянки линкора. Раскаленный осколок поджег боезапас. Стали рваться снаряды, сложенные у орудия. Пожар распространился по кораблю...

Томбасов схватил горящий снаряд и быстро сбросил его за борт. За ним полетел в воду второй, а к третьему подбежать старшина не успел... упал, сраженный осколками. Приказом командующего флотом имя славного моряка было присвоено орудию, которым он командовал. Старшина 1-й статьи коммунист И. Томбасов навечно занесен в списки личного состава КБФ.

Немало матросских рук прикасалось к орудию с тех пор, как вынесли с орудийной площадки смертельно раненного И. Томбасова, и всякий, кто становился на пост героя-старшины, считал, что ему оказана высокая честь. В последующие годы войны и в послевоенное время на линейном корабле «Октябрьская революция» стало традицией: артиллерийский расчет орудия имени И. Томбасова стреляет только отлично.

Вторая военная весна пришла в Ленинград с большим опозданием. Теплые дни начались лишь в середине июня. Парки долго стояли огненными, и лишь на земле — на желтом ковре прошлогодних трав — упорно сквозь утренние заморозки пробивалась новая зелень. Зато в воздухе и на море весеннее оживление началось рано. Его начало было многообещающим и резко отличалось от того, что мы имели год назад. Очень метко охарактеризовал весну летописец ленинградской обороны писатель Николай Тихонов. В первомайском номере газеты «На страже Родины» он писал: «Весна 1943 года не работает на немца. Она работает на нас. Враг согнулся. Мы выпрямились. Враг дышит тяжело и сипло. Мы дышим широкой грудью».

Один характерный штрих. Весной 1943 года гитлеровцы перевели штаб Восточного фронта из Смоленска под Кенигсберг. Даже Геббельсу было трудно придумать что-либо враждебное по поводу переезда штаба в сторону, противоположную пресловутому «победному движению» войск Германии на восток. Но и здесь гитлеровские вояки чувствовали себя неуверенно.

В связи с рядом поражений гитлеровской армии на сухопутных фронтах значение морских перевозок для противника возросло. По Балтийскому морю шло снабжение гер-

манской военной промышленности стратегическим сырьем и снабжение северной группировки фашистских войск. Немецкое командование поставило перед собой задачу добиться полной свободы оперативных перевозок в Балтийском море и Финском заливе.

Уже в конце марта 1943 года разведкой была установлена оживленная деятельность противника в самом узком месте Финского залива — между островом Нарген и полуостровом Порккала-Удд. Поступившие в дальнейшем разведывательные данные это подтвердили. Фашисты создавали мощные минные заграждения и сплошной сетевой бан от южного до северного берега залива. Поступили также сведения и о концентрации в финских шхерах большого количества дозорных кораблей.

На одном из заседаний Военного совета мы приняли решение усилить борьбу с противолодочной обороной противника: эта задача была возложена главным образом на нашу авиацию. Штурмовики и бомбардировщики под прикрытием истребителей бомбили и штурмовали корабли и плавсредства врага, его посты наблюдения и огневые точки, а также противолодочный рубеж. В первых ночных полетах летчики-штурмовики А. А. Карасев, М. Н. Хроленко, М. Г. Клименко и И. Т. Карагодин потопили несколько фашистских кораблей.

Однако помешать постановке сетей и мин не удалось. Как позднее выяснилось, уже к концу апреля Финский залив перегораживали два ряда сетевых заграждений более чем по 25 миль каждое. Наряду с сетями путь лодкам преграждали тысячи мин, поставленные ярусами. Когда залив очистился от льда, противник выставил несколько ночных и дневных дозоров.

Но вскоре наша активная борьба с вражеской противолодочной обороной дала свои положительные результаты: было уничтожено несколько дозорных судов, линия неприятельской дозорной службы отеснена к опушке шхер, взорвано много мин. Но прорваться нашим подводным кораблям в Балтийское море не удалось. Подводная лодка Щ-303 под командованием капитана 3-го ранга И. В. Травкина форсировала гогландский рубеж, где было поставлено несколько тысяч донных, якорных, антенных, контактных мин в различных комбинациях, преодолела серьезное нападение противолодочных сил противника, дошла до главного противолодочного рубежа, но форсировать его, несмотря на отвагу и большое мастерство командира, не смогла. И. В. Травкин

получил приказание вернуться на базу. Две другие лодки погибли.

Временное прекращение выхода подводных лодок на позицию в летнюю кампанию 1943 года совсем не означало отказа от боевых действий на морских коммуникациях врага. Наши самолеты — торпедоносцы и бомбардировщики действовали в Балтийском море, в Финском, Рижском и Ботническом заливах, подчас на расстоянии 800—900 километров от своих баз. Вылетали наши летчики обычно ночью, к рассвету достигали намеченного района и атаковали корабли противника чаще всего с бреющего полета.

Злодейские обстрелы жилых кварталов Ленинграда, вести о лютых расправах гитлеровцев, приходившие с освобожденных от врага территорий, жгли сердца воинов. Люди рвались в бой, забывая о сне, усталости. Герой Советского Союза Василий Алексеевич Балебин побывал в родных местах после их освобождения от немцев. Село его фашисты сожгли. Матери В. Балебина оторвало руку осколком немецкого снаряда. Вернулся он в часть еще более ожесточившимся против захватчиков. До лета 1943 года на счету В. А. Балебина было семь потопленных транспортов. Вернувшись из дому, он в первом же крейсерском полете потопил восьмой вражеский корабль. Так же умело действовали товарищи Балебина по полку. Некоторые из них потопили за эту кампанию по три-четыре транспорта.

230 самолето-вылетов сделала в 1943 году торпедоносная авиация КБФ. Более 40 процентов этих вылетов окончилось торпедированием фашистских судов. Перевозки противника на море нарушались.

Противник же не только дезорганизовать, но даже серьезно помешать нашим перевозкам не смог. В 1943 году между Кронштадтом и Лавенсаари в системе конвоев проследовало около 900 наших судов. В этом прежде всего была заслуга истребительного отряда капитана 2-го ранга М. В. Капралова. За весь год только один раз фашистские торпедные катера прорвались к нашему каравану и потопили небольшой буксир. До 3 тысяч снарядов выпустили вражеские батареи по кораблям, следовавшим летом и осенью к Лавенсаари, и, к нашему счастью, ничего не потопили.

Отличная боевая выучка катерников, высокая бдительность «капраловских дозоров» преграждали путь врагу к нашим коммуникациям. Дозоры действовали дерзко, инициативно. Об одном из таких столкновений Советское информ-

бюро сообщало: «В Финском заливе 13 катеров противника напали на два наших дозорных катера. Советские моряки вступили в бой с численно превосходящими силами врага, потопили два и сильно повредили один катер противника. Остальные вражеские катера поспешно отошли... Наши катера вернулись на свою базу»¹.

Бой этот вели катера МО-207 (командир — старший лейтенант Н. И. Каплунов) и МО-303 (командир — лейтенант В. Г. Титяков). Старшим в дозоре был командир звена капитан-лейтенант И. П. Чернышев. Незадолго до выхода в дозор Н. И. Каплунов наконец-то, после трехмесячного перерыва, получил письмо. Сестра сообщала ему:

«Дорогой братец. У меня нет сил писать... Только что получила письмо из освобожденного Гжатска. Нашего отца немцы расстреляли. Сестренку и дядю увезли в Германию. Мама не выдержала и умерла от разрыва сердца. Коленька, милый, отомсти за маму, папу, сестренку и дядю!»

О горе, постигшем командира, знал весь экипаж МО-207, и каждый из катерников поклялся отомстить за гибель семьи Каплуновых.

...Тяжелые тучи плыли над морем. Моросил дождь. Пользуясь темнотой, вражеские катера пытались вплотную подойти к нашему дозору и расстрелять его или оттеснить к берегу под огонь своих батарей. Но зоркий сигнальщик Анатолий Петров заметил их вовремя. Прозвучал сигнал боевой тревоги. Начался неравный бой...

В 1966 году ветераны этого примечательного сражения встретились в Кронштадте у могилы Николая Ивановича Каплунова. Вспоминая о подвиге катерников, капитан 3-го ранга запаса Виктор Захарович Решетиллов рассказывал:

«Катер Каплунова, прикрывая собой МО-303, стремительно пошел на сближение с противником. Меткие залпы орудий Михаила Цимбаленко и Николая Живоры достигли борта головного катера врага. Задрав форштевень, он пошел ко дну.

Враг перенес почти весь огонь на катер Каплунова. В кормовую пушку попал снаряд. Упал на палубу смертельно раненый наводчик Николай Дворянкин. Его заменил Акулов. На мостике, у штурвала, был убит рулевой Алексей Ивченко. На его место встал помощник командира лейтенант Лобановский.

¹ Сообщение было не совсем точным: напало не 13, а 14 неприятельских катеров.

Бой становился все жарче. Катер Каплунова оказался в плотном кольце врага.

Н. И. Каплунов принял решение идти на таран и вырваться из окружения. Дав полный ход, умело маневрируя и ведя скорострельный огонь, МО-207 устремился к катеру, закрывавшему выход на фарватер. Враг не выдержал и начал отворачивать. Ему на помощь подошло еще четыре катера. Противник усилил обстрел. Каплунов упал. Его ранило в грудь, ноги и руки. Лобановскому снарядом оторвало ногу. Осколки попали в телеграф, и моторы начали работать в разных режимах. Катер завертелся на месте.

Быстро оценив обстановку, старший краснофлотец Михаил Цимбаленко принял на себя командование катером. Став за штурвал, он повел МО-207 в самую гущу врага.

Каплуновцы продолжали храбро сражаться, раненые не уходили со своих постов. Пулеметчик Трофим Баженов с перебитыми ногами лежал на палубе и подавал ленты Алексею Фролову. А тот бил по врагу то с правого, то с левого борта, перебегая от одного пулемета к другому.

Стойко дрался и экипаж Титякова... Когда враг отступил, наши катера соединились. МО-207 принял с катера Титякова раненых и пошел в Кронштадт. Скончался Дворянкин. Не дотянул до базы Каплунов. Он умер на руках Акулова, сказав на прощание:

— Молодцы, оправдали доверие. Передайте всей команде мою благодарность...»

За этот бой капитан-лейтенант Чернышев был награжден орденом Александра Невского. Командиры катеров Каплунов и Титяков, младший лейтенант Лобановский, старший краснофлотец Цимбаленко награждены орденами Красного Знамени. Артиллеристы Остроус, Редько и пулеметчик Фролов награждены орденами Отечественной войны I степени. Ордена Красной Звезды были вручены товарищам Живоре, Ващенко, Каверину, Королькову и Петрову.

Флаг, под которым геройски дрались с врагом каплуновцы, хранится ныне в Центральном военно-морском музее. Там же в экспозиции можно увидеть и модель МО-207.

Борьба моряков за поддержание благоприятного оперативного режима в восточной части Финского залива не была бы успешной без самоотверженного ратного труда наших тральщиков. Трудна и опасна их работа. Это морские саперы, основное назначение которых заключается в обезвреживании фарватеров от мин противника. Только тогда и вы-

полняется поставленная перед тральщиком задача, если он идет по минному полю и подрезает минрепы¹, на которых закреплены смертоносные чудовища, способные разворотить при взрыве толстую корабельную броню.

На тральщике нет брони, нет защиты от ударных мин. Плавающую на поверхности мину можно заметить, а мину, сорвавшуюся с минрепа и почему-либо не всплывшую на поверхность, поврежденную, скрытую под водой, не увидишь. Она может быть роковой для небольшого корабля и его экипажа. Подсеченная тралом мина тоже не безопасна: ударится о борт — и тот же трагический результат.

На тралении не до этих мыслей. Все внимание, вся энергия, все помыслы «пахарей моря» сосредоточиваются на одном: тральщик должен точно идти заданным курсом, иначе в квадрате могут остаться непротраленные места. Пусть рядом рвутся вражеские снаряды и бомбы, пусть ухудшается видимость и увеличивается волна, маленький кораблик не должен и не может свернуть с курса. Так и поступали моряки наших тральщиков. К концу навигации 1943 года они могли с гордостью заявить, что ни один из крупных кораблей флота не пострадал от мин, поставленных противником на фарватерах Невской губы. Тральщики бригады, которой командовал один из организаторов ладожских перевозок, капитан 1-го ранга Ф. Л. Юрковский, выполнили за эту навигацию более 500 боевых заданий, уничтожили около трехсот мин.

Нередко траление проводилось непосредственно у самых берегов, занятых неприятелем. В одной из таких операций в Капорской губе участвовало сразу 36 катерных тральщиков. Темной октябрьской ночью катера строем клина подошли к минному полю. Все виды сигнализации были запрещены. Связь между тральщиками отсутствовала. Минеры работали на ощупь. Враг был близок. Матросы хорошо слышали звуки колоколов на батарее гитлеровцев. Когда туда донесся шум наших моторов, зенитчики противника открыли огонь по небу. Фашисты никак не предполагали, что это шумят моторы советских катеров.

Шесть ночей подряд действовали тральщики под командованием капитан-лейтенанта Мудрака. Затраленные мины уничтожались днем. Выделялось для этого два катера, которые на полном ходу под огнем немецких батарей расстреливали мины. В результате фарватер был очищен и наши ар-

¹ Стальные тросы, соединяющие мину с ее якорем.

тиллерийские корабли получили возможность нанести удар по приморскому флангу армии противника.

Летом 1943 года войска Ленинградского фронта провели ряд операций местного значения и улучшили свои позиции. Осенью 1943 года началась напряженная подготовка к изгнанию врага из-под Ленинграда. Наступление планировалось одновременно Ленинградским и Волховским фронтами. Предстояло отбросить противника от Ленинграда, освободить Новгород, а затем развить наступление в направлении Нарвы и Пскова. Содействие войскам Ленинградского и Волховского фронтов должен был оказать 2-й Прибалтийский фронт. Войска Ленинградского фронта готовились нанести удары с приморского плацдарма и с Пулковских высот в направлении Ропши и здесь соединиться.

Среди оперативных работников штаба фронта было немало в то время рассуждений о том, ожидает ли противник наступления наших войск изнутри осажденного города или он примет это только за демонстрацию. Большинство склонялось к тому, что это наступление не будет неожиданным для врага. Блокаду прорывали тоже изнутри. А вот наступление с «ораниенбаумского пятачка» будет явно для него неожиданным.

Ораниенбаумский плацдарм был небольшим по размерам. Враг окружал его дугообразно и располагался примерно на расстоянии дальности действия артиллерии фортов Красная Горка и Серая Лошадь. Из Ленинграда и Кронштадта сюда можно было попасть, лишь прорвавшись сквозь завесу артиллерийского огня фашистских батарей, стрелявших из Петергофа, Стрельны и с территории завода «Пищмаш». Противник не допускал возможности сосредоточения в районе Ораниенбаума наших сил, достаточных для наступления. Кроме того, гитлеровцы занимали здесь очень выгодные позиции — господствующие высоты.

В один из дождливых, по-осеннему серых октябрьских дней я отправился на квартиру В. Ф. Трибуца. Разъезжая по частям и кораблям, он простыл и заболел. Из строя выходить ему не хотелось, но пару дней полежать было необходимо. Зашел к Владимиру Филипповичу я потому, что накануне он был у командующего фронтом Л. А. Говорова и с заданием, которое он получил, надо было немедленно познакомиться, а по телефону этого делать не полагалось. Не успел я и поздороваться, как услышал:

— Ну и задачка нам выпала.

И командующий флотом рассказал о решении перебросить на «ораниенбаумский пятачок» войска генерала Федюнинского со всей их боевой техникой. Задача была действительно тяжелая: специальных перевозочных средств не было, фарватеры мелководные, сроки сжатые. К тому же места погрузки и выгрузки, сами фарватеры — все простреливалось противником.

Через три дня В. Ф. Трибуц поднялся, и мы пошли в Кронштадт, чтобы там решить вопрос, как же организовать перевозку войск. Шли, как обычно, на катере с Лисьего Носа.

— Командующий фронтом считает, что если перевозку проведем удачно и скрытно, то это уже почти половина решения задачи по разгрому противника. Важно, чтобы Линдеман и Ферч не раскрыли нашего замысла. А как это сделать, если все просматривается?

Примерно так говорил командующий, когда мы сходили с катера на Кронштадтской пристани. В этот момент, как бы в подтверждение того, что противник видит наши передвижения, в нескольких шагах от нас разорвался снаряд. Мы встали к стенке кирпичного здания. Разорвалось еще несколько снарядов. Подумалось: «Вот и перевозки армию. Маленький катерок, маленькая группа людей и то обстреливается».

Перевозки начались 5 ноября. Каждую ночь теперь винты тральщиков, буксиров с малой осадкой и других балтийских кораблей месили густую ледовую кашу. Люди перевозились с Лисьего Носа, а техника — прямо из Ленинграда. В течение первых пятнадцати дней, с 5 по 20 ноября, в Ораниенбаум (ныне Ломоносов) было доставлено огромное количество людей и техники: десятки тысяч солдат и офицеров, до полутора тысяч машин, много танков, сотни артиллерийских орудий и минометов, более 10 тысяч тонн различных грузов (с учетом боезапаса), тысячи голов лошадей. И все это перевезено скрытно от противника. Эта скрытность является заслугой таких замечательных наших офицеров, как капитан 3-го ранга М. А. Опарин, капитан 3-го ранга А. П. Безукладников, капитан-лейтенант Ф. Д. Рутковский, старший лейтенант Н. П. Визиров, старший лейтенант А. В. Цыбин и другие. Значительную организаторскую работу по перевозкам провели командиры Ленинградской и Кронштадтской военно-морских баз И. Д. Кулешев и Г. И. Левченко.

Через некоторое время Военный совет Ленинградского фронта дал нам дополнительное задание по перевозкам. Нужно было создать надежное превосходство сил на ораниенбаумском берегу. Перевозки продолжали в еще более тяжелых зимних условиях с 23 декабря почти до середины января 1944 года.

Работали, как и в ноябре, ночью. За ночь в Ораниенбаум приходило по 8—12 судов. Одной боевой техники наши корабли перевезли столько, что на железной дороге потребовалось бы 1300 железнодорожных вагонов. Превосходство сил было создано в пехоте в 2,5 раза, в танках — в 5—6 раз, в артиллерии — в 3—4 раза. Несмотря на такую масштабность перевозок, нам удалось и на этот раз не только обеспечить скрытность операции, но и ввести в заблуждение штаб 18-й немецкой армии.

Об изобретательности в маскировке судов, участвовавших в перевозках, можно судить по такому факту. 2 января самоходную баржу затерло во льдах. Протолкнуть ее за темное время суток не удалось. С рассветом противник мог баржу обнаружить. Личный состав собрал все имеющиеся у него простыни и закрыл ими неподвижное судно.

В лесу на ораниенбаумском берегу вызывающе громко тархтели тракторы, чтобы приучить противника к шуму танков. На других участках фронта проводились демонстративные перегруппировки войск, навязывая противнику вывод, что наступление готовится из района Мги. Организовывались ложные погрузки в Ораниенбауме, чтобы создать впечатление, что мы снимаем войска в Ленинград.

Успешная перевозка войск 2-й Ударной армии явилась одним из решающих условий нашего наступления. Это была трудная и смелая работа, особенно если учесть, что производилась она на старых, ветхих, не предназначенных для этой цели судах. Очень сложно было перевозить танки. В трюмы они не лезли, размещались только на верхней палубе, а трюмы для остойчивости корабля загружались песком. На сетевой заградитель «Онега», например, которым командовал Ф. Д. Рутковский, грузили по четыре танка, и все побаивались, как бы «Онега» не перевернулась. Потом удалось втиснуть еще один, пятый. Это был предел с точки зрения остойчивости заградителя, но он под умелым руководством Рутковского выдержал испытание и с нового, 1943 года стал делать с таким грузом по два рейса в ночь. Столь же смелая работа кипела и на других средствах перевозок.

В неимоверно трудных условиях ночных перебросок ударной армии замечательно показали себя экипажи наших базовых тральщиков. Матросы несли вахту по 15—16 часов в сутки. БТИЦ-218 в ночь с 28 на 29 декабря успел обернуться между северным и южным берегом 3 раза. Он перебрал 500 воинов с вооружением и боеприпасами.

«В ночь на 29 декабря баржу с грузом сильно зажало льдом. Лопнул буксир. Тральщик дал задний ход, подошел к барже, и снова закрепили буксир. Но пока это успели сделать, пространство между тральщиком и баржей забило ледяными торосами. Лдины лезли друг на друга, плотной массой упирались в борта корабля, не пускали его дальше.

Капитан-лейтенант Цыбин обратился к собравшимся на корме людям верхней команды:

— Товарищи, остается один выход из создавшегося положения, но очень рискованный. Надо по льдинам пробраться до баржи с бросательным концом. Кто возьмется это сделать?

— Разрешите мне, товарищ командир,— вызвался краснофлотец Аркадий Михайлов.

Ему не было еще и 20 лет, а на БТИЦ-218 он служил всего несколько недель. Но Михайлову хотелось быть таким же храбрым, как его старшие товарищи.

Взяв в руки бросательный конец, Михайлов опустился за борт. Под ним закачались лдины. Они начали погружаться. Смелчак почувствовал, как его ноги до колен обожгло холодной водой. «Тону!» — мелькнула в голове страшная мысль. Но вместо того чтобы крикнуть товарищам: «Спасите!» — Михайлов упал на лдины всем телом и, хватаясь за торосы, пополз к барже. С палубы корабля ему бросили доску. Двигая ее впереди себя, он полз все дальше и дальше.

Через несколько минут буксир был заведен снова.

Корабль потащил баржу дальше.

В эту ночь тральщик несколько раз затирало льдами. Двигатели все время работали с предельной нагрузкой. Вышло из строя электрическое управление руля. Перешли на ручное управление. Рулевые краснофлотцы Стародубцев и Марголин сняли шинели, работали на морозе в одних телняшках и не чувствовали холода. Но как ни бились они, корабль не слушался руля.

Выход из затруднительного положения нашел командир отделения электриков Семен Чернитенко, молодой комму-

нист, прибывший на тральщик неопытным моряком и ставший за годы войны прекрасным специалистом. Он устранил повреждение, руль снова стал управляться электричеством. С такой высокой ответственностью и умением действовали все командиры и матросы».

Те, кто перевозил войска и вооружение 2-й ударной армии, не ходили в атаку на врага, не закрывали своим телом пулеметных амбразур. Но они под огнем противника, не имея возможности сами ответить ни одним выстрелом, шли черепашим шагом на ораниенбаумский берег с людьми и взрывчаткой, которая могла взорваться от попадания снаряда.

На ораниенбаумском берегу я спросил одного армейского офицера, сопровождавшего груз на барже, которая была затерта льдами и двое суток под обстрелом противника ждала буксира, как его самочувствие.

— Если я еще не поседел,— улыбаясь и вытирая шапкой потное лицо, ответил он,— то уж наверное никогда больше не поседею.— И, перейдя с шутки на серьезный тон, заявил: — Лучше идти в атаку на пулемет врага, чем служить неподвижной мишенью для его снарядов.

— И окопаться нельзя,— добавил стоявший рядом солдат.— Лопатка есть, а окопаться нельзя.

Большому отряду наших моряков, который проводил перевозки, приходилось служить мишенью для противника, и окопаться они не могли. Это ли не массовый героизм!

Едва ли нужно говорить, с каким нетерпением ленинградцы, войска Ленинградского фронта и моряки Балтийского флота ожидали наступления под Ленинградом. После уничтожения и пленения под Сталинградом одной из самых сильных и активных группировок противника, после битвы на Курской дуге, поставившей немецко-фашистскую армию перед катастрофой, после продвижения с ноября 1942-го по ноябрь 1943 года на 500—800, а в центральной части фронта более чем на тысячу километров мы со дня на день ожидали решающих событий и на Ленинградском фронте. Поэтому, как только начались перевозки войск в Ораниенбаум, среди моряков, принимавших в них участие, стали строиться предположения о сроках и масштабах наступательной операции. Затем «баковый вестник» принес эти догадки и на другие корабли. Прекратить разговоры о том, что скоро и под Ленинградом «полетят у фрицев пух и перья», не было необходимости. Эти разговоры выражали здоровое нетерпе-

политорганов подтвердили эти выводы. Политотделам пришлось потом немало поработать, чтобы предупредить недостатки в управлении политработой в бою.

Утром 14 января 1944 года артиллерийский огонь невиданной силы потряс воздух. Это ударили орудия «ораниенбаумского пятачка». В Ленинграде вначале слышался гул, напоминающий шум далекого прибоя. Затем он рос, ширился, несокрушимым потоком двигался к Неве. И из уст в уста по улицам и проспектам города-героя несло радость:

— Началось!

На 65-й минуте войска 2-й ударной армии под командованием генерал-лейтенанта И. И. Федюнинского перешли в наступление. Уже в первые часы боя они прорвали фронт шириной 10 километров и продвинулись в глубину до четырех километров. А пушки флота и орудия наступающей армии продолжали бить и бить. У воинов ленинградцев было из чего вести сокрушительный огонь по врагу: к началу наступления войска Ленинградского фронта располагали таким количеством орудийных стволов, которое было равно тому, что имела вся русская армия в 1915 году.

Захваченный в плен капитан на первом допросе сказал: «Русский огонь был исключительно мощным. Я думаю, что наша батарея полностью уничтожена».

А сколько таких батарей закончило свое существование под Ленинградом!

В 9 часов 20 минут следующего дня вспышки артиллерийских залпов замелькали на всем пространстве от южных окраин Ленинграда до Пулкова. Замечательное это было зрелище! В туманном морозном воздухе вспышек становилось все больше и больше. И серый день стал светлее нашего раньше срока. А над обороной противника бушевало пламя, прорезаемое снизу вверх черными столбами дыма.

Мы наблюдали эту картину с командного пункта (КП), который размещался на здании недостроенного Дворца Советов. Смотрели в один из проломов на чердаке. Наша морская артиллерия вела огонь сразу по 90 целям.

Не успели смолкнуть последние выстрелы почти двухчасовой артподготовки, как из окопов и выносных траншей рванулись вперед наши солдаты. Начала наступление армия генерала И. И. Масленникова. На одном из важнейших направлений, там, где лежала плоская Виттоловская возвышенность, в бой своих гвардейцев повел наш старый друг ханковец генерал Н. П. Симоняк.

варя она освободила Новгород. 21 января 67-я армия Ленинградского фронта под командованием генерала В. П. Свиридова заняла город Лугу. Таким образом фланговые группировки 18-й армии противника были разгромлены, и создались условия для наступления по всему фронту от Копорского залива до озера Ильмень.

Теперь оставался сильно укрепленный гатчинский узел, который надо было сломить, чтобы завершить снятие блокады с города. Удержанию в своих руках Гатчины противник придавал большое значение, он еще надеялся оправиться от удара. По войскам 18-й армии был издан приказ, в котором говорилось, что взятие русскими Гатчины явится смертельным ударом для большой группы немецких войск, и предлагалось удерживать ее во что бы то ни стало.

26 января после упорных боев в Гатчину первыми ворвалась группа автоматчиков во главе с балтийским моряком старшиной 1-й статьи Петром Косаревым, а после четырехчасового уличного боя старшина Силин поднял на балконе высокого здания в центре города красный флаг.

20 января, на второй день после освобождения Красного Села и Ропши, мы поехали по фронтовым дорогам. Хотелось по свежим следам посмотреть поле боя. С трудом пробиваемся вперед. Дорога запружена. Новые части движутся в сторону уходящего от стен Ленинграда боя.

Заехал в Стрельну взглянуть на Константиновский дворец. К зданию подойти нельзя — мины. А хочется. Осторожно пробираюсь по узкой дорожке. У самого здания, в конце дорожки, торчит противотанковая мина. У входа во дворец надпись: «Мины». Так и не удалось мне пробраться в тот день в помещение, где встретил я первую весть о войне.

Тяжелое впечатление от пребывания в Петергофе. Город разрушен. Нет, это не то слово. Варварски искалечено каждое здание. В парке стоят израненные деревья.

В Ропше запомнились большое количество разбитой техники противника и огромное кладбище немецких солдат. Кресты стоят правильными рядами. Их сотни. Сколько же полегло тут оккупантов еще до нашего наступления! А рядом по обочинам дорог, в траншеях и у траншей, в развороченных снарядами блиндажах, в оружейных двориках трупы, трупы и трупы. Это возмездие!

В Ропше встречаю А. А. Кузнецова. Худощавый, подвижный, звонкоголосый.

— Это ваши морячки постарались, — говорит он, указы-

вая на расколотый снарядом дот.— Видно, 180-миллиметровым снарядом. Смотрите, как орех, раскололся.

Стоим, смотрим. Всюду, куда хватает глаз, воронки от снарядов и бомб, сожженные танки, исковерканные орудия. А. А. Кузнецов возвращается в Ленинград, я еду дальше.

Высота 112. Здесь у гитлеровцев был главный командный пункт. Отсюда Линдеман, Ферч и другие фашистские генералы отдавали приказание вести огонь по Ленинграду. По этому логову были корабельные пушки. Их снаряды смешали вражеских наблюдателей с цементом и снегом.

Красное Село. Здесь корабельная артиллерия взорвала эшелон противника с боезапасом. Валяются искореженные взрывами платформы, вагоны. И снова встреча со своими. Это артиллеристы. Если мне память не изменяет — полковник Кобец и подполковник Проскурин. Они изучали результаты действия нашей артиллерии. Это не только интересно, но и очень поучительно.

Было известно, например, что орудия такой-то батареи или такого-то корабля сделали столько-то выстрелов по такой-то цели. А куда попали? Какой результат? Артиллеристы записывали, какие узлы сопротивления разрушены, сколько орудий противника уничтожено и т. д. Данные получились хорошие. Стреляли корабли, форты и железнодорожные батареи метко. Но к артиллерийским разведчикам было немало претензий: некоторых указанных ими целей на местности не оказалось. Через несколько дней Военному совету было доложено, что на Красносельском направлении из двадцати трех целей, указанных артиллерийскими разведчиками, на местности обнаружено только пятнадцать. Из этого были сделаны необходимые выводы.

Изучали результаты своей работы и летчики. А потом все это разбиралось на занятиях и учениях и, конечно, помогло при организации дальнейших боевых операций.

В последней битве под Ленинградом противник понес большие потери. Он оставил на поле боя только убитыми до 90 тысяч солдат и офицеров. Нашими войсками было захвачено много военной техники, в том числе более 2800 орудий и 4700 минометов.

24 января фашисты были выбиты из Пушкина и Павловска, на другой день — из Мги. Со взятием Гатчины была сокрушена вся система вражеских укреплений под Ленинградом. Окончилась блокада, прекратились обстрелы. Гром наших пушек отодвинулся к Луге и Нарве. Разбитая 18-я

немецкая армия отступала. Вся группировка фашистских войск, действовавшая в направлении на Ленинград, была поставлена перед катастрофой. 27 января был получен приказ командующего Ленинградским фронтом Л. А. Говорова. В приказе объявлялась благодарность войскам и морякам Балтийского флота, участвовавшим в боях за освобождение Ленинграда от блокады. Благодарность была в приказе. Благодарность и любовь к воинам расцветали в сердце каждого ленинградца и ленинградки.

Родина высоко оценила мужество и отвагу балтийских моряков в сражении за разгром врага под Ленинградом. 73-й бомбардировочный авиационный полк и 101-я бригада железнодорожной артиллерии были преобразованы в гвардейские. Наиболее отличившиеся части получили наименования «Ропшинских», «Гатчинских» и «Красносельских». Крейсер «Максим Горький», два дивизиона тральщиков и некоторые другие части Указами Президиума Верховного Совета СССР были награждены орденами Красного Знамени.

С 14 января 1944 года, когда началось наше наступление под Ленинградом, до салюта, ознаменовавшего освобождение города от вражеской блокады, Ленинград, фронт, флот жили одной общей всепоглощающей мыслью: разбить врага, разрушить фашистский «северный вал», опоясывающий город, уничтожить пушки, стрелявшие по площадям и улицам города-героя, вбить в землю гитлеровских захватчиков. Все силы ненависти к врагу, накопленные за время войны, обрушились в те дни на его голову. Это был завершающий этап подвига Ленинграда.

«Подвиг, совершенный ленинградцами, затмил древние мифы и исторические были о выдержке, стойкости и героизме осажденных врагом городов», — справедливо говорится в книге «Великая Отечественная война Советского Союза»¹.

¹ «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история». 1965, стр. 319.

Победа советского оружия под Ленинградом внесла серьезные изменения в обстановку на Балтийском театре войны. Наш флот получил новые маневренные базы. С основных баз была снята угроза артиллерийских обстрелов.

Было совершенно ясно, что Финляндия, несмотря на отчаянное сопротивление реакционных сил, будет сломлена и выведена из войны, что до осени флот вернется в Таллин. Таким образом, для Краснознаменного Балтийского флота наступал новый этап в Великой Отечественной войне.

В середине февраля 1944 года мы проверяли соединения Ленинградской военно-морской базы. В беседах с краснофлотцами и офицерами речь шла, конечно, о только что завершенном разгроме немцев под Ленинградом, о том, что надо быть готовыми к новым важным событиям на Ленинградском фронте. Всюду, где шли такие беседы, сквозила одна, давно известная мысль: надоело сидеть в обороне, пора и нам, морякам, продвигаться вперед, пора в Таллин, в западные базы.

— В Финском заливе не скоро продвинешься, — скептически заметил один из командиров. — Сначала фарватеры от мин надо очистить.

— Очистим, — заметил другой, — теперь у нас тральщиков не полтора десятка, как было в начале войны.

— Не будьте наивными, дорогие товарищи. Тралить, конечно, надо, и очень быстро. Но неужели вы думаете, что корабли, и прежде всего подводные лодки, будут ждать, когда пахари моря проложат им путь в Балтику? — вмешался в разговор сидевший в сторонке капитан-лейтенант. — Вот выбьем из войны маннергеймовцев, и финские лоцманы поведут наши кораблики финскими шхерами на морские просторы.

— А это значит, что нам надо получше готовиться, чтобы открыть себе путь в шхеры, — поддержал капитан-лейте-

нанта командир базы А. П. Александров,— а все ли мы делаем как следует?

И тут посыпались критические замечания. Развернулся такой откровенный разговор, который не всегда возникает в присутствии начальства, а к такому разговору начальству всегда полезно прислушаться.

Мы с командиром базы этой беседой остались очень довольны и ехали к нему в штаб под ее впечатлением.

Капитан 1-го ранга А. П. Александров был хорошо подготовленным, теоретически грамотным офицером, с хорошей военной выправкой, с мягкими и экономными движениями. Он даже внешним своим видом положительно влиял на окружающих офицеров. Обаяние командира усиливалось внимательным и тактичным отношением к подчиненным, высокой культурой речи.

— Мне думается, Николай Константинович, что теперь наш флот значительно сильнее, чем был в первые месяцы войны,— вопросительно заметил он.— Смотрите, что получается: люди неизмеримо выросли, возмужали, приобрели боевой опыт. Малых военных и вспомогательных кораблей стало больше...

И мы стали перечислять боевые средства флота. Получилось, что только в 1943 году вошло в строй очень много новых кораблей. Со стапелей сходили морские броневые катера, тральщики, тендеры, вспомогательные корабли, транспорты. Строились и подводные лодки. Много замечательных боевых кораблей было построено руками ленинградских рабочих и военных моряков в 1941 и 1942 годах...

Авиация флота непрерывно пополнялась новой материальной частью, а самое главное — новые наши самолеты были лучше самолетов противника и по скорости, и по маневренности, и по потолку, и по вооружению.

Увеличилось и артиллерийское вооружение флота.

В связи с ростом боевых средств создавались новые морские и авиационные соединения. Это требовало усиленной подготовки офицерского состава, младших командиров и краснофлотцев.

Работа с офицерским составом у нас на флоте постоянно занимала важное место. Она не прекращалась и в самые трудные дни войны. Особенно помогло нам одно крупное мероприятие, которое мы проводили с 1942 года. Заключалось оно вот в чем: Военный совет дал указание — каждому командиру, независимо от его должности, готовить двух за-

местителей. Это указание неуклонно выполнялось, а боевая обстановка способствовала быстрому росту командных кадров. Теперь, если нужно было выделить командиров на новое формирование или заменить того или иного офицера, мы располагали достаточным резервом.

Состояние кадров командного состава у нас на Балтийском флоте было закономерным выражением общего качественного роста командных кадров Вооруженных Сил Советского Союза. Совершенствование организаторских способностей командиров, их политическая зрелость позволили Коммунистической партии и Советскому правительству установить в октябре 1942 года полное единоначалие и упразднить институт военных комиссаров. Это мероприятие по укреплению боевой мощи Вооруженных Сил повысило ответственность командиров за весь вверенный им боевой организм, и прежде всего за воспитание личного состава, подняло их авторитет.

Положительно сказалось на укреплении командных кадров и еще одно обстоятельство, вытекающее из упразднения института военных комиссаров: часть политработников была переведена на строевую работу. Это были, как правило, крепкие партийные вожаки, имеющие большой опыт работы с людьми, а многие и неплохую командирскую подготовку.

К нашей беседе с капитаном 1-го ранга А. П. Александровым присоединился начальник политотдела Ленинградской военно-морской базы П. В. Боярченко.

— А как наши товарищи зарекомендовали себя на командирской работе? — спросил он. — Как Молодцев себя чувствует?

Семена Степановича Молодцева, бывшего военкома штаба флота (теперь генерал-майор запаса), провожали политработники с грустью и гордостью. Некоторые, в частности и П. В. Боярченко, откровенно ему завидовали. Еще бы, он получил такое серьезное назначение — комендант Островного района.

— Смотри, Семен, не подкачай, — говорили ему на прощание, — «не пощади живота своего» в новой должности.

И Семен Степанович не подкачал, он вполне оправдал доверие товарищей.

Многие ушли тогда на командную работу. П. Гончаров, бывший комиссар полка ПВО, был назначен заместителем командира полка морской пехоты. Комиссар Ижорского укрепленного района товарищ Денилкин пошел командиром

полка. Михаил Сергеевич Родионов, работавший военкомом тыла флота, был назначен на хозяйственную работу.

— Назначьте и меня на командную работу,— попросил П. В. Боярченко,— на тральщик, например, сейчас есть вакантные должности, или на дивизион катеров. Даю слово — справлюсь.

Вернулся я в штаб флота поздно. Меня поджидал там начальник Пубалта Василий Трофимович Волков. Пубалт предполагал собрать начальников политотделов, чтобы подвести итоги работы по политическому обеспечению наступательных операций. С оценкой партийно-политической работы выступал В. Т. Волков. На Балтике он был человеком новым, да и опыта на крупной руководящей работе еще не имел. Начальники политотделов к нему присматривались, и я должен был помочь ему сделать правильные выводы. Просидели долго.

Совещание прошло хорошо. На нем говорилось, что воевать мы теперь обязаны лучше. И не только потому, что враг стал слабее, а и потому, что мы стали намного сильнее.

За два с половиной года войны партийная организация флота, несмотря на потери, удвоилась и продолжала расти в 4 раза быстрее, чем до войны. Из общего числа командиров, аттестованных на продвижение, две трети составляли коммунисты. В рядах партии состояли не только командиры всех соединений, но и большинство командиров кораблей и частей.

Почти все Герои Советского Союза — коммунисты. Это потому, что туда, где дело победы требует не только военного мастерства, но и самой жизни,—туда идут коммунисты. Приводились примеры и факты, которых не забудешь.

Вот как погибли летчик коммунист старший лейтенант В. Кретович и парторг эскадрильи штурман И. Быков. Штурмовик, на котором выполняли они боевую задачу, получил прямое попадание снаряда. Машина запылала и в любое время могла взорваться. Летчики не погрешили бы против своей партийной совести, если бы оставили горящий самолет и спустились на парашютах. Но они видели, что по другим нашим самолетам ведет огонь корабль противника, огонь, который может помешать выполнению задания. И летчики направили свой горящий самолет с грузом бомб на вражеский корабль. Они взорвали его, отдав за эту победу самое дорогое — свою жизнь.

Были на совещании и такие выступления, с которыми нельзя было согласиться. Некоторые начальники политотделов представляли себе задачи политического обеспечения упрощенно, формально, по-казенному. Они измеряли уровень политработы количеством бесед и других массовых мероприятий, после проведения которых можно было поставить «птичку» в тетради учета работы. Если формализм, казенщина и начетничество вредны в мирных условиях, то во время войны тем более мириться с ними было нельзя.

Считая крайне важным поправить этих товарищей, я привел в своем выступлении выдержку из дневника погибшего на подводной лодке Щ-323 военкома Круглова и замечания писателя А. И. Зонина.

В дневнике было иронически записано: «...нач. политотдела «долбает» меня за то, что... проведено только 15, а не 45 бесед». Это ли не упрек формалистам? Такой же упрек сделал и писатель А. И. Зонин.

Александр Ильич Зонин зашел ко мне сразу после возвращения из боевого похода на подводной лодке.

— ...Я сам был когда-то политработником,— говорил он,— и знаю цену горячему, убедительному слову. А вот во время похода я убедился, что иногда бывает лучше помолчать. Уж больно много бесед проводится. Люди устали, им отдых нужен, силы надо восстановить... Может быть, через несколько минут опять на лодку глубинные бомбы посыплются. А тут парторг беседу проводит на тему «Наше дело правое, мы победим». Кто в этом сомневается?

Другие все дело политического обеспечения боевой операции сводили к тому, чтобы достигнуть высокого морального состояния личного состава, боевого порыва, желания драться с врагом и победить его. Это тоже недостаточно глубокое понимание задач политработников и партийной организации. Слов нет, значение морального фактора в бою трудно переоценить. Но можно иметь высокое моральное состояние войск и бросить их против врага без достаточной подготовки и оружия.

Политическое обеспечение — это обеспечение высокой боеспособности корабля, части, соединения. А чтобы добиться этого, нужно не только достигнуть боевого подъема в войсках, но и определить, от чего зависит их боеспособность, и принять нужные меры. Забвение последнего обстоятельства приводит к плохим последствиям. На этот счет немало у нас было примеров.

Проводится высадка десанта. Условия сложные: лед, высадка на виду у противника. У десантников высокий боевой подъем, хорошее вооружение. А командиры взводов не имеют при себе карт места высадки. Среди них — коммунисты. Десант возглавляют коммунисты. Политотдел принимал в подготовке десанта самое горячее участие. И беседы проведены, и митинги, а топографических карт не оказалось. Из-за такой мелочи хороших людей погубить можно и боевую задачу не выполнить.

Так мы вскрывали недостатки в работе, вскрывали беспощадно, чтобы лучше подготовиться к предстоящим решающим боям.

Кампания 1944 года на море началась рано. Командование фашистскими военно-морскими силами имело задачу любыми средствами блокировать наш флот на линии Усть-Нарва — Большой Тютерс — Гогланд. Оно не хотело допустить прорыв советских подводных лодок в открытое море. Для обороны Прибалтики противник располагал значительными силами. В Лиепае, Клайпеде, Пиллау, Данциге и других базах было сосредоточено большое количество немецких военных кораблей. Здесь находились два линкора, восемь тяжелых и легких крейсеров, более тридцати миноносцев, несколько десятков подводных лодок, много тральщиков, сторожевых и десантных кораблей.

Но тщетны были усилия врага. Наша авиация господствовала в небе над морем и топила корабли противника. Особое восхищение смелостью и искусством вызывало так называемое топмачтовое бомбометание.

Кому не приходилось в детстве бросать в воду черепок или камешек и смотреть, как он подпрыгивает, ударившись о поверхность воды, снова шлепается в воду и опять подпрыгивает. Иногда удачно брошенный камешек подпрыгивает над водой десяток, а то и более десятка раз. Так вот, оказывается, подпрыгивать может не только черепок, но и бомба, если ее сбросить с самолета под определенным углом. На этом принципе и было основано топмачтовое бомбометание, искусством которого овладели многие наши летчики. Самолет с большой скоростью, на очень низкой высоте шел курсом вражеского корабля. Не долетая до цели, под определенным углом он сбрасывал бомбу. Бомба, сохраняя приданную ей самолетом инерцию, ударялась о водную поверхность, рикошетировала — проносила какое-то время над водой, снова отскакивала от нее и в конечном счете насти-

гала и поражала транспорт. Самолет же после освобождения от бомбы круто поворачивал в сторону.

Такое бомбометание было весьма эффективным, но и требовало большого мастерства от авиаторов. Нужно ведь не только обнаружить цель и определить ее курс, но и исключительно точно рассчитать угол падения бомбы. Большая выдержка и точность требовались и при отклонении самолета от цели. Не исключалась возможность удара прыгающей бомбы о самолет.

В результате успешных действий нашей авиации в Финском заливе с января по апрель 1944 года было уничтожено более 60 фашистских кораблей и добрых три десятка судов повреждено. Враг был вынужден сократить перевозки морем.

Первомай... По-разному у разных народов звучит это слово. Но для трудящихся всех стран оно означает одно — праздник весны и труда, праздник борьбы за счастливое будущее. Два года Ленинград встречал Первомай в условиях блокады. Два года на его улицах не появлялись традиционные вестники весны — букетики первых цветов. Накануне первомайского дня 1944 года на углу Невского и Садовой, там, где недавно адела кровь жертв варварского обстрела, я увидел продавщицу цветов. Люди спешили — кто торопился в часть, кто к станку, но многие становились в очередь за букетом первых весенних цветов.

Это торжествовала жизнь. Город обретал черты довоенного жизненного уклада. Еще не была снята угроза с его северных рубежей, когда пленум Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) с большим вниманием обсуждал вопрос о восстановлении Ленинграда. Несколько позже исполком Ленинградского Совета депутатов трудящихся вынес решение установить крейсер «Аврора» навечно на Неве как памятник матросской славы в дни Великого Октября.

В мае 1944 года мне довелось вручать от имени Президиума Верховного Совета СССР орден Ленина I Ленинградскому военно-морскому госпиталю. В 1942 году такую же высокую награду получил Кронштадтский военно-морской госпиталь. Оба они существуют с петровских времен и являются (думаю, что не ошибаюсь) единственными госпиталями в стране, которые имеют столь почетную награду. За время войны не раз приходилось выполнять эту приятную обязанность — вручать награды матросам и офицерам, подводникам и летчикам, катерникам и артиллеристам, Героям и два-

жды Героям Советского Союза, кораблям, частям и соединениям. И всегда вручение боевых знаков отличия вызывало большое душевное волнение и радость за награжденных. Награждение I Ленинградского военно-морского госпиталя вызвало особое чувство уважения к скромным людям в белых халатах, вернувшим к жизни тысячи и десятки тысяч матросов и офицеров.

В связи с упоминанием об этом событии хочется выразить глубокую благодарность медицинским работникам — врачам, санитарам, медицинским сестрам, нянечкам — всем, кто заживлял раны нашим воинам, ухаживал за ними, отдавал им тепло своего сердца, вводил их в строй. Трудно представить себе нашу победу без участия этих беззаветных тружеников фронта.

Медицинские работники выполняли свой долг под огнем противника. Знаки красного креста на госпиталях и санитарных транспортных не являлись защитой от вражеских бомб и снарядов. Наоборот, на них с особым ожесточением нападала фашистская авиация. Так было во время налетов на Кронштадт, так было на переходах морем. Первые бомбы в первый день войны падали на Либаковский военно-морской госпиталь. Не желая попасть в руки врага, начальник этого госпиталя Иван Иосифович Чинченко¹ водил подчиненный ему персонал с оружием в руках на прорыв вражеского окружения. С ним следовали автомашины с ранеными. Госпиталь потерял тогда треть персонала, но прорваться не удалось. Надо было спасать раненых, и пришлось вернуться в Либаву, пока в городе не было еще немцев. Медицинскому персоналу госпиталя удалось уничтожить истории болезней и другие документы, по которым можно было установить коммунистов, комсомольцев, командиров, политработников, и тем самым уберечь их от уничтожения.

Всеобщим уважением воинов за хорошую постановку лечебной работы пользовался медицинский персонал героического Ханко, особенно популярны были врачи Ю. В. Лукин и инициатор строительства подземного госпиталя коммунист Н. Н. Белоголовов. Один из них, Ю. В. Лукин, погиб во время артиллерийского обстрела. Не думая о собственной безопасности, он руководил укрытием раненых. Осколок снаряда пробил грудь и сердце врача.

¹ В настоящее время врач И. И. Чинченко в отставке, живет в Одессе.

Напряженную, не предусмотренную никакими канонами войны работу вели медики Ладужской военной флотилии. Они обслуживали не только военных моряков и воинов «дороги жизни», но и эвакуируемых ленинградцев. Для больных и обессиленных жителей города, перевозимых на Большую землю под руководством флагманского врача коммуниста И. Н. Томилина на транспортах «Чапаев» и «Совет», были организованы постоянные хирургические группы, а на всех других кораблях — медицинские посты. Для перевозки раненых фронтовиков в тыловые госпитали были оборудованы пароходы «Ханси» и «Вильсанди». Многие тысячи ленинградцев обязаны своими жизнями славному коллективу медиков Ладужской военной флотилии.

А как мужественно и умело вели себя медицинские работники на госпитальных судах во время переходов Финским заливом! Госпитальное судно «Андрей Жданов» 24 августа 1941 года шло из Таллина в Кронштадт. На борту было 860 раненых. Налетела авиация противника. Бомбы падали рядом. Судно получило 38 пробоин (прямых попаданий не было), и осколками были разрушены обе перевязочные. Раненые, большинство которых были совершенно беспомощны, метались, их состояние ухудшилось. Только спокойствие и распорядительность неотлучно дежуривших у коек больных врачей и сестер предупредили губительную панику. Чувство долга медицинского персонала преодолело страх перед возможной гибелью, и благодаря этому была сохранена жизнь всех до одного раненых. Особая заслуга в этом начальника госпитального судна врача С. А. Лещева и старшего хирурга П. Я. Богаченко.

Врач Ф. Т. Коровин, на попечении которого находилось 1200 раненых на транспорте «Луга», был не только хорошим врачом и умелым организатором, но и достаточно подготовленным моряком. После перегрузки раненых с гибнущей «Луги» на латвийское грузовое судно Федор Тимофеевич заменил на мостике раненого капитана¹.

Вспоминается военфельдшер отважная Лариса Чернявская, посмертно награжденная орденом Ленина. Во время Усть-Тосненской операции она двумя рейсами катера доставила с поля боя 75 раненых. Лариса готовила к эвакуации третью группу раненых, когда по берегу просочились немцы.

¹ После войны полковнику медицинской службы Ф. Т. Коровину за научные работы было присуждено звание лауреата Государственной премии.

Наш заслон — небольшая группа солдат — стал отходить. Появилась угроза для раненых. Чернявская остановила отступающих бойцов и повела их в атаку на врага. Немцы были отброшены. В этом бою Лариса была убита.

На флоте работало много замечательных врачей. Часто бывал у нас и много помогал прославленный профессор И. И. Джанелидзе — главный хирург Военно-Морского Флота. Главным хирургом КБФ в 1941—1942 годах был профессор Б. В. Пунин, который пришел на Балтику еще в начале двадцатых годов. Каждый день в тяжкую блокадную зиму 1941/42 года, шатаясь от усталости и недоедания, шел он в госпиталь к раненым, тяжело опираясь на палку. Ни сигналы воздушной тревоги, ни артиллерийские обстрелы не могли остановить его спасительной работы.

Сменил Бориса Васильевича на посту главного хирурга КБФ генерал-майор профессор М. С. Лисицын. Блестящий хирург, человек кипучей энергии, он всегда появлялся там, где было «жарко». Во время прорыва блокады он оперировал раненых в подвижном морском госпитале, выдвинутом вплотную к переднему краю. Во всех наступательных боях 1944—1945 годов Михаил Семенович организовывал хирургическую помощь на передовых этапах медицинской эвакуации. После войны, до самой своей смерти, профессор Лисицын работал начальником кафедры Военно-морской медицинской академии, а затем академии имени Кирова и передавал свои знания и богатый опыт молодым врачам.

Многие военные моряки добрым словом вспоминают главного терапевта КБФ, работающего сейчас начальником кафедры Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова, генерал-майора профессора Григория Андреевича Смагина. Сам больной дистрофией, он находил в себе силы совершать врачебные обходы раненых. Крупный специалист, душевный, чуткий, отзывчивый, обаятельный человек, Григорий Андреевич, кажется, одной своей улыбкой располагал к себе больных и добрым словом вселял в них веру в выздоровление.

Крупный ученый, ныне действительный член АМН СССР Владимир Ильич Иоффе был во время войны главным эпидемиологом КБФ. Благодаря его неутомимой деятельности доступ на флот инфекции был прегражден. Нелегкое это было дело в осажденном Ленинграде.

Надо написать объемистую книгу, чтобы рассказать о самоотверженной работе медицинского персонала на кораб-

лях, в авиации, в частях береговой обороны и морской пехоты. В моей не хватит для этого места. Как расскажешь, например, в нескольких словах о работе М. И. Андреевой и А. И. Сазоновой — старейших не только на флоте, но и в стране медицинских сестрах, участницах русско-японской войны, встречавшихся с адмиралом Макаровым, участницах первой мировой войны и ухаживавших за ранеными на протяжении всей Великой Отечественной войны?

Как в немногих словах поведаешь читателю о работе А. П. Никитина, первого на Балтике врача, награжденного орденом Ленина?

Как можно мимоходом говорить о таком человеке, как флагманский врач бригады подводных лодок Тихон Алексеевич Кузьмин? Недостаточно сказать, что он многое сделал для сохранения сил и здоровья экипажей лодок во время их длительных, чрезвычайно трудных боевых походов. Мало указать, что Тихон Алексеевич завоевал уважение и любовь подводников. Он заботился не только о матросах и офицерах. В тяжелые дни блокады Кузьмин навещал семьи подводников, находившиеся в Ленинграде, приносил им лекарства и доброе слово. Уходивший в море подводник знал, что его семья находится под присмотром доктора. Какое огромное значение имело это для тех, кто в море!

Тихон Алексеевич прослужил на флоте 53 года. Он участник Ледового похода, награжден многими орденами.

Наступление! С каким подъемом готовились к нему матросы и офицеры. Готовились настойчиво и добросовестно. Опыт боев по снятию блокады подсказывал, что противник будет упорно сопротивляться. Но приходилось слышать и такие, например, рассуждения:

— Теперь проще будет. Наступление воодушевляет.

— Люди только и ждут, когда вперед пойдем.

— Гитлер, как Наполеон после Бородино, скоро побежит.

От подобных настроений был один шаг до самоуспокоенности и беспечности. Партийная организация и политаппарат флота провели большую работу, чтобы не допустить легкомысленных настроений в оценке предстоящих боев. Наши войска умели стоять насмерть в обороне, но не имели достаточного опыта в движении вперед. С этим надо было считаться. Флоту предстояло решать трудные задачи. Достаточно сказать, что в Финском заливе нами и противником было поставлено более 60 тысяч мин.

Наибольшие трудности выпали весной и летом 1944 года на долю наших тралящих кораблей. Задание по тралению было дано напряженное. В кратчайшие сроки предстояло протралить подходные фарватеры и маневренные районы вблизи Выборгского и в Нарвском заливах. Фронт готовил операции по освобождению Выборга и Прибалтики, и Балтийский флот должен был оказать большую поддержку флангам наших наступающих армий.

Много врагов было в ту кампанию у трудяги тральщика. Это и береговые батареи гитлеровцев, и авиация, и отряд дозорных кораблей, и мины, мины. Особенно опасны были мины, сорванные с якорей весенними штормами. Матросы называли их «блуждающими смертями».

Такая обстановка требовала высоких моральных качеств от личного состава «пахарей моря». И наши товарищи, ежедневно ходившие рядом со смертью, показывали исключительные образцы героизма. По 18—20 часов в сутки находились они на тралении. В базу возвращались только для того, чтобы принять горючее и боезапас. И снова — в море.

Но и среди храбрых бывают наихрабрейшие. Такими в семье героев траления были экипажи дивизиона Федора Пахольчука. За ними еще с 1942 года закрепился своеобразный рекорд — катера Пахольчука приняли на себя наибольшее количество бомбоштурмовых ударов врага. Этот рекорд сохранился за ними и позднее.

В конце мая 1944 года дивизиону Пахольчука пришлось выдержать и отразить налет 70 самолетов, через несколько дней — налет 36-ти. Последний был особенно грозным. Тральщики приняли удары, находясь на большом, еще не протраленном минном поле.

Не дрогнул капитан-лейтенант Пахольчук, не растерялись матросы и офицеры. Экипажи катерных тральщиков видели спокойную, уверенную фигуру командира дивизиона на мостике 810-го. Под стать командиру были его люди. Потеряв силы, лежа продолжал командовать кораблем раненный в грудь и ноги мичман Пучков. Старшина 2-й статьи Березанский вступил в единоборство с фашистским штурмовиком и в упор расстрелял его из пулемета. Искusstво сделав несколько маневров, поставив дымовую завесу, Пахольчук в конце концов заставил фашистов штурмовать... пустой квадрат моря.

Отличился Пахольчук и в последующих боях, за что и

был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Впоследствии к его многочисленным наградам прибавился орден Британской империи, награждение которым дает право называться «сэром». Помню, начальник политотдела бригады траления капитан 2-го ранга Ф. Д. Шаройко докладывал мне как-то, что друзья Федора «замучили» его этим званием и он не на шутку сердился, когда слышал «сэр Пэхольчук».

После поражения немецко-фашистской армии под Ленинградом правительство Финляндии обратилось к Советскому правительству с предложением о прекращении военных действий. Советское правительство выдвинуло вполне приемлемые для финнов условия перемирия. Но реакционные круги Финляндии сорвали переговоры. В мае 1944 года Советское правительство, не желая лишнего кровопролития, рекомендовало Финляндии согласиться на предложенные условия перемирия. Но и на этот раз прогитлеровские силы взяли верх. Финская правящая верхушка осталась глуха к нашим разумным предложениям. Создававшаяся обстановка требовала решительных действий с нашей стороны. На повестку дня встал вопрос о немедленной очистке Карельского перешейка от фашистских войск.

Если при наступлении под Ленинградом в январе Балтийский флот участвовал в разгроме немецких войск своей артиллерией, авиацией и морской пехотой, то теперь, кроме этих задач, предстояло проведение самостоятельных морских операций, особенно по высадке десантов. Дело в том, что фланги так называемого «Карельского вала» упирались в Финский залив и Ладожское озеро. Для прикрытия их противник сосредоточил значительные силы флота: в северо-восточной части залива находились миноносцы, канонерские лодки, до двух десятков сторожевых кораблей, много тральщиков и десантных барж, около сотни торпедных и сторожевых катеров, 15 подводных лодок.

Оборона у финских наемников Гитлера состояла из трех полос общей глубиной до 100 километров. Особенно хорошо укрепленной она была на Карельском перешейке, где противник весьма умело использовал обилие рек, болот, межозерных дефиле и лесные массивы. В тылу этих трех полос был оборудован Выборгский укрепленный район.

Наступление на главном — Выборгском направлении должно было вестись силами 21-й армии, которой командовал теперь бывший начальник штаба Ленинградского

фронта генерал Д. Н. Гусев, и силами 23-й армии под командованием генерала А. И. Черепанова. Части 21-й армии находились на южном берегу Финского залива, где они тренировались в районах Стрельны, Гостилицы и Красного Села. Чтобы противник не раскрыл наших замыслов, решено было не перебрасывать войска через Ленинград, а перевезти из Ораниенбаума на Лисий Нос.

Перед флотом вновь встала задача переброски больших людских масс через открытый водный рубеж. И вновь (уж который раз) ругали мы белые ночи. Пусть извинят нас ленинградцы, так обожающие это поэтическое время года. Пусть простят нас поэты, которых вдохновляют белые ночи. Нам тогда они были, как говорится, поперек горла. С надеждой всматривались командиры дивизионов в небо: не появится ли туча, не затянется ли небесный свод низкими свинцовыми облаками. Но погода стояла отличная, и мы вынуждены были коптить дымовыми завесами места посадки и высадки войск и создавать дополнительно противовоздушную оборону на всей трассе Ораниенбаум — Лисий Нос.

Несмотря на большие трудности, задача по перевозке войск была выполнена скрытно. 9 июня слово было предоставлено артиллерии и авиации фронта и флота. Они добросовестно трудились около суток и сокрушили важнейшие сооружения «Карельского вала». Из 189 запланированных целей было полностью разрушено 176. Удары советских артиллеристов были точными, сокрушительными и ошеломляющими. Капрал финской армии, попавший в плен в первый день нашего наступления, рассказывал на допросе:

«На нашем фронте очень долгое время царило полное затишье. Многие думали, что исход войны решится где-то в других районах, без нашего участия. И вдруг мы снова увидели войну со всеми ее ужасами. Русская артиллерия вела бешеный огонь. Кругом творилось что-то ужасное. Если ад существует, то и в нем не может быть хуже того, что мы пережили. Снаряды сравнивали укрепления с землей, опустошали наши ряды. Целые подразделения были уничтожены...»

10 июня 21-я армия форсировала реку Сестру. На другой день вдоль Ладожского озера двинулись в наступление войска генерала А. И. Черепанова. 17 июня обе армии подошли уже к третьей оборонительной полосе, так называемой линии Маннергейма.

Чем быстрее продвигались наши войска, тем дальше уходил противник из зоны артиллерийского обстрела стационарных батарей и кораблей Кронштадтского морского оборонительного района. На смену им для огневого сопровождения наступающих частей выступили канонерские лодки под командованием капитанов 1-го ранга М. Д. Полегаева и Э. И. Лазо, бронекатера (командир — капитан 3-го ранга В. Н. Герасимов)¹ и железнодорожные батареи.

Действия морской артиллерии в Выборгской операции отличались большой гибкостью, достигнутой благодаря широко применяемому маневру не только надводных кораблей, но и других видов артиллерии флота.

Очень удачно «маневр колесами» применяли артиллеристы-железнодорожники, которым накануне решительных боев на Карельском перешейке было вручено гвардейское знамя. Батареи офицеров Юркевича, Дегтяря, Проскурова буквально шли по пятам отступающего врага. По одной дороге на Перьярве двигалось сразу два дивизиона гвардии подполковников Гранина и Будкова. Железнодорожная ветка была одноколейной. Сосредоточивать на одной станции все батареи было невозможно и небезопасно. Гвардейцы нашли выход: одна батарея, расположенная ближе к противнику, соорудив небольшую ветку в сторону, вела огонь, вторая в это время свертывалась, а наиболее удаленная от врага перемещалась к нему вплотную.

Поздним вечером 18 июня 19-я батарея 101-й морской бригады первой из артиллерии фронта открыла огонь по Выборгу. Утром следующего дня над нашими боевыми порядками пролетел самолет У-2, который сбросил листовки — обращение Политуправления фронта к солдатам и матросам, изготовившимся к штурму главной твердыни финнов — Выборгу. В конце его говорилось:

«Вот он, старейший русский город, свидетель славы наших дедов, наша крепость на Балтике.

Чье сердце не забьется радостью при виде его стен? Из чьей груди не вырвется радостный, неудержимый, могучий призыв:

Вперед, на Выборг!»

Почти сутки продолжался штурм выборгских укреплений. 20 июня гитлеровцы были выбиты из Выборга. Озлоб-

¹ После гибели В. Н. Герасимова с 10 июля 1944 года дивизионом командовал А. Л. Коляда.

ленные поражением, финские фашисты оставили в городе десятки «факельщиков», которые вызвали большие пожары. На опустевших улицах еще несколько часов продолжались взрывы. Враг вел сильный минометный огонь по городу.

До 5 июля продолжались бои за острова. Несколько десантов мы высадили самостоятельно, а остальные операции проводили в тесном взаимодействии с 59-й армией (командующий — генерал-лейтенант И. Т. Коровников). У меня сохранились фотографии А. Дудченко, сделанные во время этих боев. Смелый фотокорреспондент находился тогда на борту одного из бронекатеров и запечатлел обстановку сражения не по свежим следам, а в ходе самого боя. Высокие белые фонтаны окружают наши катера. Впереди, сзади, справа и слева рвутся десятки вражеских снарядов и мин, но маневренность катеров отличная: они прорываются сквозь заслоны разрывов, прикрываются дымовыми завесами и сами бьют из пушек и пулеметов по врагу.

Захват острова Бьерке осуществлялся прорывом кораблей в узкий, 14-километровый, коридор пролива Бьерке-Зунд и высадкой десанта в тылу этого укрепленного архипелага. Противник в течение короткого времени четыре раза пытался сбросить десантников в море. К месту высадки десанта устремились вражеские корабли. Но десант удержал занятые позиции, а немецкие и финские суда были отогнаны нашим артиллерийским огнем.

Бои за острова, особенно в Выборгском заливе, пополнили летопись боевой славы нашего флота новыми яркими страницами.

...Впереди, за грядой валунов, лежал вражеский остров. По его отлогому берегу стлалась полоса разрывов — стреляли, отсекая врага от прибрежной части, наши корабли. Сверкал выстрелами и остров. Катер старшины 1-й статьи Алексея Рудченко вначале вырвался вперед, но затем неожиданно уменьшил ход и почти остановился на виду у противника. Сразу же у борта шлепнулся вражеский снаряд, и осколки прошли палубу.

— Так держать! — приказал командир.

Десантники — 20 ладных армейцев — удивленно поглядывали на старшину. «В чем дело? — казалось, хотели спросить они. — Почему так держать?» Но матросам маневр командира был ясен. Несколько катеров их дивизиона, вырвавшихся влево от острова, попали на минное поле. Потеряв маневренность, они стали мишенью для врага. Нужно было

отвлечь огонь от них. Рудченко сделал это и дерзко и искусно. Когда финны, считая катер потерявшим ход, сосредоточили на нем прицельный огонь многих орудий, Рудченко начал маневрировать. Катер буквально вертелся за грядой. А затем рванулся к берегу...

И еще подвиг совершил герой старшина в том бою... Катер шел за новой партией десантников. Вдруг впереди справа раздался взрыв. На воздух взлетел шедший навстречу с тендером на буксире «морской охотник». Пламя охватило тендер. Вспыхнул бензин. Языки пламени лизали воду. В ней барахтались полуобгоревшие пехотинцы.

«Спаси людей!» — мгновенно решает Рудченко. Подвергая себя смертельной опасности, добрых полчаса старшина и матросы подбирали пехотинцев. Большинство десантников было спасено. Раненный, с ожогами на руке и лице, капитан — командир армейского подразделения — потребовал держать курс к острову, где идет бой.

— Есть, товарищ капитан! — ответил А. Рудченко.

Герой понял героя. Солдаты Красной Армии должны достигать цели. И вновь катер вступил на минное поле...

Медалью Ушакова были отмечены подвиги Алексея Рудченко в Выборгской операции.

...22 июня 1944 года. Третья годовщина начала Великой Отечественной войны. Утро этого памятного дня экипаж катера старшины 1-й статьи Николая Лебедева встретил в море. В паре с другим катером он прикрывал прорыв нашего разведывательного отряда на остров Пийсари. Корабли за ночь скрытно подошли к одной из бухт, но, когда предутренний туман рассеялся, фашисты открыли шквальный огонь. Вперед немедленно вырвались два катера, словно своей дерзостью могли заставить замолчать вражеские пушки. Нет! Это не было неоправданным риском. Катера укрыли своих товарищей плотной дымовой завесой.

Так началось утро — последнее в жизни Николая Лебедева. Одиннадцать часов подряд старшина и его товарищи не выходили из-под огня противника. Их катер поспевал всюду: ставил дымзавесы, вел пулеметные дуэли с финнами, засевшими на валунами, косил меткими очередями вражеские орудийные расчеты. Во второй половине дня от финских берегов отошло несколько больших катеров, вооруженных автоматическими пушками и крупнокалиберными пулеметами. Им удалось вывести из строя один наш катер и обрушиться всей силой своего огня на катер Лебедева.

Огонь врага был жестоким. Вышел из строя правый мотор. Истекающий кровью, моторист Попов продолжал управлять другим мотором. Упал тяжело раненный пулеметчик Рыжкин. Лебедев сам стал за пулемет. Катер потерял ход и загорелся. Но и пылающий, прижатый к камням, он вел бой. Неизвестно откуда у людей брались силы, но из пламени и дыма в сторону фашистов неслись пули.

Убедившись, что катер спасти нельзя, Лебедев приказал всем оставить его. Старшина был ранен в грудь, но снова и снова нажимал на гашетки, расстреливая фашистов. И только тогда, когда осколок мины пробил голову молодому патриоту, изуродованный катер прекратил бой.

Великий Суворов в свое время говорил: «Врагов не считают, а бьют». Военные моряки неизменно следовали этому мудрому девизу.

В боях за Выборг отряд наших катеров блокировал вражеский гарнизон на одном из островов. Фашисты бросили в этот район миноносцы. Наши катера, прикрывшись дымзавесой, начали отход, вызвав к острову торпедные катера и авиацию. Чтобы подзадержать вражеские корабли, был оставлен сторожевой катер. Некоторое время он маневрировал на виду у неприятеля, а затем смело ринулся в бой. Гитлеровцы никак не ожидали атаки. Вероятно, по их мнению, это было безумием. Командир 45-миллиметрового орудия и реактивной установки Иван Башаков обрушил точные залпы на палубы миноносцев и вызвал пожар.

Не считал врагов и Герой Советского Союза Осипов, когда бросил свои катера в атаку на четыре немецких миноносца. Фашисты вели ураганный огонь, били по торпедным катерам из десятков пушек и пулеметов. Но дистанция до цели неумолимо сокращалась. Вскоре катера легли на боевой курс. Атака! Секунды ожидания... Взрыв огромной силы потряс воздух. Миноносец Т-31 разломился надвое. Вскоре он исчез в морской пучине. Другой корабль получил повреждения.

Нервы гитлеровцев не выдержали. Они поспешно ретировались, оставив на произвол судьбы часть экипажа Т-31. Барахтавшихся в воде немецких матросов подобрала наша катера.

Тогда же вскоре мы взяли пленных и со дна моря. Да, да, именно со дна. Произошло это так. В освобожденную бухту Койвисто пришли наши эскадренные тральщики «Полухин» и «Громов». Фашистская разведка узнала об этом. К бухте

направились немецкие подводные лодки. Несколько дней они подстерегали наши большие корабли. Один из подводных пиратов торпедировал катер МО-105.

К месту его гибели поспешил катер МО-103 под командованием старшего лейтенанта А. П. Коленко. Удалось спасти девять матросов. Из их рассказа выяснилось, что самолетов вражеских в зоне дозора не было, молчала и артиллерия финнов. Тогда отчего же вдруг взорвался МО-105?

Коленко принял правильное решение: остаться на дозорной линии и прослушивать акустическим прибором район взрыва. Вскоре акустик доложил, что слышит эхо от стального предмета со стороны берега. Там на грунте притаился враг. О том, как события развивались дальше, рассказывает в своих воспоминаниях бывший рулевой МО-103, ныне старший лейтенант Троценков. Он пишет:

«Всем нам нестерпимо хотелось отомстить фашистам за погибших товарищей. Лодка под водой шла со скоростью 14 узлов¹. Началась атака. Сбросили две малые и одну большую бомбы. Взметнулись ввысь огромные столбы воды. Бросаем еще бомбы. Одна из них, видимо, угодила в лодку. На поверхности воды стали появляться пузыри. Из лодки прорывался воздух. Но она продолжала уходить от нас. Когда до берега осталось километров восемь, заговорили вражеские батареи. Там видели, что мы бомбим лодку. Снаряды сперва рвались с перелетом, а потом близко у бортов катера. Не обращая внимания на сильный огонь, мы преследовали подводную лодку... С бомбосбрасывателя пошли в воду две большие бомбы. В это время мы почти «сидели» на лодке. И вот раздался два мощных взрыва. Кто-то крикнул: «Лодка всплывает!» Берег противника был рядом. Лодка действительно могла бы пойти на всплытие, но мы держали ее все время под атакой. И гитлеровцы не рискнули всплыть.

Шли минуты. Одна за другой рвались глубинные бомбы. Наконец запахло соляной, появились большие масляные пятна. Значит, потопили лодку. Нужно точно заметить место на карте и уходить от огня батарей. Каково же было наше удивление, когда из воды показались две руки, а потом голова. За ними еще и еще...»

Вся команда катера старшего лейтенанта Коленко была награждена орденами.

¹ Ход был, вероятно, 9—10 узлов.

Можно было и не останавливаться подробно на потоплении этой подлодки противника, не так уж мало погибло их на Балтике, но У-250 была лодкой с секретным оружием.

Военный совет принял решение о подъеме с глубины моря вражеской подводной лодки, и через три недели после потопления она уже была в Кронштадте. Поднять ее было не просто. Она лежала на глубине 30 метров вблизи вражеского побережья. В темное время суток водолазы под руководством капитана 3-го ранга И. В. Прохвотилова работали без отдыха. От переутомления некоторые теряли сознание, но, отдышавшись, снова спускались под воду: выполнить ответственную работу надо было как можно быстрее.

На лодке оказались ценные документы — шифры, коды, карты, приказы и наставления. С субмарины было изъято и новейшее оружие — самонаводящиеся акустические электроторпеды «Т-5». Насколько важно было извлечение этих торпед, можно судить по письму Черчилля советскому командованию:

«...Хотя эта торпеда еще не применяется в широком масштабе, при помощи ее было потоплено и повреждено 24 британских эскортных судна... Я уверен, что вы признаете ту большую помощь, которую Советский военно-морской флот может оказать Королевскому военно-морскому флоту, содействуя немедленной отправке одной торпеды в Соединенное Королевство...

Мы считаем получение одной торпеды «Т-5» настолько срочным делом, что мы были бы готовы направить за торпедой британский самолет в любое место, назначенное вами.

Поэтому я прошу вас обратить ваше благосклонное внимание на это дело, которое становится еще более важным ввиду того, что немцы, возможно, передали чертежи этой торпеды японскому военно-морскому флоту»¹.

Активно действовала в сражении за освобождение Карельского перешейка наша авиация. В середине июля группа пикирующих бомбардировщиков под командованием Героя Советского Союза В. И. Ракова и подполковника И. Н. Пономаренко потопила в базе Котка немецкий крейсер ПВО «Ниобе». Высокий боевой накал у летчиков-балтийцев поддерживался хорошо организуемой партийно-политической

¹ «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. 1. Госполитиздат, 1957, стр. 279.

работой в наших авиачастях. Много в этом направлении потрудились начальники политотдела С. С. Бессонов и Салтановский.

Летом 1944 года Ладожская флотилия участвовала и в прорыве «Карельского вала», прикрывая правый фланг наших войск, и в наступлении Карельского фронта, поддерживая его левый фланг. Моряки-ладожцы искусно провели очень важную Тулоксинскую десантную операцию.

Перед десантом была поставлена задача высадиться между реками Олонка и Видлица, перерезать железную и шоссеиную дороги и не допускать подхода резервов противника и отхода его войск. Командиром высадки был назначен капитан 1-го ранга Н. И. Мещерский. Десант блестяще справился с заданием. Несмотря на то что бушевавший на озере шторм помешал прислать помощь десантникам и поддерживать их артиллерийским огнем, высадившаяся в тылу врага морская бригада удержала захваченный плацдарм и 27 июня соединилась с частями Карельского фронта.

Хочется упомянуть здесь добрым словом погибшего в бою матроса Александра Мокшина. Его тело было обнаружено в районе деревни Видлицы. В партийном билете десантника товарищи нашли небольшую записку. В ней была всего лишь одна фраза: «Клянусь, не щадя своей крови и самой жизни, драться до полного освобождения нашей прекрасной Родины!» Рядом с моряком лежало одиннадцать неприятельских трупов. Александр Мокшин ходил в разведку и натолкнулся на тех, кто лежал теперь вокруг него. Он дрался, пока у него были патроны и гранаты, пока билось сердце. Последней гранатой герой подорвал себя, чтобы не попасть в плен.

За героизм личного состава при форсировании реки Свирь и прорыве сильно укрепленной обороны противника Ладожская военная флотилия Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 июля 1944 года была награждена орденом Красного Знамени. А спустя два с половиной месяца, когда состоялось подписание соглашения о перемирии с Финляндией, Краснознаменная Ладожская военная флотилия была расформирована. Война уходила на запад. Туда направлялись и люди и корабли. А просторы бурной легендарной Ладоги, как и встарь, начали бороздить рыбацкие баркасы и пассажирские пароходы.

Операции лета 1944 года в северной части Финского залива и у берегов Финляндии изобиловали примерами высокого мастерства многих наших командиров, больших и ма-

лых. И здесь прежде всего хочется вспомнить и отметить ныне покойного вице-адмирала Юрия Федоровича Ралля. Человек, горячо влюбленный в море, во флот, вступивший на палубу боевого корабля еще до революции, Юрий Федорович за годы Советской власти превратился в крупного военачальника. Эти качества он ярко продемонстрировал еще при прорыве флота из Таллина в Кронштадт осенью 1941 года. Во время Выборгской операции он был заместителем командующего армией по морской части. Его решения характеризовались умелым выбором сил и средств для выполнения главной задачи, искусной организацией всех видов взаимодействия однородных и разнородных армейских и флотских сил.

В сентябре 1944 года военные действия между СССР и Финляндией прекратились. Это резко расширило боевые возможности флота. Теперь представилась возможность для прохода наших кораблей через финские шхеры, минуя минные заграждения в Финском заливе. Понимая это, немецкое командование решило укрепить свои позиции в заливе захватом острова Гогланд. По этому поводу мы находим интересное толкование в книге адмирала Руге. Он пишет: «Когда в середине сентября 1944 г. Финляндия вышла из войны, одно немецкое соединение попыталось, следуя приказу Гитлера, отбить у финляндского гарнизона остров Гогланд... Однако гарнизон этот стал обороняться и получил такую мощную поддержку со стороны русских самолетов, что немецкое соединение было вынуждено вернуться, ничего не достигнув и потеряв 4 самоходные баржи, тральщик и 4 более мелких корабля. Это предприятие было одним из наиболее ненужных за всю войну, ибо фронт быстро откатывался назад и возможность снабжать маленький остров и наносить оттуда ощутимые удары по русскому судоходству в Финском заливе совершенно исключалась».

Руге легко делать выводы о ненужности этой операции через много лет после войны. Попытка занять Гогланд свидетельствовала, что фашистское командование не намерено было отступать даже после выхода из войны своих союзников. Гитлеровская армия цеплялась за каждый клочок земли, за каждый камень. Мы и не рассчитывали на бегство немецкой армии. Ее надо было вышибать с нашей земли, уничтожать.

Вспоминается один характерный эпизод из моего первого пребывания в столице капитулировавшей Финляндии. В день приезда в Хельсинках выступал ансамбль песни и пляски

Красной Армии. Огромный зал набит посетителями. В первых рядах высокопоставленные лица, члены финского правительства, их семьи. По выражению лиц чувствуется, что некоторые из этих избранных зрителей относятся к нам недоброжелательно и на концерт пришли, вероятно, по долгу службы.

Первый номер программы концерта был принят сдержанно. Это, пожалуй, было в традиции финнов, умеющих сдерживать свои чувства. Аплодировали легонько, как бы из вежливости. Но чем дальше шел концерт, чем темпераментнее становились выступления ансамбля, тем сильнее волновался зал. Сначала усиленные аплодисменты раздавались на задних креслах, где зрители были попроще. Потом пришли в восторг и наиболее сдержанные зрители первых рядов. В зале слышались возгласы одобрения на русском языке. Многие финны знали русский язык, да и русских, оказавшихся после революции в Хельсинках, вероятно, было немало.

Но вот на сцену вышел артист Виноградов. Он запел популярную тогда песенку «Темная ночь». Зал замер: ни кашля, ни вздоха, казалось, слышно было биение взволнованных сердец рядом сидящих людей. Когда Виноградов закончил петь, воцарилась на несколько мгновений тишина. Ее вдруг прервали рыдания женщин, а потом, заглушая их, раздалась восторженная овация всего зала. Она длилась несколько минут.

После концерта вышел на сцену, кажется, финский министр просвещения, чтобы поблагодарить участников концерта. Я не помню содержания всей его речи, но хорошо запомнил смысл и, пожалуй, дословное содержание последних его слов.

— Вы победили нас в этой войне силой своего оружия,— говорил он,— а сегодня вы, русские, победили нас силой своей культуры.

Признание ценное.

Военно-политическая обстановка на советско-германском фронте в середине 1944 года была для нас благоприятной. За июнь — июль — август потери гитлеровцев на советской земле превысили 900 тысяч человек. Советские войска теперь уверенно шли к государственной границе, нацеливая свои удары в логово фашизма. На запад устремились и балтийские моряки. И каждый из них, от командующего флотом до пулеметчика на тендере, мог с гордостью сказать:

— Родной Ленинград! Для спасения тебя сделали все, что могли. Совершили возможное и даже невозможное. Расцветай и красуйся, великий город!

Наши корабли бороздили Лужскую губу, Выборгский и Нарвский заливы. Теперь им здесь не угрожал вражеский огонь. Но по-прежнему их стерегла старая опасность — мины. Только весной и только в Нарвском заливе фашисты выставили около 5 тысяч контактных мин и более 3 тысяч минных защитников. Повсеместно траление затрудняли мины-ловушки. Много было и мелкосящих мин. Они предназначались против катерных тральщиков.

1-я бригада траления под командованием капитана 1-го ранга Ф. Л. Юрковского проводила тральные работы почти круглосуточно. Теперь даже в самую неблагоприятную погоду, когда на море поднимались крутые волны, в Нарвском заливе можно было увидеть, как к затраленным минам бесстрашно подходили матросы на шлюпках, чтобы подвесить на их рога подрывные патроны.

Да! Путь на запад флоту тральщики прогрызли в прямом смысле этого слова. Минная опасность таилась на протяжении десятков миль. Говорят, минер ошибается один раз в жизни. Ошибся — и нет человека. Тральщик тоже минер. Но ошибка одного из его команды может иной раз стоить жизни всему кораблю с его экипажем.

Помешать нашим тральным работам всячески пыталась фашистская авиация, но экипажи тральщиков смело вступали в единоборство с самолетами врага. Однажды группа неприятельских самолетов перехватила тральщик «Фурманов» на переходе. Трижды атаковали фашистские асы небольшой корабль: бросали бомбы, стреляли из пушек и пулеметов. Тральщик получил повреждения. Был убит командир. Но корабль маневрировал и смело вел неравный бой. Командовал им тяжело раненный помощник командира Анатолий Александрович Алексеев.

Необычный поединок произошел в те дни на рейде в Ручьях. Буксирный пароход «Зарница» был атакован несколькими фашистскими бомбардировщиками. Безоружный буксир удачно уклонялся от бомб. Летчик самолета Ю-88 на бреющем полете пронесся над палубой «Зарницы» и... шлепнулся в воду. Летчик не рассчитал высоты и задел за мачту буксира. Подоспевшие катерники подобрали гитлеровца Ю-88 был записан на боевой счет «Зарницы».

Летом 1944 года шла борьба за освобождение Прибалтики.

Это хорошо понимали воины-ленинградцы, балтийские моряки и советские люди в тылу. Каждый искал в сводках Совинформбюро названия прибалтийских городов, ждали сообщений об освобождении Таллина и Риги.

Понимали это и враги. Они лихорадочно укрепляли свои позиции. Фашистский «радиогенерал» Дитмар уверял немцев, что «Нарвский рубеж при современной военной технике непреодолим». Сильный оборонительный пояс у гитлеровцев был создан на рубеже Псков — Идрица. Носил он громкое наименование «Пантера». На десятки километров протянулись мощные инженерные сооружения, состоящие из системы траншей, дотов и дзотов, железобетонных убежищ. Особенно укреплен был Псков. Гитлеровские газеты писали: «Падение этой крепости равносильно тому, что для русских войск, наступающих на севере, мы открыли бы границы Германии».

«Пантера» зло оскалилась. Но время теперь было другое — воинов-освободителей не могли удержать никакие преграды. После короткой, но упорной подготовки советские войска двинулись в наступление. Освобождение Латвии, Эстонии и Литвы было результатом летних операций Ленинградского, 1, 2 и 3-го Прибалтийских фронтов. 26 июля войска Ленинградского фронта штурмом овладели Нарвой. Псковско-Островская операция 3-го Прибалтийского фронта привела к изгнанию гитлеровцев из Пскова. Началась борьба за освобождение эстонской земли.

Штаб флота заранее готовился к боевым операциям на естественном водном рубеже, прикрывавшем оперативную группу противника «Нарва» и левый фланг войск, оборонявших город Тарту. После разгрома немецко-фашистских войск под Ленинградом был создан ВПУ (выносной пост управления) и направлен под Гдов, в деревню Юхновку. В мае 1944 года с освобождением восточного берега Чудского озера была создана бригада речных кораблей под командованием капитана 2-го ранга А. Ф. Аржавкина. В задачу бригады входило противодействие гитлеровской флотилии, оперировавшей на этом озере. Но уже в начале лета стало очевидным, что бригаде предстоит высаживать десанты. К уничтожению флотилии противника была привлечена авиация. Летчики Балтийского флота стали систематически наносить по ней удары. Они сделали свыше 2 тысяч самолетов-вылетов и потопили более 30 катеров и хорошо вооруженных артиллерией самоходных барж противника. Обессиленная вражеская

флотилия уже не могла служить серьезной помехой в выполнении задач, стоявших перед нашей бригадой.

Десантные операции относятся к числу наиболее сложных боевых действий. Они требуют большой подготовки, организованности, точного расчета времени, четкого взаимодействия с наступающими наземными войсками. От десантников требуется большая выдержка. Их моральное напряжение начинается с момента посадки на десантные средства и продолжается иногда часами.

Командование 3-го Прибалтийского фронта, в оперативном подчинении которого находилась бригада речных кораблей, решило высадить десант в районе Лане-Мехикоорма и на острове Пийрисар. По имеющимся у командования данным, противник ожидал высадки нашего десанта на северном берегу Чудского озера, а на западном побережье Теплого озера (пролив между Чудским и Псковским озерами) десанта не ожидал. Однако, по последним данным воздушной разведки, на острове Пийрисар оказались замаскированные пушки и танки. Перед самой операцией стало известно, что высадка будет производиться на двух участках Лане-Мехикоорма, так как расходувать силы и средства для занятия хорошо укрепленного острова не было смысла. С захватом же побережья он окажется отрезанным, и им легче будет овладеть.

Ночью 15 августа в устье реки Жегла тендеры и другие суда флотилии приняли на борт первый бросок десанта. Рано утром 16 августа 1944 года высадка, как и предполагалось, прошла успешно, без потерь. Противник действительно был застигнут врасплох. Но, опомнившись после высадки первого броска десанта, противник пытался разбомбить места посадки и высадки и переправочные средства на переходе. Переправа второго эшелона проходила в тяжелых условиях. Самолеты со свастикой налетали большими и малыми группами, но многие из них то камнем, то «в разобранном виде» падали на дно озера. В течение двух дней на западное побережье были переброшены две стрелковые дивизии со средствами усиления и рота морской пехоты. Советские воины прекрасно выполнили боевую задачу.

Успешная высадка десанта в районе Чудского озера имела большое значение для наступления войск 3-го Прибалтийского фронта. Приозерный фланг противника был обойден с тыла. 25 августа советские воины вошли в древний город Тарту.

Все чаще и чаще теперь в сводках Совинформбюро сообщалось о потоплении в Финском заливе, в Балтийском море кораблей противника. Обычно матросы внимательно прослушивали эти сообщения и радовались, когда назывались флотские соединения и части, отличившиеся в боях. Помню, 22 августа были и мы на торпедных катерах. В сообщении Советского информбюро говорилось о потоплении в Нарвском заливе четырех миноносцев противника и пленении 108 человек. Я сознательно не рассказал заранее об этом событии бойцам, чтобы посмотреть, как они будут реагировать, услышав сообщение по радио. Сообщение, как и следовало ожидать, вызвало большой подъем. Не часто случается топить в один день по четыре боевых корабля и вылавливать из воды по сотне пленных.

А дело обстояло так. Звено 8-го дивизиона бронированных малых охотников под командованием старшего лейтенанта И. С. Щеголева несло дозор в районе минных полей. Было свежо, катера болтали. Сигнальщики заметили буй, который поставили немцы, вероятно обозначив им границу своего минного поля. Катерники решили обмануть врага и перетаскили буй на другое место. Через некоторое время четыре миноносца противника, идущие строем фронта, с ходу влетели на минное поле. Это были корабли, дополнительно введенные в Финский залив летом 1944 года. Катерники услышали взрыв, другой...

Час освобождения советской Прибалтики приближался.

Еще 26 июля 1944 года войска Ленинградского фронта освободили город и крепость Нарву, но развить успех наступления не удалось. Гитлеровское командование считало участок фронта между Финским заливом и Чудским озером воротами в Восточную Пруссию и создало здесь прочный оборонительный рубеж «Танненберг». Он состоял из трех оборонительных полос общей глубиной 25—30 километров и оборонялся мощной многочисленной группой «Нарва».

За «воротами» была Прибалтика. Она имела для фашистов большое стратегическое значение — прикрывала Восточную Пруссию, позволяла поддерживать связь с маннергеймовской Финляндией, осуществлять блокаду Балтийского флота в восточной части Финского залива и вывозить из Швеции стратегическое сырье.

Командующий группой армий «Север» генерал-полковник Шернер полагал, что «ворота в Восточную Пруссию» закрыты намертво.

Но командование Ленинградского фронта резонно рассудило: зачем ломиться в ворота, когда можно разломать забор.

Маршал Л. А. Говоров внес предложение в Ставку Верховного главнокомандования передать Ленинградскому фронту тартуский участок 3-го Прибалтийского фронта, с тем чтобы перебросить туда 2-ю ударную армию и, начав наступление прямо на север, на Раквере, выйти в тыл нарвской группировке противника и распахнуть «ворота» изнутри.

Предложение Л. А. Говорова было принято. К 17 сентября бригада речных кораблей перевезла на западное побережье Чудского озера основные силы 2-й ударной армии — более 100 тысяч солдат и офицеров, свыше тысячи орудий, до 4 тысяч автомашин и другую технику.

Действия Ленинградского фронта явились частью крупнейшей летне-осенней кампании 1944 года. Эта стратегическая операция в Прибалтике создавала необходимые условия для наступления на главном, Берлинском направлении.

Еще в начале июля была освобождена часть Латвии. В августе войска 1-го Прибалтийского фронта были нацелены на Ригу. Активно наступали войска 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов.

14 сентября советские войска в Прибалтике перешли в решительное наступление. Ленинградскому фронту и Балтийскому флоту предстояло наступать на Таллинском направлении.

Через три дня наступления командующий фашистской группой армий «Север» генерал-полковник Шернер понял, что его войска попали под угрозу изоляции, и доложил гитлеровской ставке, что группа вынуждена уйти с занимаемых позиций, чтобы не быть уничтоженной. Предполагался ускоренный, но планомерный отвод войск.

Наступление Ленинградского фронта заставило Шернера поторопиться. В первый же день наступления 2-я ударная армия продвинулась на 28 километров, и вечером 18 сентября фашистское командование начало отвод войск с нарвского участка.

19 числа 8-я армия Ленинградского фронта, опрокинув «ворота» между Чудским озером и Финским заливом, перешла к преследованию противника. В наступлении участвовали части эстонского национального корпуса. Воины-эстонцы шли к берегам моря закаленные в боях, овеянные славой

побед в сражении под Великими Луками. Много их легло при захвате стратегически важного железнодорожного треугольника Новосокольники — Невель — Великие Луки. В память павших героев в 1960 году в День флота на древнем крепостном холме Великих Лук поднялся ввысь могучий монумент. С его пьедестала открывается чудесный вид на старинный русский город, становящийся в наши дни одним из крупных промышленных центров северо-запада страны.

Советские войска стремительно шли вперед. По дорогам и полям мчались танки. На их броне белели надписи: «За Советскую Эстонию».

Уже 20 сентября 8-я армия заняла Раквере и ее подвижные части соединились с частями 2-й ударной армии. Бои шли ожесточенные, и в них достойное место заняли корабли и авиация Краснознаменного Балтийского флота. Огонь бронекатеров сопровождал атаки пехоты. На многих из них имелось реактивное оружие. Катера прикрывали фланги наступающих войск, оказывали им огневую поддержку и, забегая вперед по пути наступления, высаживали десанты. Бригада речных кораблей высадила десант на северное побережье Чудского озера. Десанты морской пехоты очистили от врага порты Кунца и Локса.

С часу на час ожидалось освобождение столицы Эстонии города Таллина. Матросы ждали этого с особым нетерпением.

— Кто же первым из моряков вступит на территорию бывшей главной базы флота, — гадали они, читая сводки Совинформбюро.

Догадаться было нетрудно. Большие корабли не могли еще продвигаться так далеко вперед из-за минной опасности. Значит — малые. А из малых — самые быстроходные, иначе не успеть за быстрыми бросками армейских частей.

Первыми в Таллинскую бухту ворвались торпедные катера Героя Советского Союза Владимира Гуманенко и Евгения Осецкого. Катерники последними покидали в августе 1941 года эстонскую столицу. Сейчас они первыми увидели на горизонте контуры родной базы: серые стены Вышгорода и башню «Длинный Герман».

Катера мчались к таллинским берегам. Сигнальщики до боли в глазах всматривались в водную рябь. Благодаря их бдительности между островами Нарген и Вульф была замечена немецкая подводная лодка, покидавшая позицию. Немедленно командир звена старший лейтенант Тараненко вышел в атаку. В небо взметнулся один черно-сизый бурун,

второй. Это рвались глубинные бомбы. Вскоре справа от курса катерников появилось огромное масляное пятно. Одним подводным пиратом стало меньше.

В полдень 22-го сентября наши катера подошли к боновому заграждению. Прodelать проход вызвался лейтенант Бортник. Обвязавшись концом троса, он прыгнул в воду с подрывными патронами в зубах. Пять минут напряженного ожидания — и мощный взрыв потряс воздух. Катера устремились к молу Каботажной гавани. В порту полыхали пожары. Ветер относил к морю дым и гарь. Это было выгодно катерникам: получалось что-то вроде огромной дымзавесы.

Взрыв бонового заграждения был сигналом к атаке. Вскоре группа бойцов бросилась в сторону завода, а боцман Красавцев повел своих людей на штурм высоты, с которой по катерам фашисты вели пулеметно-пушечный огонь.

Лихо шли матросы в атаку. Радость возвращения наполняла сердца. Гремело «ура!», раздавались возгласы: «За Никонова!», «За Ваню Шумкина!», «За полковника Костикова!» Десантники и катерники помнили героев 1941 года, с их именами на устах очищали они от врага минную гавань. И фашисты дрогнули, отстреливаясь, начали поспешный отход к корпусам завода «Вольта». Вскоре сержант морской пехоты Иосиф Юрченко поднял над главным зданием порта алое полотнище.

Три года ждали этого часа балтийцы! Сколько чудесных советских парней отдали свои жизни, чтобы изгнать немецко-фашистских захватчиков с эстонского побережья Балтики! И вот этот радостный день наступил.

Одновременно город был занят нашими войсками и с суши. Первыми вошли в Таллин воины подвижной группы генерала Ф. Н. Старикова. Танки и самоходно-артиллерийские установки с десантом пехоты форсировали реку Ягала-Йыги и, сбив отряды прикрытия, разгромив ударный фашистский отряд «Герок», в два часа дня появились на таллинских улицах. С юго-востока в город вступили воины-эстонцы. В районе Балтийского вокзала еще трещали немолчно пулеметы, когда лейтенант Лумисте водрузил советское знамя на башню «Длинный Герман».

Когда началось наше наступление в Прибалтике, возросла активность морской авиации. Советское информбюро почти ежедневно сообщало о гибели немецких транспортов и боевых кораблей, потопленных балтийскими летчиками.

«Авиацией Краснознаменного Балтийского флота в Балтийском море и в Финском заливе потоплены пять вражеских транспортов общим водоизмещением в 20 тысяч тонн», — говорилось в сводке за 17 сентября. На другой день сообщалось, что «авиация Краснознаменного Балтийского флота произвела налет на порт Лиепая (Либава) и подвергла бомбардировке находившиеся в порту суда противника. В результате бомбардировки потоплены три транспорта противника общим водоизмещением до 12 тысяч тонн и три немецкие подводные лодки. Кроме того, повреждены два крупных транспорта и плавучий док... В воздушных боях в районе порта летчики сбили 19 немецких самолетов».

Это была работа летчиков гвардейских частей — Героя Советского Союза подполковника И. И. Борзова и дважды Героя Советского Союза В. И. Ракова.

При занятии Таллина противник понес большие потери от действий нашей авиации. Накануне разведка донесла, что в Таллине скопилось большое количество транспортов. Желая ударить по ним как можно сильнее, мы попросили Военный совет Ленинградского фронта выделить для этой цели и армейскую авиацию. И вот 22 сентября армейские и флотские авиаторы обрушились на Таллинскую гавань. Они застали неприятельские суда на выходе. По донесениям летчиков, одиннадцать транспортов было потоплено и много повреждено. 23 сентября флотская авиация потопила в районе острова Эзель три транспорта и в районах Лиепай и Вентспилса еще два транспорта.

Четырем авиационным частям КБФ: минно-торпедной, пикировочной, штурмовой и разведывательной, — особо отличившимся в этих боях, было присвоено наименование «Таллинских».

Сразу же после занятия Таллина штаб флота направил туда заранее подготовленную оперативную группу, чтобы немедленно организовать управление действовавшими там силами флота. Теперь все сводки и донесения о боевых действиях шли в два адреса — в Кронштадт, где был штаб флота, и в Таллин, в оперативную группу, которую возглавлял начальник отдела боевой подготовки штаба капитан 1-го ранга Николай Георгиевич Богданов. Командиром Таллинского морского оборонительного района был назначен контр-адмирал И. Д. Кулешов.

23 сентября две наши небольшие десантные группы высадились на островах Нарген и Вульф. Утром 24-го балтийцы

появились в порту Палдиски. В то же время советские воины на сухопутье овладели городами Пярну и Вильянди. Преследуя разбитые части немецко-фашистских захватчиков, советские войска к 26 сентября 1944 года очистили от врага всю материковую территорию Эстонской ССР.

Захватив в 1941 году Эстонию, фашисты рассчитывали создать себе здесь прочную опору, спекулируя на шовинистических настроениях. Но широкие народные массы не пошли на поводу у реакционного помещичье-буржуазного охвостья. Гитлеровские захватчики в молодых советских республиках встретили отпор своей разбойничьей политике. Три года немецкой оккупации остались тяжелым кошмарным сном в памяти свободолюбивого народа Эстонии.

На второй день после прибытия в Таллин (я прилетел туда с оперативной группой штаба) мне пришлось своими глазами увидеть один из фашистских лагерей смерти. Хозяинничал в нем садист и душегуб Айн Мере. Двое из его сообщников, Герретс и Виик, были приговорены к смертной казни в марте 1961 года, а он, главный палач, нашел ныне приют в Англии и даже печатает в «Дейли мейл» гнусные статьи.

Трудно передать то потрясающее впечатление, которое произвело на меня это проклятое место, находившееся в 44 километрах от Таллина, в дачном поселке Клоога. Водил нас по лагерю и давал объяснения бывший узник лагеря (фамилию его не помню), чудом уцелевший от уничтожения. Когда перед отступлением, 19 сентября, фашисты приступили к расстрелам и сжиганию трупов, он прыгнул в яму выносной уборной.

В лагере заключенных пороли на специально оборудованном станке. Запарывали до смерти. Был там и «врач», основной функцией которого являлось впрыскивание яда под кожу заключенным. Один из «медицинского персонала» лагеря, санитар Гент, зарубил топором 23 старика.

В длинный барак, где размещались несчастные люди, из-за смрада разлагавшихся и не убранных еще трупов войти было невозможно. Мы проникли в него через окно с подветренной стороны.

В бараке, по бокам узкого прохода, было два яруса нар. Палачи приказали узникам выстроиться в тесном проходе между нарами и расстреляли их из автоматов. Тех, кто не смог слезть с нар, уничтожали на нарах. Еще страшнее было смотреть на костры обуглившихся человеческих тел. В день

окончательной расправы над заключенными фашисты расстреляли и сожгли 300 человек.

У нас возник вопрос: почему же узники не бежали, не сопротивлялись, ведь их все равно ждала неизбежная смерть?

— Соппротивлялись и бежали,— заметил наш «гид» и повел по поляне, показывая на трупы тех, кто сопротивлялся и кого настигли автоматные очереди гитлеровцев.

В дни судебного разбирательства над фашистскими преступниками А. Мере, Р. Герретсом, Я. Вииком в марте 1961 года в адрес Верховного суда Эстонской ССР пришли тысячи писем трудящихся. Требуя сурового возмездия палачам, люди, пережившие ужасы оккупации или плена, рассказывали о той мужественной борьбе, которую вели советские патриоты на территории Эстонии. Александр Яковлевич Дмитриев, проживающий в городе Ейске, писал:

«...Я участвовал вместе со своими эстонскими друзьями в боях на острове Саарема. В водах Балтийского моря попал в плен. Находился в лагере в Таллине... Только за январь — февраль 1942 года было убито в нашем лагере более 600 военнопленных. Но, находясь в плену, мы не прекращали борьбы. Нам удалось в день Советской Армии 23 февраля 1944 года поджечь цех на фабрике «Лютер», где мы работали. Сгорели все станки...»

Теперь в Калеви-Лийва, на месте массовых расстрелов жертв фашизма, установлены две большие плиты из сааре-мааского доломита. На них на эстонском и русском языках высечена надпись:

«Люди, будьте бдительны!

Ю. Фучик».

В послевоенные годы в бывшей тюремной библиотеке Таллина в книге стихов М. Ю. Лермонтова была обнаружена надпись, сделанная ногтем. Это оказалась предсмертная записка пленного командира Афанасия Никифоровича Тютюника, воевавшего на Волховском фронте. Прощаясь с друзьями, приговоренными к расстрелу, советский патриот писал: «...обвинен немцами за разрушение их вооруженных сил...»

Так вели себя советские люди в фашистском плену.

Днем 1 октября 1944 года на стадионе в парке КадрIORг собрался двадцатитысячный митинг трудящихся Таллина, посвященный освобождению города от немецко-фашистских захватчиков. Митинг открыл председатель Президиума Вер-

ховного Совета Эстонской ССР Иоханес Янович Варес. Высококультурный, удивительно тактичный, с мягкими манерами и располагающей улыбкой, И. Варес пользовался большим уважением у населения. Присутствующие на митинге встретили его теплыми приветствиями, как друга, которого давно не видели и которому теперь были рады. После Вареса выступили секретарь ЦК Эстонской компартии Н. Г. Каротамм, председатель Совнаркома А. Т. Веймер, член Военного совета Ленинградского фронта Н. В. Соловьев. Выступить на митинге выпала честь и мне.

Митинг вылился в торжественную встречу эстонского народа со своим правительством, с представителями советских воинов. Горячие слова благодарности прозвучали в речах выступавших эстонских товарищей в адрес Советской Армии и Балтийского флота.

Правительство Эстонской ССР наводило порядок в городе и на освобожденной части территории. Трудящиеся массы Эстонии наконец-то вздохнули полной грудью.

По лесам и болотам прятались не успевшие удрать и специально оставленные вражеские элементы. Они время от времени давали о себе знать террористическими актами. Был такой печальный случай. Командующий ВВС флота генерал-полковник М. И. Самохин должен был вернуться из Ленинграда в Таллин. По телефону с одного из аэродромов сообщили, что легковая машина командующего вышла по направлению к Таллину. Проходит положенное время, а машины нет. Стали беспокоиться, послали навстречу машину. Через некоторое время посланный офицер сообщил по телефону, что машина генерал-полковника обнаружена обгоревшей на обочине дороги, в ней три трупа — два мужских и один женский.

Не прошло и получаса после этой вести, как в штабе флота появился... М. И. Самохин, живой и невредимый. Оказывается, он задержался, послал легковую машину вперед, а сам решил прилететь на самолете. В машине поехали адъютант и родственница Самохина. Проехав значительную часть пути, машина остановилась у перегораживающего дорогу дерева. Здесь поджидали ее бандиты. Они расстреляли из автоматов пассажиров, облили машину бензином и подожгли.

Был и со мной неприятный инцидент, правда не имевший плохих последствий. В один из октябрьских дней я возвращался из поездки по частям к домику, в котором жил. У во-

рот увидел, что два краснофлотца выкапывают что-то из наземной колеи дороги. Оказалось, что у самых ворот была подложена противотанковая граната.

Все это я упоминаю лишь для того, чтобы подчеркнуть, что враг не сдавался не только на линии фронта, но и на освобожденной от его войск территории.

Трудовое же население Эстонии повсеместно встречало советские войска с большой радостью. Эта радость и искренность выражались в большой помощи при восстановлении необходимых нам военных сооружений, в снабжении наших десантников и катерников свежей рыбой и фруктами.

13 октября 1944 года военные моряки вернулись и в Ригу.

После ожесточенного сражения на восточно-рижском рубеже немецкой обороны и на окраинах города воины 3-го Прибалтийского фронта и латышского корпуса овладели столицей Латвии Ригой. Вновь воды Рижского залива начали резать своими форштевнями балтийские корабли.

В составе латышского корпуса сражались и воины бывшего Латышского полка, сформированного в первые дни войны.

Перед занятием немцами Риги в июне 1941 года отряд в 300 человек, созданный ЦК комсомола Латвии, встал на защиту Родины. Комсомольцы горели желанием начать битву с врагом на земле своей республики. Но что мог самостоятельнo сделать вооруженный чем попало, в том числе и мелкокалиберными винтовками, малочисленный отряд комсомольцев против сильного врага? И лишь позднее, в середине июля, объединившись с разрозненными латышскими рабочими отрядами и влившись в стрелковую дивизию 10-го корпуса, полк, получивший наименование Первого латышского добровольческого, почувствовал себя вполне боеспособной единицей в составе регулярных войск Советской Армии. К тому времени в полку насчитывалось 1100 человек, из них 750 коммунистов и комсомольцев. Командовал полком начальник милиции Тукумского уезда Август Жунис, комиссаром был секретарь ЦК ЛКСМ Латвии Э. Ю. Либерт. В одном из боев А. Жунис был смертельно ранен и в первых числах августа скончался.

Латышский добровольческий полк дрался с врагом вместе с отрядом полковника Костикова, защищал Таллин рядом с эстонским рабочим полком.

После эвакуации из Таллина воины Латышского добровольческого полка, переформированные в батальон, участ-

вовали в боях под Ораниенбаумом и охраняли ледовую трассу Ладожского озера.

Особенно упорно цеплялся противник за Моонзундский архипелаг. Гитлер приказал гарнизону островов драться до последнего солдата. Были брошены в бой кроме подлодок и крупные надводные корабли. Теперь командование немецкого флота уже не берегло их, как в начале войны. Получалось точно по пословице: «Не до жиру, быть бы живу».

В Моонзундской операции Балтийский флот действовал легкими силами и авиацией. Уже 27 сентября нам удалось сосредоточить для взятия островов более 50 торпедных катеров, 35 сторожевых катеров и катерных тральщиков, 40 тендеров. В этот же день капитан 3-го ранга Осецкий на торпедных катерах, полученных от ленинградских судостроителей в дни празднования 26-й годовщины Великого Октября, выбил врага с острова Вормси. Таким образом, ключевая позиция при выходе в Моонзунд со стороны Финского залива оказалась в наших руках. Это было хорошее начало.

Военный совет поручил проведение десантных операций на Эзель и Даго опытным, бывалым командирам. Всеми морскими подразделениями командовал контр-адмирал Иван Георгиевич Святлов, смелый и решительный человек, не боявшийся брать на себя ответственность в критические моменты боя. Торпедными катерами командовал капитан 1-го ранга Г. Г. Олейник. Одной из групп десантных средств командовал вдумчивый и расчетливый капитан 1-го ранга Е. В. Гуськов.

Несмотря на сжатые сроки подготовки операции, широко проводилась партийно-политическая работа. Агитаторы рассказывали десантникам о зверствах фашистов на островах, о страшном лагере в Клоога, напоминали о подвигах и гибели наших товарищей в этих местах в 1941 году. Герой Советского Союза В. П. Гуманенко, А. В. Осецкий и другие командиры, имеющие опыт по высадке десанта, выступали перед офицерами стрелковых частей с советами, как проводить посадку на десантные средства, где разместить автоматчиков и пулеметчиков, как вести себя на переходе и при высадке. Были выпущены листки-памятки десантникам.

На все десантные суда были выделены люди, которые ранее участвовали в десантных операциях. На каждой небольшой группе катеров находились политработники. Всех их возглавлял энергичный заместитель начальника Пубалта Григорий Михайлович Рыбаков.

Мы с командующим флотом в эти дни почти неотлучно

были на кораблях и в частях, в первую очередь там, где шла подготовка к высадке десантов. Действия флота тогда были настолько переплетены с действиями частей Ленинградского фронта, что мы не ощущали границы между морскими и сухопутными войсками. В Хаапсалу, в Роухукюля, на пирсах и подходах к ним моряки и армейцы окончательно перемешивались. Здесь все были наши, флотские, считали мы, и эстонские стрелковые части, и армейские саперы со своими понтонами, и артиллерийские подразделения 8-й армии, готовившиеся к переправе на острова. Здесь все пехотинцы, полагали армейцы, считая своими и бойцов 260-й бригады морской пехоты — участников первых бросков десанта, и катерников, и морских летчиков. Это был признак, свидетельствующий о хорошей слаженности войск. Взаимопонимание штабов, командиров соединений, политорганов было полным. Контр-адмирал И. Г. Святлов всегда находился в курсе всех замыслов и распоряжений командующего 8-й армией генерал-лейтенанта Ф. Н. Старикова. В свою очередь Стариков был уверен, что Святлов хорошо знает свое дело и не подведет.

На командном пункте Ф. Н. Старикова в период Моонзундской операции находился начальник штаба Ленинградского фронта генерал-полковник М. М. Попов. Он хорошо понимал наши флотские особенности, и все вопросы, подчас очень трудные, с ним разрешались удивительно легко и быстро.

Освобождение островов не потребовало большого времени и было достигнуто малой кровью. Около 10 суток ушло на очищение от врага их территории. А сколько потеряли гитлеровцы в течение более чем месячных боев на этих же рубежах осенью 1941 года! События развивались стремительно. 29 сентября был высажен десант на остров Муху, и на следующий день остров был взят! 2 октября десантники зацепились за Даго — на освобождение его потребовалось всего лишь двое суток. За 4 дня, с 5 по 9 октября, был очищен от врага весь огромный остров Эзель, за исключением полуострова Сырве.

В этих боях вновь блеснули беспримерной отвагой экипажи наших торпедных катеров. Выполняли они не совсем обычную задачу — участвовали в перевозке десантников, были, как шутили сами катерники, «морскими извозчиками». Шли торпедные катера всегда в головной колонне. Под ураганным огнем первым доставил десант к острову Вормси от-

ряд торпедных катеров Е. В. Осецкого. Прорвавшись на больших скоростях в оперативную базу, катера Осецкого взяли на борт вторую группу десантников, погрузили пулеметы, боеприпасы и даже легкие пушки. С наступлением темноты они вновь были в море.

...Огненные трассы феерическими строчками тянулись в направлении к катерам. Фашисты вели огонь из всех видов оружия. Катера пробились к мелководью. Десант, увлекаемый моряками, бросился в воду. Вот уже первые смельчаки зацепились за берег острова Муху. Они теснили врага от прибрежной кромки. У острова появляются наши машины-амфибии. Исход боя теперь не вызывал сомнений.

Даго... Эзель... На десятки километров протянувшиеся каменистые поля, дубовые и сосновые рощи. Они были свидетелями того, как наши товарищи осенью 1941 года мужественно отстаивали здесь каждую пядь земли, каждый укрепленный и неукрепленный рубеж. Спустя три года они стали свидетелями героических подвигов балтийцев, поклявшихся вернуться в эти суровые легендарные места.

Семь рейсов с десанниками сделал к острову Даго катер лейтенанта Павла Чалова. Особенно трудным был рейс с бойцами первого броска. В районе высадки на длинном мысочке находился пирс, на конце его фашисты выстроили дот. Место казалось врагу самым неуязвимым. К нему-то и повел свой катер П. Чалов. Молодой командир с ходу накрыл снарядами вражеский дот и высадил гранатометчиков там, где фашисты их меньше всего ожидали. Тогда противник направил к району высадки четыре быстроходные десантные баржи. Они пытались перехватить наши катерные тральщики, тянувшие понтоны с орудиями. П. Чалов смело вышел навстречу неприятелю, прикрыл дымом наши тральщики, а с вражескими баржами начал артиллерийскую дуэль.

Мастером первого броска показал себя и катерник капитан-лейтенант Александр Обухов. Катера его подразделения перебросили более тысячи десантников со всей их техникой, боеприпасами и снарядами. В одном из боев имел место такой эпизод. Темной осенней ночью наш десант на подходе к месту высадки был внезапно обнаружен. Взвились в небо ракеты. В сторону катеров потянулись огненные ленты трассирующих пуль. Сноп прожектора выхватил из темени «куски» моря. Потухая, он скользнул и по части береговой полосы. Этого мгновения А. Обухову было достаточно для

оценки обстановки. Глаз опытного штурмана заметил небольшую бухточку, прикрытую высоким мысом. Изменив курс, капитан-лейтенант быстро проскочил зону огня и попал в необстреливаемый квадрат, в так называемую «мертвую зону»... Морская пехота высадилась без потерь.

...Катерный тральщик гвардии мичмана Ивана Ларина, выпустив последние пулеметные очереди в поддержку высаженным на Эзель пехотинцам и минометчикам, начал отход. Неожиданно командир заметил, что шхуна, на которой находилась армейская полевая батарея, недалеко от острова села на мель. Заметили это и фашисты. Они тотчас же начали сосредоточивать по неподвижной цели огонь нескольких огневых точек.

Движимый высоким чувством советского патриотизма, Ларин направил свой тральщик на помощь шхуне. Разгадав маневр нашего тральщика, гитлеровцы весь огонь перенесли на него. И. Ларин принял смелое решение — форштевнем катера стал толкать и раскачивать шхуну. Под градом осколков и пуль мичман отважно и уверенно руководил экипажем. Решительные действия увенчались успехом: шхуна получила ход. Вскоре орудия спасенной батареи уже били по врагу.

Во многих еще боях участвовали Александр Обухов, Павел Чалов и Иван Ларин. Вскоре грудь этих искусных командиров украсили Золотые Звезды — знаки принадлежности к славной когорте Героев Советского Союза.

Сырве противник называл «ирбенским щитом» (полуостров прикрывал вход в Ирбенский пролив), выжить его оттуда было не просто. Противник все, что у него сохранилось и могло действовать, сосредоточил на полуострове. «Ирбенский щит» был очень нужен немцам, особенно после окружения группировки их войск в районе Лиепая и Тукумса. Гарнизон Сырве поддерживался огнем крейсеров и миноносцев, на подходах к полуострову ставились минные поля, действовали подводные лодки.

После оперативной паузы, во время которой мы ввели в Моонзунд артиллерийские корабли, начался штурм вражеских укреплений. Он продолжался шесть дней. 24 ноября остатки гитлеровцев были сброшены в море. По немецким данным, нами за эту неделю было потоплено семь транспортов, три тральщика, две самоходные баржи, три парома и пять катеров. Противник потерял 7 тысяч убитыми. Наши трофеи составили более 100 орудий. Данные эти, конечно,

преуменьшены, но не будем спорить, тем более что мы в этих боях не потеряли ни одного корабля.

В 21 час 24 ноября столица нашей Родины Москва салютовала войскам Ленинградского фронта и морякам Балтики двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий. В строгих, чеканных строках приказа Верховного главнокомандующего на всю страну прозвучали имена героев освобождения Моонзунда. Мужественных и смелых офицеров Олейника, Юрковского, Максименко, Лазо, Резниченко, Слепенкова, Новожилова, их части и соединения благодарила страна.

Большая, на всю жизнь запоминающаяся похвала! Курс балтийцев уходил к бухтам Померании и туда, где вблизи моря высилась цитадель пруссачества — город Кенигсберг и порт Пиллау.

Прибалтику гитлеровцы считали «воротами» в Германию. Еще в июле 1944 года на одном из совещаний у Гитлера отмечалось, что главной целью, которой должно быть подчинено все, является предотвращение прорыва русских к Балтийскому морю. Теперь эти «ворота» были разрушены. Советская Армия очистила Прибалтику (за исключением Курляндского плацдарма) и готовилась к сокрушительному удару по Восточной Пруссии. Балтийский флот топил корабли противника в открытом море. И, как показал ход событий, советские войска победно шли в Германию не только через «ворота» — этот проход был для них теперь тесен, — они разрушали и сваливали весь «забор» вражеских укреплений от Прибалтики до Карпат.

В германских морских кругах полагали, что наши сухопутные войска не смогут раньше зимы 1945 года прочно утвердиться на берегах Финского залива, а значит, до этого времени военные действия на Балтике не переместятся в незамерзающую часть моря. Освобождение Риги, полуострова Сырве показали беспочвенность этих предположений. Данцигская бухта, которая еще недавно рассматривалась противником как тыловая база, осенью 1944 года стала ареной боев. Центр тяжести войны на море явно перемещался теперь в германские территориальные воды.

На заключительном этапе войны, в силу географического положения театра военных действий, Балтийский флот находился в фокусе боевых событий до окончательного разгрома немцев. Балтийское море стало важным театром военных действий. Успехи многих боевых операций наших сухопутных войск, действовавших в Прибалтике и Восточной Пруссии, зависели от действий Балтийского флота. Теперь флоту пришлось взаимодействовать не только с Ленинградским, но и с тремя Прибалтийскими и со 2-м и 3-м Белорусскими фронтами. В связи с этим Ставка Верховного главкомандования 27 ноября 1944 года вывела флот из оперативного подчинения Ленинградскому фронту и подчинила

непосредственно главнокомандующему Военно-Морским Флотом адмиралу флота Н. Г. Кузнецову. С этого времени Военный совет флота согласовывал боевые операции с маршалом Василевским, который координировал действия советских войск в Прибалтике и Восточной Пруссии, и с командующими указанных выше фронтов.

Гитлеровское командование в интересах своих сухопутных сил стремилось удержать господство на Балтийском море, чтобы успешно решать многочисленные задачи, возникшие перед германским флотом. К 1945 году оно сосредоточило в Балтийском море основные силы своего флота: 2 линкора, 8 крейсеров, более 200 подводных лодок, более 30 миноносцев, 70 торпедных катеров, 64 тральщика, 200 десантных судов, много сторожевиков. Они базировались в Пиллау, Гдыне, Данциге, Виндаве, в портах Дании.

Мы не могли противопоставить немецкому флоту крупные корабли: ввиду большой минной опасности не было смысла ими рисковать. У нас мало было подводных лодок, и это тоже затрудняло наши боевые действия. Больше, чем у немцев, у нас было торпедных катеров, значительно больше морских охотников (220), бронекатеров (47) и несравненно больше самолетов морской авиации (около 800, в том числе 87 торпедоносцев, много бомбардировщиков и штурмовиков). Базировались они вблизи моря, на аэродромах в Паланге, Паневежисе, Пярну, на острове Эзель.

В Восточную Пруссию мы перебазировали 16 артиллерийских дивизионов.

Перед флотом стояли ответственные задачи. Надо было: воспрепятствовать обстрелу наших войск кораблями противника,

оказывать поддержку приморским флангам нашей армии, нарушать коммуникации противника, не допускать морских перевозок, снабжения и эвакуации его войск.

Это было очень сложным делом. Морем Германия имела сообщение с Норвегией, Данией, Швецией, с группой армий «Север» в Курляндии, с группой армий «Центр» в Восточной Пруссии. Морские пути использовались для доставки питания и эвакуации войск из Кенигсберга, Данцига, Гдыни, Пиллау, Земландского полуострова, косы Фрише-Нерунг, косы Хель, Кольберга, Свиномюнде.

На совещании в гитлеровской ставке 1 апреля 1945 года отмечалось, что одной из причин, вызвавших отступление германских войск из Данцига, было плохое снабжение бое-

припасами. Почему оно было плохим, можно судить по следующему факту. При обследовании гаваней от Кенигсберга до Ростока было обнаружено 370 затонувших судов. Это, конечно, не все, что оказалось на дне моря. Многие корабли были потоплены на морских путях. Благодаря активным действиям нашего флота противник терял все большее количество военных и транспортных судов. Самые большие потери на море во время Великой Отечественной войны Балтийский флот понес при прорыве кораблей из Таллина в Кронштадт в августе 1941 года. Но они не идут ни в какое сравнение с потерями немецкого флота.

На флот была также возложена задача защиты своих коммуникаций и обеспечение перевозок из Швеции в Ленинград. Чтобы не возвращаться к этому вопросу, укажем, что наши перевозки и их обеспечение были далеко не второстепенным делом. С ноября 1944-го по февраль 1945 года в Ленинград проведено 160 транспортов. Погиб лишь один финский транспорт с бумагой.

Были у нас и другие задачи, вытекающие из взаимодействия с сухопутными войсками. Нам, например, неоднократно приходилось высаживать десанты. Выброска даже небольшого десанта за линию фронта во фланг врагу облегчала нашим войскам задачу наступления. Потому и ценили общевойсковые командиры эти смелые операции.

Несмотря на превосходство немецкого флота в крупных надводных кораблях и подводных лодках, нам удалось оказать хорошую помощь наступающим сухопутным частям. В пятом томе «Истории Великой Отечественной войны» справедливо указывается, что в последние месяцы войны КБФ «весьма успешно нарушал вражеские морские сообщения в Балтийском море. Активные боевые действия флота вынуждали противника выделять для обеспечения перевозок крупные военно-морские силы и не давали ему возможности оказывать непосредственную поддержку с моря флангам своих сухопутных войск. Действия флота на морских сообщениях способствовали разгрому немецко-фашистских войск в Прибалтике, Восточной Пруссии и Восточной Померании. Германский флот понес большие потери в транспортных средствах, боевых кораблях и личном составе»¹.

Наши подводные лодки базировались теперь в портах Финляндии: Хельсинки, Турку, Ханко. Для выхода на пози-

¹ «История Великой Отечественной войны», т. 5, стр. 237.

ции им не нужно было форсировать плотных противолодочных заграждений. Легкие надводные силы могли совершать поисковые операции у мест базирования кораблей противника и на путях их движения. На аэродромы в Прибалтику перебрались и полки авиации КБФ.

Итак, потери противника росли. В октябре подводная лодка «Лембит» выставила мины в южной части Балтийского моря. Вскоре на них взорвался крупный транспорт врага. Тогда же подлодка Щ-407, которой командовал капитан-лейтенант Бочаров, сообщила, что ею потоплен транспорт водоизмещением 9 тысяч тонн с военным имуществом. Транспорт шел с охранением, и лодке после торпедного залпа пришлось очень туго. На нее было сброшено 150 глубинных бомб. Однако командир умело увел подводный корабль от преследования.

Смело действовал командир Щ-407 и в дальнейшем. Вначале он скрытно прорвался на рейд Гатенхофен и двумя торпедными залпами потопил стоявший на якорях лайнер водоизмещением 12 тысяч тонн. Через два дня подлодка была уже в Данцигской бухте.

Основное оружие подводной лодки — торпеда. Артиллерийское вооружение у нее слабое. Однако, когда торпеды израсходованы или их почему-либо нельзя применить, наши подводники пускали в ход и орудия. Так, 28 ноября 1944 года подлодка К-51 (командир — капитан 2-го ранга В. А. Дроздов), встретив транспорт, открыла по нему артиллерийский огонь и потопила его. Через два дня эта же лодка тем же оружием пустила на дно второй немецкий корабль водоизмещением 8 тысяч тонн.

Один за другим шли вражеские надводные корабли на дно от торпед наших подводников. Нес потери и подводный флот нацистов. Так, например, накануне 27-й годовщины Великого Октября подводную лодку врага потопил катер МО под командованием старшего лейтенанта Белова. Подлодка прошла под катером. Он сбросил на нее серию глубинных бомб. На поверхности воды появились масляные пятна. Правда, это еще не означало, что лодка уничтожена. Нередко и противник и наши подводники применяли такой прием — умышленно выпускали масло, чтобы имитировать свою гибель и тем самым избавиться от преследования. Но теперь этот прием уже не мог ввести в заблуждение, и катерники глушили подлодку, пока окончательно не убедились в ее гибели.

Потери вражеского флота неминуемо отразились на позиции Германии в Швеции и усложнили положение немецко-фашистских захватчиков в Дании и Норвегии. Не случайно в то время на страницах лондонской газеты «Сандей таймс» вдруг из номера в номер повелся разговор о будущем... Кильского канала. Многие представители деловых и военных кругов наших союзников в конце 1944 года ясно понимали, что крах «балтийских планов» Гитлера налицо.

События разворачивались стремительно. Штабу Балтийского флота приходилось очень оперативно решать сложные вопросы. Командующий флотом В. Ф. Трибуц либо находился в частях, либо, когда бывал на КП, отдавал приказания шифровкой. Мы, члены Военного совета, тоже больше находились в частях, на аэродромах. Там принималось много самостоятельных решений, вытекающих из быстро меняющейся обстановки. Происходила быстрая передислокация частей. Создавались новые базы, осваивались новые аэродромы.

Казалось, совсем недавно была освобождена Рига, а уже и она стала тылом. Командовал нашей военно-морской базой там контр-адмирал В. С. Чероков, бывший командующий Ладожской флотилией. Давно ли Ладога была единственной дорогой осажденного города и стиснутого в клещи флота. А теперь — вон какие просторы! Мы хозяйничаем на Балтике. Рига снова советская.

Теряя последние рубежи на оккупированной территории нашей страны, гитлеровцы сопротивлялись отчаянно. Нацистские заправилы тогда надеялись на обострение противоречий антигитлеровской коалиции, на тайные сепаратные переговоры с реакционными группами в США и Англии. Да и сил у них еще было немало. Главные из них (185 дивизий и 21 бригада) по-прежнему находились на советско-германском фронте.

Нужно было ускорить разгром этих сил. Мощным стратегическим наступлением наших пяти фронтов и начался год 1945-й, последний год Великой Отечественной войны. До столицы Германии теперь оставалось 265 километров. Через неделю это расстояние уменьшилось наполовину. После прорыва войск 1-го Белорусского фронта в первых числах февраля к Одеру до Берлина оставалось всего лишь 70—75 километров. Союзные же войска или топтались в это время на месте, или их «броски» измерялись по-прежнему... ярдами.

Накануне нашего январского наступления мне пришлось еще раз побывать в Финляндии. Там теперь базировались наши подводные лодки, авиация и осваивался полуостров Порккала-Удд, территорию которого Финляндия предоставила нам тогда на правах аренды. В период войны это вызывалось необходимостью. Впоследствии Советское правительство, верное своей последовательной мирной политике, отказалось от права аренды.

В донесениях политорганов частей, расположенных в Финляндии, появились неприятные сигналы,стораживающие нас и требовавшие особой бдительности. Мы не имели никаких претензий к финским властям. Они добросовестно выполняли свои обязательства. Но все же это была недавно враждебная нам страна, где гитлеровцы долгое время распространяли свое влияние. Там могло действовать фашистское подполье. Были даже попытки террористических актов против наших летчиков.

Проверка условий базирования наших кораблей и авиации, принятие необходимых мер по повышению бдительности и было целью моей поездки в Финляндию.

В Хельсинки чувствовалась особая предупредительность к представителям советского командования. Нам предоставляли удобные комнаты в хороших гостиницах. Обслуживающий персонал был исключительно внимательным. Для поездки мне была предложена легковая машина, но я был предупрежден, что машина немецкая и шофер — немец, оставшийся добровольно в Финляндии. Мог я, конечно, воспользоваться машиной с нашего аэродрома, но это выглядело бы как неуважение к гостеприимным хозяевам. Шофер, молодой парень (возил раньше какого-то немецкого генерала), был до отталкивающей слащавости услужлив. Машину вел с огромной скоростью, и мы быстро домчались до базы.

Подводники готовились к выходу на позиции. Готовились быстро и обстоятельно. Никому не хотелось задерживаться на базе, обстановка не позволяла, надо добивать врага. А добивать было не просто. Противник не собирался подставлять борта своих кораблей под наши торпеды. Мы имели дело с сильным, вымуштрованным и опытным врагом.

Многочисленные и крупные успехи подводников не были легкими и не успокаивали нас. Немецкие транспорты ходили теперь под усиленной охраной. Перед выходом более ответственных караванов их путь расчищался глубинными бомбами. На коммуникациях барражировали самолеты и дежу-

рили подводные лодки. После каждой торпедной атаки, если даже удавалось провести ее неожиданно для противника, ждало преследование, методическое, продолжительное и ожесточенное. Преследование продолжалось часами, а иногда и сутками.

Краснофлотцы и командиры делились своими впечатлениями.

— Прошло время, когда гитлеровцы спокойно плавали на Балтике. Теперь их охраняют сторожевики, как овчарки, — говорит один из командиров. — Иногда выходишь в атаку и думаешь: выдержат ли нервы? Корабли охранения совсем близко. Вот один уже повернул на лодку, заметил, что ли? Залп. Лодка вздрогнула, как от испуга, всем корпусом. Торпеды пошли в цель. Погружение — и тут же рвутся глубинные бомбы. Взрывами подбрасывает лодку. Гаснет свет. Но пока все благополучно. Удастся увернуться, уйти.

— А бывает и так, — добавляет другой. — Торопишься найти место поглубже, чтобы лечь на грунт и притихнуть. Лежит лодка и не дышит. Кажется, что и весь экипаж затаил дыхание. А кругом бомбы рвутся, смерть мечется неистово. Может быть, сейчас упадет бомба на лодку и похоронит ее здесь, на дне моря. Уйти нельзя. Шевельнуться нельзя. Воздуха не хватает. В голове молотки стучат — все равно не двигайся, жди сигнала.

— Зато как приятно после боя, — поддерживает мысль товарища другой подводник, — подняться на поверхность, глотнуть свежего воздуха и убедиться, что не зря старались. Ведь что такое потопить транспорт, — обращается командир к молодым слушателям, — ну, например, в 10 тысяч тонн водоизмещением? Его постройка стоит не менее 15—20 миллионов рублей. А может быть, в его трюмах танки? Сколько бы они беды наделали? А может быть, там тысячи две солдат с полным вооружением?

Все эти «может быть» — простые и убедительные доводы подводника — я часто вспоминал, когда Военному совету докладывали о новых и новых успехах лодок. Вот некоторые из них.

28 января 1945 года при разведке побережья противника подлодка К-51 обнаружила стоявший на якоре транспорт. Две торпеды точно попали в цель, и через две минуты транспорт затонул.

Подлодкой К-52 командовал И. В. Травкин. Ему пришлось в свое время форсировать на Щ-303 противолодоч-

ные заграждения. Его лодка побывала в противолодочных сетях, перегораживавших Финский залив. В первый поход в 1945 году К-52 ушла в конце февраля.

В апреле К-52 снова, в последний раз в 1945 году, вышла на позицию и через день торпедировала транспорт. Когда лодка всплыла после залпа, была видна только мачта тонущего корабля. За эти походы К-52 потопила пять вражеских транспортов и миноносец. В море из поздравительной телеграммы Военного совета КБФ подводники узнали о награждении лодки орденом Красного Знамени. А вслед за этой телеграммой И. В. Травкин получил поздравление с присвоением ему звания Героя Советского Союза.

Большой удачей порадовала нас в те дни подводная лодка С-13, которой командовал капитан 3-го ранга А. И. Маринеско, потопившая огромный лайнер «Вильгельм Густлов».

По немецким данным, только при эвакуации с курляндского плацдарма и из района Данцигской бухты гитлеровский флот потерял 47 транспортов. Так помогали подводники Балтики войскам Советской Армии добывать победу на территории Восточной Пруссии и в Померании.

Расчлененные и прижатые к морю группировки фашистских войск нуждались в постоянном пополнении и регулярном снабжении. Гитлеровское командование пыталось вывести хотя бы часть своих дивизий из «котлов», особенно из Лиепай. Все это можно было осуществить только морем. Наши подводники и авиаторы самоотверженно срывали вражеские попытки к эвакуации. С февраля 1945 года к ним присоединились славные балтийские катерники.

Темной штормовой февральской ночью торпедные катера дивизиона капитана 3-го ранга Е. В. Осецкого совершили в исключительно трудных условиях переход из гавани Кихелконны (остров Сааремаа) в район южнее Лиепай. 200 миль прошли торпедные катера в штормовое время. Катера обледелены, льдом забивало кингстоны, перемерзли и утомились люди. Земля, еле видневшаяся на горизонте, была занята противником. На пути попадались ледяные поля, на чистой воде штормило, но Е. В. Осецкий упорно пробивался мимо берега, занятого врагом...

Через несколько дней советские торпедные катера начали ночные поиски на коммуникациях, связывавших немецкий гарнизон Лиепай со Свиномюнде и Штеттином. Не сразу пришел успех, и раз и другой катерники возвращались на базу

без «трофеев». То выходу в атаку мешала штормовая погода, то фашистские корабли не появлялись ночью в море. Е. В. Осецкий упорно искал встречи с противником, и вскоре она состоялась. Вот как рассказывалось об этом бое в газете «Красный Балтийский флот»:

«...В море решили идти с наступлением темноты. Курс лежал к Лиепе. Февральский ветер обжигал. Море катило навстречу темные сиреневые валы, казавшиеся издали стальными. На вероятных путях врага путались долго, маневрировали небольшими галсами. Немецких кораблей не было видно.

— Ложитесь на Лиепайский створ,— приказал командир.

На полной скорости катера устремились к Лиепе. Справа мелькнули силуэты. Сверкнул ратьер. Вражеский дозор запрашивал опознавательные. Не отвечая, катера Е. В. Осецкого проскочили мимо него, после чего застопорили моторы. Дозор не преследовал. Советские катера зимой в открытом море, да к тому же вблизи Лиепайского рейда,— это было невероятно для немцев.

Зорко всматривались люди Осецкого в темень ночи. «Справа по носу корабли врага!» — тихо доложил боцман Огромнов. Звено Бушуева рванулось в атаку. Немцы растерялись, еще раз запросили опознавательные. В ответ Бушуев выстрелил торпедой. Враг ответил яростным огнем...

Мощный взрыв всколыхнул ночь. Торпеды Бушуева и Бортника подняли на воздух немецкий транспорт. Катер Иценко — на его борту находился Е. В. Осецкий — вторично лег на курс атаки. В первый раз выходу помешало обледенение. Осецкий сам стал у штурвала. Иценко был у торпедного аппарата. Под усилившимся огнем катер проскочил немецкие сторожевые корабли, обогнул транспорт по корме и в левый борт его послал торпеду. Дистанция была настолько минимальной, что силой взрыва чуть не опрокинуло катер.

На рассвете, с первой победой, с многочисленными вмятинами и пробоинами, обледенелые, похожие на осколки айсберга, катера Осецкого отшвартовались в родной гавани.

24 февраля катера Е. В. Осецкого записали на свой счет еще два транспорта и сторожевой корабль противника. Погибли они от торпед катеров лейтенантов Герасимова, Трайненко и Бортника. В мартовских и апрельских боях дивизион Осецкого продолжил счет мести. За умелое ведение морского боя, за мужество и отвагу Евгений Вячеславович

Осецкий был награжден орденом Ушакова 2-й степени. Среди его подчиненных не было ни одного матроса, имевшего меньше трех боевых наград.

Вслед за дивизионом Е. В. Осецкого начали бои на коммуникациях под Лиепайей катера под командованием капитана 2-го ранга М. А. Белуша. Особенно дерзко действовал отряд Чебыкина. Базировались наши катерники с марта в Клайпеде. Была у них база и в бухте Кранц на Земландском полуострове.

Во время этих боев был такой случай. Четыре катера под командованием капитана 3-го ранга М. Г. Чебыкина напали на караван фашистских судов, шедший из Лиепайи. В охране были миноносцы, много сторожевых кораблей, и все же четыре смельчака разгромили караван. Каждый командир катера — Самарин, Беляев, Михайловский и Герой Советского Союза Афанасьев своими торпедными залпами вычеркнули из списков немецкого флота по одному крупному транспорту. Во время отхода на катере П. А. Михайловского внезапно заглохли моторы. Катер был изрешечен, имел подводные пробойны. Начался дрейф. Катер несло к берегу, занятому врагом. Оттуда уже показались немецкие сторожевые суда.

Не упали духом балтийцы. Было их немного — всего одиннадцать человек вместе с раненым командиром старшим лейтенантом П. А. Михайловским, но люди все как на подбор: бесстрашные и руки у всех золотые. Решив подороже продать свою жизнь, они подготовили катер к взрыву и начали борьбу за спасение родного корабля: банками из-под бензина откачивали воду, заделывали пробойны... Фашистов встретили дружным огнем... В этот миг заработал один из моторов. Отстреливаясь, катер ушел в море.

Однако беды экипажа на этом не кончились. Инертным газом отравились мотористы. Полумертвым вытащили из отравленного отсека парторга Зыкова. Но вскоре он пришел в себя и дважды вновь спускался туда и работал, пока не заделал пробойну. Одиннадцать отважных нашли в себе достаточно мужества и сил, чтобы еще в течение суток нести вахту на гибнущем катере. Наконец героям удалось приблизиться к берегу, только что отбитому у врага. Катер сел на грунт. Холодные волны гуляли по его палубе. Комсомолец радист Леша Баранов и парторг Зыков бросились в весеннюю воду. Они нашли наших пограничников, которые и помогли снять с катера остальных членов экипажа.

С января 1945 года оперативная группа штаба флота находилась в курортном поселке Паланге. Там же был штаб командующего военно-воздушными силами флота. Вблизи, между Лиенаей и Клайпедой, сосредоточилось тогда немало частей морской авиации. Развернулась и наша железнодорожная артиллерия. Войска 1-го Прибалтийского фронта готовились к операции по овладению Клайпедой. Флот оказывал поддержку сухопутным войскам.

Фашисты крепко держались за Клайпеду. При прорыве к морю нашим войскам сразу овладеть ею не удалось, так как противник занял заблаговременно подготовленные позиции, на подступах к городу были сильные укрепления, оборудованные фортами и железобетонными сооружениями. В обороне города участвовала береговая артиллерия и корабли второй ударной группы.

Портовые города и примыкающие к ним районы фашистские войска обороняли особенно упорно, настойчиво пытались не допустить базирования в них кораблей Краснознаменного Балтийского флота. Исключительное значение придавали они Клайпедо, порт которой использовали для доставки питания окруженной группировке.

10 декабря 1944 года на совещании германского главного командования по военно-морским вопросам подчеркивалось, что потеря Мемеля (Клайпеды) поставила бы под еще большую угрозу базы, районы боевой подготовки лодок и пути следования конвоев. Гитлер предложил главнокомандующему военно-морскими силами бросить все, чем располагает флот, на оборону Мемеля.

Противник хорошо понимал, что выход к морю наших войск в районе между Лиенаей и Клайпедой даст возможность организовать базирование катеров в непосредственной близости от этих портов. Он видел, что наша авиация сосредоточивается на аэродромах Паланги и Паневежиса, что к Клайпедо подтягивается железнодорожная артиллерия. Желая обезопасить себя от нарастающей угрозы, 10 января 1945 года гитлеровцы начали наступление с мемельского плацдарма в направлении Кретинги, чтобы соединиться с курляндской группировкой.

Танки и самоходные орудия врага вклинились в нашу оборону. Под угрозой находилась наша авиация, расположенная на аэродромах в полукруге десятка километров от линии фронта. Но прорыв был ликвидирован, причем решающую роль в этом сыграла авиация флота и его железнодорожные

батареи под командованием Г. И. Барбакадзе. Большую поддержку проявили бойцы батареи старшего лейтенанта Проскурова. Фашистским танкам удалось приблизиться к позициям гвардейцев на несколько сот метров. Организовав круговую оборону, командир развернул дальнобойные орудия в сторону прорыва, ударил по танкам прямой наводкой и первыми же снарядами три из них подбил. Но противник наседал. Комендоры Проскурова с гранатами, автоматами и противотанковыми ружьями выдвинулись вперед, заслонив путь врагу к батарее.

В срыве наступления противника выдающуюся роль сыграла 11-я Штурмовая Краснознаменная авиационная дивизия, которой командовал Д. И. Манжосов. Самолеты появились над полем боя в самую критическую минуту. Эскадрилья за эскадрилей шли они к месту прорыва и в упор расстреливали живую силу врага и его технику. Наступление было сорвано.

Потом под ударами частей 92-го стрелкового корпуса, штурмовиков Манжосова и артиллеристов Барбакадзе и Мясникова положение было восстановлено.

Вскоре наши войска перешли в наступление. Чувствуя безнадежность обороны города, немецкое командование приняло 21 января решение о разрушении порта Клайпеды. 28 января наши войска при участии кораблей и авиации флота заняли Клайпеду и этим самым завершили освобождение от фашистских захватчиков Советской Литвы.

В боях за освобождение Литовской республики действовала 16-я Литовская Краснознаменная стрелковая дивизия, получившая после занятия Клайпеды наименование Клайпедской. Припоминается разговор об этой дивизии с одним из матросов. Встретился я с ним по дороге в только что освобожденный город. Дорога еще не была проверена минерами, и мы с начальником боевой подготовки штаба флота капитаном 1-го ранга Н. Г. Богдановым продвигались осторожно.

На одном из участков подъехали к подорвавшейся на mine армейской грузовой машине. Солдаты стаскивали ее в сторону, освобождая путь. Среди них мелькнуло очень знакомое лицо. Где я его видел? Солдат смотрит на меня, улыбается. В памяти воскресает мостик корабля.

— Неужели Литвин?

— Да, товарищ комиссар, — называет он меня, как и прежде, в 1931 году.

Тогда Литвин был сигнальщиком, отличным, зорким сиг-

нальщиком, но недисциплинированным матросом: совершал самовольно отлучки, грубил командирам, вел себя вызывающе. Долго у него все, как говорится, не клеилось. Однажды он зашел ко мне в каюту. Командир БЧ¹ не пускает на берег, а ему обязательно надо уволиться.

— Опоздаешь,—говорю,—завтра выходим в Лужскую губу.

— Никто мне не верит,—с обидой отвечает Литвин.

Я знаю, что, будучи мальчишкой, он беспризорничал. Это наложило свой отпечаток на его непокорный характер.

— Вот что, Литвин, я тебе поверю, но знай, что ты очень нужен в походе.

— Есть, товарищ комиссар.

Не подвел, вернулся вовремя. С тех пор пошел на исправление.

Я обрадовался встрече с этим матросом, как встрече с близким человеком.

Пока стаскивали на обочину дороги подорванный грузовик, Литвин рассказал, что его дивизия участвовала во взятии Клайпеды.

— Здорово дрались литовцы! — с восторгом заявил он.

— Разве вы в литовской дивизии? — спросил я.

— Нет. Хотя фамилия моя и напоминает Литву, но я не литовец. 16-я Литовская наступала рядом с нашей. Хватка у ее солдат матросская.

Матросская хватка! В устах моряка это высшая похвала.

Оказывается, в дивизии, где служил Литвин, много моряков. Сейчас его часть ворвалась на косу Куриш-Нерунг. Будучи в Клайпедѐ, я заехал на эту косу, и мне удалось побеседовать с моряками, одетыми в серые шинели. Они жаловались, что гитлеровцы здорово бьют с моря.

— Они стреляют, а нам до них не достать. Надо бы их попугать.

Я рассказал бойцам о переброске в Южную Балтику торпедных катеров, об успехах артиллеристов 101-й гвардейской железнодорожной бригады.

— Я же говорил, что это наши флотские пушки справа бабахают. Так вот не верили,—радостно сказал Литвин.

Много сильных ударов по фашистам, прижатым к морю в районе Мемельской косы, и по их транспортам нанесла железнодорожная батарея капитана Лачина. Гвардейцы распо-

¹ Боевой части.

ложились у моря по-хозяйски. На прибрежных высотах, в дюнах, на опушках небольших лесных массивов создали наблюдательные посты, организовали непрерывное наблюдение за входом во вражескую бухту. От летчиков Лачин получил карту авиасъемки неприятельского порта. За короткий срок артиллеристы подбили два крупных транспорта, пытавшихся выйти в море. Один транспорт потопили.

В годы ленинградской блокады комендоры нашей железнодорожной артиллерийской бригады лишь только мечтали о стрельбах по морским целям. Теперь гвардейцы имели их вдоволь. Советские моряки твердой ногой стали на побережье открытого моря. Об этом говорил такой факт. В миле напротив орудий Лачина торчали из воды высокие мачты потопленного фашистского корабля. С каждым новым днем морская пучина засасывала его все больше и больше.

Из дивизии поехали на аэродром. В момент нашего появления на поле сели два самолета. Из одного вышел командир эскадрильи Бычков, из другого помогли выбраться летчику с обгоревшим лицом. Это был старый знакомый — ханковец Леонид Георгиевич Белоусов. Оба авиатора вернулись из разведки.

— Как самочувствие? — спрашиваю у Леонида Георгиевича.

— Как видите, летаю...

Немного помолчав, Белоусов с увлечением говорит:

— Летаем много, товарищ вице-адмирал, и воюем неплохо. Смотрите, сколько у нас самолетов! А разве можно сравнить их качество с теми, на которых дрались мы в 1941 году. Да и летчики другими стали. Взять хотя бы вот этот наш полет. Чтобы сделать нужный снимок, надо летать не меняя курса и высоты. Посмотрели бы, как летел Бычков. Противник бьет со всех сторон. Море огня. А он идет, не обращая на это внимания, как по линейке. Ему нужен снимок, хоть умри. Закалка, что и говорить.

Слушал я рассказ летчика, смотрел и думал: «Какой же замечательный ты человечище! Как и всегда, хвалишь за храбрость друзей, а о себе ни слова». А был уже в то время Леонид Георгиевич человеком легендарной славы. Ведь у него не только обгоревшее лицо, но и ампутированы обе ноги. История его вкратце такова. В 1935 году Белоусов окончил летное училище и попал на Балтику. В 1938 году с ним случилось несчастье. Однажды полк подняли по боевой тревоге: в воздухе нарушитель границы. Погода дрянная, низкая об-

лачность. Возвращался с задания слепым полетом. Аэродром нашел «классовым чутьем». Плюхнулся в стороне от рабочего поля. Врезался в сугроб. Машина загорелась. Начал рваться боезапас. Загорелся парашют. Огонь добрался до лица, до рук. Выбрался из кабины, товарищи помогли сбить огонь.

Лечили Белоусова долго. Восемнадцать суток лежал он без сознания. Сделали ему более 30 операций по пересадке кожи. Чудом сохранилось зрение. В это время началась финская война. Не выдержал авиатор, ушел на фронт. Воевал отлично. Был награжден орденом Красного Знамени.

Великую Отечественную войну встретил на Ханко. Командовал эскадрилей. Потом зимой 1941 года был заместителем командира и командиром авиационного полка на Ладоге. Летал в то тяжелое время без отдыха. Унты просыхать не успевали. Подморозил, простудил ноги. Ходить было больно. Врач предупредил, что можно потерять ноги. Белоусов запретил врачу говорить о больных ногах. Буквально под конвоем отправили в Алма-Ату лечиться. Оказалась гангрена. Отрезали сначала одну ногу — выше колена, потом другую — ниже колена. Лечился с марта 1942-го по май 1944 года. Из госпиталя вышел инвалидом первой группы и через несколько дней заявил жене (она жила тогда в Алма-Ате), чтобы собирала его на фронт.

— Ты с ума сошел! — всплеснула она руками. — Кто же тебя возьмет на фронт?! Ты же там обузой будешь. За тобой уход нужен!

«Не верит она в меня, — с горечью подумал Леонид Георгиевич. — Ничего, поверит! Я докажу», — и обратился к секретарю горкома партии с просьбой отправить на фронт.

Секретарь выслушал его внимательно, посочувствовал, назвал намерение Леонида Георгиевича хорошим, достойным коммуниста порывом, но помогать в отправке на фронт отказался.

— Не верит, — с досадой сказал огорченный летчик обреченной жене. — Ненормальным, что ли, считает. Напишу командующему авиацией Балтийского флота Михаилу Ивановичу Самохину. Он меня знает. Он поверит, что я могу летать.

Ответа ждал долго. Командующий читал письмо Белоусова летчикам, советовался с ними. Все пришли к выводу, что посадить инвалида первой группы на самолет — это все равно что убить его.

— И Самохин не верит, никто не верит! — переживал Леонид Георгиевич. Теперь и сам он стал сомневаться, может ли управлять самолетом, но не сдавался. «Не сумею быть летчиком, буду стрелком-радистом, стреляю я хорошо», — думал он.

В один из дней жена не застала Леонида Георгиевича дома. Тайком от нее он добрался до вокзала, влез в московский поезд и попросил военных товарищей посадить его на самую верхнюю полку, чтобы не сняли с поезда, если жена поднимет тревогу и попытается вернуть его домой.

В Москве переселся на ленинградский поезд помогали фронтовики. Жене дал телеграмму, чтобы не беспокоилась. Дал телеграмму и в Ленинград старому своему боевому товарищу Ивану Ивановичу Сербину: «Встречай, друг».

Друг встретил и повез на аэродром. Костыли пришлось бросить, чтобы не показаться товарищам беспомощным. Ходил с палкой. Больно, неловко, непривычно, но ходил, ходил, ходил.

Иван Иванович Сербин¹ доложил мне о прибытии Белоусова и долго уговаривал нажать на командующего ВВС, чтобы разрешил Белоусову тренировки на самолете. Но и мне не верилось, что человек в таком состоянии может летать. Потом вместе с Сербиным зашел М. И. Самохин. Сербин убедил-таки его в том, что такие, как Белоусов, все могут.

— Может, вывезти его, — размышлял Михаил Иванович, — не получится, так и скажем: извини, сам убедился, что летчику ноги нужны.

— А не лучше ли взять Белоусова в штаб ВВС на такую работу, где поменьше беготни, — предложил я. — Человек он опытный, знающий, и думаю, что доволен будет.

— Он хочет летать, — упрямо твердил Сербин, — и летать будет. Знаю я его.

Остановились на том, что Иван Иванович попытается все же доказать Белоусову, что на штабной работе он будет полезнее.

Через некоторое время Сербин снова зашел и как о чрезвычайном происшествии доложил, что Белоусов при содействии своих товарищей и без разрешения начальства начал тренировки на самолете. Что делать? — спросил он.

¹ И. И. Сербин был заместителем командующего ВВС КВФ по политчасти.

запоминается навсегда с первого взгляда. Много лет назад оно обгорело. Щеки, уши, нос, лоб, губы... Нет ни одного пятнышка не обгоревшей кожи. Удивительно, как могли сохраниться глаза — умные, живые глаза, обведенные розовыми ободками вместо уничтоженных огнем век. Это Герой Советского Союза Леонид Георгиевич Белоусов.

От него ждали рассказа о себе.

— О себе что же рассказывать! Воевал, как все. Нам, летчикам, для того и самолеты вручали, чтобы мы фашистов били. Мне хочется рассказать о незаметных героях авиации, о людях, которых редко вспоминают, о тех, кто готовил к вылету самолеты. Без самоотверженного труда технического состава летчики были бы бессильны. Представьте себе, — продолжал он, — приходит самолет с боевого задания. Иной раз у него десятки пробоин. Думаешь, как же ты, сердечный, выдержал, как не плюхнулся. Доложит летчик командиру о выполнении боевого задания и бежит к своему «ястребку», чтобы помочь технику залатать дырки. А командир заворачивает его обратно: иди ужинай и отдыхай, утром тебе вылетать. Здесь и без тебя справятся. И остается техник на всю ночь у самолета на двадцатиградусном морозе. Приходит летчик утром. Техник с левой руки перчатку скинул, в правой заиндевелый ключ держит, глянет на летчика, не отрываясь от работы, и еще старательнее заходит ключ в его руку. Сейчас, говорит, все будет в порядке, как новенький... Вот только последнюю пару гаечек прикручу.

«Как же ты на этаким морозе такие маленькие гаечки ставишь?» — «А вот смотри». Плюнет на палец, приложит его к гайке, она и пристынет, ставь куда хочешь. Иногда на этой гайке кусочек кожи от пальца остается. Сунет техник палец в рот, пососет его, подует на руку и прилаживает следующую гайку другим пальцем. После такого ремонта не только у летчика, а и у самолета злости на врага прибавится. А я что — двухсотмиллионная частичка советского народа.

Слушаешь Леонида Георгиевича и думаешь: такие двухсотмиллионные частички, сплоченные партией в единый боевой организм, не могли не победить коричневую смерть.

Морским летчикам на заключительном этапе войны пришлось основательно поработать. Замечательно в ту пору воевали топмачтовики, торпедоносцы и штурмовики. Они группами выходили на поиски противника и комбинированными ударами уничтожали его. 12 марта такая комбиниро-

ванная группа потопила сразу пять фашистских транспортов. Только за февраль и март наша и армейская авиация уничтожила 59 транспортов, семь сторожевых кораблей и два тральщика, да повредила не меньшее количество. В числе поврежденных были два легких крейсера и три миноносца.

Не обошлось, конечно, и без потерь с нашей стороны, но они были минимальными. Пубалт, как правило, сообщал в Главное политуправление ВМФ о наиболее выдающихся подвигах. К числу их относятся и сообщения о подвиге майора В. Н. Каштанкина, направившего свой поврежденный самолет на сторожевой корабль противника. Лейтенант А. И. Стрытилов таранил корабль противника. Героически вели себя три славных сына Родины — летчик младший лейтенант Носов, штурман младший лейтенант Игошин и стрелок-радист сержант Дорофеев. Их самолет-топмачтовик шел на высоте всего лишь 30 метров. Гитлеровцы открыли яростный огонь. Один снаряд попал в самолет. Гибель была неизбежна, и летчик направил горящую машину с бомбами в транспорт противника, на борту которого были войска и громоздилась техника.

Об этом подвиге 15 февраля 1945 года сообщалось в сводке Советского информбюро: «Авиация Краснознаменного Балтийского флота атаковала в районе мыса Риксгефт (Балтийское море) несколько транспортов противника. Самолет, пилотируемый летчиком Носовым, был подбит и загорелся. Летчик направил горящий самолет на немецкий транспорт и врезался в него. Произошел взрыв. Транспорт водоизмещением в 6 тысяч тонн пошел ко дну. Экипаж в составе тт. Носова, Игошина и Дорофеева погиб смертью героев».

Боевой успех бомбардировщиков крепко обеспечивали летчики-истребители гвардейской части под командованием Героя Советского Союза подполковника А. А. Мироненко. Гвардейцев справедливо называли «мастерами прикрытия», «панцирем ударной авиации». Это исключительно верно! Десятки фашистских самолетов под Клайпедой сбили наши истребители. Личный пример в бою своим воинам показывал командир. Более 750 боевых вылетов совершил за время войны этот опытный летчик, сбив лично 20 самолетов противника. «Воевать, как Мироненко!» — к этому стремились все авиаторы прославленной части.

В конце марта 1945 года войска 3-го Белорусского фронта разгромили хайльсбергскую группировку противника. Пред-

стоял штурм Кенигсберга — первоклассной крепости, многовекового очага агрессии Германии. История этого громадного города, как и история самой Восточной Пруссии, все время шла путями войны. Здесь в старину были замки-крепости тевтонских рыцарей. Позже Кенигсберг становится осиным гнездом пруссачества и вырастает в зловещую лабораторию войны. Здесь же пестовались кадры германского милитаризма.

В железо и бетон гитлеровцы одели эту цитадель. 24 форта и другие долговременные сооружения составляли основу ее мощной системы обороны. Главный гаулейтер Восточной Пруссии Эрих Кох назвал Кенигсберг твердыней Германии, а его солдат — носителями духа тевтонов. И вот над этой твердыней занесла карающий меч Советская Армия. На Кенигсберг нацелились тысячи стволов грозных орудий. Были среди них и морские дальнбойные...

В связи с подготовкой полного уничтожения восточно-прусской группировки и штурма Кенигсберга надо было уточнить задачи флота и доложить Маршалу Советского Союза Василевскому о наших возможностях. По договоренности с командующим флотом я выехал с этой целью в штаб 3-го Белорусского фронта.

Александр Михайлович Василевский располагался в небольшом деревянном домике. Обставлен он был более чем скромно. Помещение скорее напоминало фронтową хату командира соединения, чем ставку маршала.

А. М. Василевский познакомил меня с вопросами, которые интересовали Военный совет флота, и подчеркнул, что действия на коммуникациях противника являются для нас сейчас главными. Важно нарушить морские сообщения и блокировать окруженные и прижатые к морю группировки немецко-фашистских войск. Ну и, конечно, содействовать наступлению наших войск вдоль побережья.

— Предстоит очень сложное дело, — говорил он, — гитлеровцы под Кенигсбергом окажут отчаянное сопротивление. Решающее слово будет принадлежать авиации и артиллерии.

Мы предложили использовать нашу дальнбойную подвижную артиллерию, но для этого требовалось построить 30-километровую железнодорожную ветку. А. М. Василевский одобрил это предложение.

6 апреля в 9 часов утра прозвучали залпы гвардейских минометов. Это был сигнал. Сразу же по Кенигсбергу уда-

рили сотни советских пушек. Впереди все заволочло дымом, кирпичной пылью. А орудия били и били. Затем рванулись вперед танки, за ними пехота. Начался штурм. Начался одновременно с восемью сторон.

Три дня продолжались жестокие бои. Три дня дрожал город, засыпаемый снарядами, минами. Все это время танкистам и пехоте добротной помогала сокрушительным огнем наша гвардейская артиллерийская железнодорожная бригада. Батареи Калашникова и Антощенко били по фортам и огневым точкам противника, которые находились вне досягаемости армейской артиллерии, по железнодорожному узлу, по порту и кораблям, препятствуя эвакуации гарнизона крепости.

В 9 часов 30 минут вечера 9 апреля 1945 года матерый прусский волк комендант крепости генерал от инфантерии Ляш подписал акт о капитуляции гарнизона. 92 тысячи пленных и около 42 тысяч убитых гитлеровцев — таков итог этой операции, успешно проведенной советскими войсками.

Нигде на вражеской территории не видел я таких больших разрушений, какие были в Кенигсберге. В центре города не было ни одного целого здания. В некоторых местах создавалось впечатление, что в одно и то же здание попало несколько бомб и снарядов — кирпич был истолчен, точно перемолот гигантскими жерновами. Проехать было трудно и часто невозможно из-за завалов и нестерпимого жара. Горели дома. Целые кварталы были затянуты едким дымом... В этом хаосе советский воин уже наводил порядок: очищались для проезда магистрали, тянулись понтонные мосты через реку Прегель, шло разминирование уцелевших зданий.

После взятия Кенигсберга наши войска занялись очисткой Земландского полуострова. В оперативном подчинении командира армейского соединения, наступавшего вдоль северного побережья залива Фриш-Гаф, находился наш дивизион речных бронекатеров. На борту одного из них мой однофамилец капитан 3-го ранга Смирнов рассказывал мне, как трудно было транспортировать катера по железной дороге. Сложной была погрузка на платформы и разгрузка в реку.

— А главное,— говорил он,— непривычно: корабль — и вдруг на железнодорожной колее. Команда почувствовала себя только тогда спокойно, когда катера оказались на воде.

На войне всего можно ожидать. Но разве могло мне тогда прийти в голову, что через два дня и этот катер, на котором я стою, и рассказчик, которого я внимательно слушаю, погибнут.

Вот как это было. 15 апреля два бронекатера получили задание поддерживать артиллерийским огнем со стороны Кенигсбергского канала наступающие части Советской Армии. Катером № 214 командовал лейтенант Задорожный. Другим катером (номера не помню) командовал лейтенант Брандер. На 214-м находился командир отряда Смирнов. В пылу боя катера вырвались за линию фронта и попали под прямую наводку самоходной немецкой установки «фердинанд». В бронекатер № 214 угодило четыре снаряда: в ходовую рубку, в машину, в бензоотсек и в носовой артиллерийский погреб. Начал рваться боезапас. Погибли командир отряда Смирнов и еще четыре товарища, фамилии которых, к сожалению, я не мог восстановить.

Горящий бронекатер, потерявший всякое управление, дрейфовал к одному из островков. Второй катер не мог оказать ему помощь, так как находился далеко от места происшествия. Лейтенант Задорожный приказал краснофлотцам оставить катер и добираться до берега вплавь.

Безоружная группа моряков в 6—7 человек поплыла к дамбе, поддерживая двоих раненых товарищей. Впрочем, неверно, что они были без оружия. У лейтенанта был наган. Один наган на всех. Выбрались на берег и... обнаружили, что он занят противником. Но катерники не считали себя ни беспомощными, ни тем более побежденными. Они не растерялись. При виде советских моряков растерялись немцы.

Появление наших матросов для фашистов было, видимо, совершенно неожиданным. О степени их растерянности можно судить по тому факту, что группа в 25 человек по первому требованию Задорожного подняла руки вверх и под дулом наведенного на них нагана позволила себя обезоружить. Теперь матросы имели немецкие автоматы с полными обоймами патронов и даже гранаты. Среди пленных оказался санитар, ему было приказано перевязывать раненых. А к этому времени к дамбе подходил катер Брандера.

Оказывается, Брандер успел вернуться на место базирования катеров и доложить командиру дивизиона капитану 2-го ранга Крохину о том, что случилось с катером № 214. Крохин приказал Брандеру немедленно идти на выручку товарищей. Теперь выручка свелась к тому, что на катер

вместе с матросами 214-го погрузились и их военнопленные. А израненный катер все же удерживался на плаву.

25 апреля войска 3-го Белорусского фронта записали в летопись Великой Отечественной войны еще одну крупную победу. Пала крепость и военно-морская база гитлеровцев Пиллау. Авиация КБФ сорвала попытки эвакуировать ее гарнизон морем. Несмотря на исключительно сильную противовоздушную оборону, наши летчики систематически изо дня в день бомбили гавани Пиллау.

В ночь на 26 апреля солдаты 11-й гвардейской армии ворвались на узкую, длинную, семидесятикилометровую, косу Фриш-Нерунг. Война изменила ландшафт живописной косы. Она открыла в песчаной почве траншеи, запутала их проволочными заграждениями. Уже давно были заняты Данциг и Гдыня, уже окружена была нашими войсками столица фашистской Германии и шли бои в самом Берлине, а Гитлер грозил расстрелом тем, кто не выстоит на этой злосчастной косе. 35 тысяч солдат с танками, пушками, минометами обосновались на Фриш-Нерунге. Их поддерживала авиация и корабельная артиллерия. Обороне гитлеровцев способствовали и особенности плацдарма. Лес позволял врагу маскировать оборонительные укрепления. Песок затруднял движение орудий и танков наступавших советских войск. Двухкилометровая ширина косы не позволяла нам действовать крупными силами или совершить обходный маневр. Необходимо было высаживать десанты и зажать фашистов в клещи. В ход пошли все имеющиеся в этом районе корабли — катера, тральщики, канонерские лодки.

Комбинированным ударом с суши, моря и воздуха враг был сокрушен гвардейцами генерала Галицкого и моряками КБФ. Это была последняя совместная крупная и очень дружная операция солдат и матросов по «доколачиванию фрицев», как говорили тогда наши воины. Ее успех был обеспечен большой целеустремленной партийно-политической работой, проводимой на катерах, тральщиках, в эскадрильях, в частях морской пехоты. Военный совет ставил в пример всем политработникам флота оперативные действия политработников капитана 2-го ранга Ф. Д. Шаройко, подполковника М. Е. Прокофьева, капитана 3-го ранга В. Р. Романова.

Высадку десантов на косу начали с двух сторон: восточной (командир группы — контр-адмирал Н. Э. Фельдман) и западной (командир группы — капитан 1-го ранга А. В. Кузьмин). Всей операцией руководил вице-адмирал Н. И. Вино-

градов. В качестве десантников использовались испытанная и многоопытная 260-я бригада морской пехоты, которой командовал генерал И. Н. Кузьмичев, батальон моряков майора А. О. Лейбовича и два гвардейских стрелковых полка.

Я был в районе посадки на десантные средства у электростанции в местечке Пейза и слышал, как начальник политотдела полковник А. Н. Полярный давал наставления коммунистам 260-й бригады.

— Товарищи, может быть, это последний случай отличаться, ведь наши уже в Берлине,— говорил он.— Только бдительности не теряйте. Фашисты будут биться до иступления, тут на кося много эсэсовцев.

Бои были ожесточенные. Исключительно смело действовали катерники гвардейского дивизиона героя первых боев на море летом 1941 года Сергея Александровича Осипова. Торпедные катера осуществляли переброску на косу десантных частей гвардии полковника Белого. В бой шли рядом матрос-гвардеец и солдат-гвардеец.

Вспоминая о начале боя, С. А. Осипов рассказывал:

«Море было чудесное, спокойное. Из-за облаков вынырнула луна, и стало намного светлее. Скоро должен быть берег, подумал я. И почти сразу же увидел справа по курсу катеров три силуэта. Это были фашистские корабли. Немедленно об этом было сообщено на канонерские лодки, и они открыли сильный артиллерийский огонь. Раздался взрыв. Столб огня на какой-то миг осветил все находящееся поблизости на море. Вражеский корабль пошел на дно. Остальные два отвернули и полным ходом ушли в сторону.

Капитан-лейтенант Родионов быстро подошел к месту гибели корабля и подобрал уцелевших фашистских моряков. Нам стало ясно, что с берега все видели (столь дорогой на войне элемент внезапности пропал) и теперь успех зависел от быстроты и решительности действий.

Катера с первым броском десанта до предела увеличили ход и понеслись к месту высадки. Катер Шлисса первым достиг берега. В это время гитлеровцы опомнились и открыли огонь. По катеру из дота бьет 20-миллиметровый автомат. Вслед за этим началась ружейная и пулеметная стрельба из окопов... С катеров открыли пулеметный огонь по огневым точкам врага. Вступила в дело и артиллерия наших канонерских лодок. Вдруг мы увидели сильный взрыв и фейерверк разноцветных трасс. Это вместе с дотом взлетел на воздух боезапас.

Часть гвардии полковника Белого с ходу вышибла фашистов из первой линии окопов. Недобитые враги поднимали вверх руки. Оставив пленных со слабым охранением, гвардейцы быстро продвигались вперед.

Вдруг что это? Автоматные очереди в спину гвардейцам. Наиболее озверелые гитлеровцы из числа оставленных без надлежащего надзора пленных вероломно открыли огонь. Они были быстро обезоружены.

Днем 26 апреля обе десантные группы соединились с сухопутными войсками. Десантники уничтожили около 1700 фашистов. В плен было взято 5800 гитлеровцев.

В апреле нацистские газеты пестрели воплями о необходимости устоять против «натиска русских». «Боритесь, как индейцы, и деритесь, как львы!» — призывали они недобитых вояк. И многие из обреченных сопротивлялись упорно и злобно. Но остановить победную поступь наших войск было нельзя. В холодную апрельскую ночь войска 2-го Белорусского фронта под командованием маршала К. К. Рокоссовского распахнули северные «ворота» Берлина, как называли нацисты Штеттин. Быстро продвигались советские дивизии к Эльбе, неумолимо шли на Берлин.

Теперь в Военный совет Балтийского флота непрерывно поступали доклады об уничтожении целых групп военных кораблей и транспортов противника. Торпедные катера под командованием Е. В. Осецкого и Героя Советского Союза В. М. Старостина врывались на рейды и топили стоявшие там немецкие корабли. Они проводили ночные поиски и препятствовали эвакуации фашистских войск на запад. Дивизии морской авиации под командованием полковников Д. И. Манжосова, М. А. Курочкина и подполковника Я. З. Слепенкова наносили удары в море и на базах противника. Им было где развернуться. В порту Хела они потопили корабль ПВО «Ганс Альбрехт Ведель», тральщик, 14 транспортных судов, десятки мотоботов.

30 апреля 1945 года на здании рейхстага в Берлине взвился красный флаг, 2 мая был взят весь город. Гарнизон Берлина капитулировал. А бои на Балтийском море все еще продолжались. У противника еще оставался курляндский плацдарм. В его руках были Лиепая и крупный порт Свинемюнде. Последний пал 5 мая.

Вели балтийцы бои даже и 9 мая, когда весь мир радовался окончанию войны. В этот день катера МО 5-го Краснознаменного дивизиона настигли в море группу немецких су-

дов, не пожелавших капитулировать, и потопили десять вспомогательных кораблей, взяли в плен 1500 гитлеровцев и привели в Клайпеду и Вентспилс два буксира и быстроходную десантную баржу.

Нежелание сложить оружие дорого обошлось противнику. 9 мая мы вынуждены были громить у берегов Борнхольма конвой с эвакуировавшимися войсками с полуострова Хела. По данным шведского радио, тогда было потоплено 15 судов и погибло 30 тысяч человек. Бесцельные, бессмысленные жертвы!

Упрямством и дикой ненавистью фашистов к Советскому Союзу объясняется и последний десант балтийцев 9 мая 1945 года на датский остров Борнхольм. 8 мая командующий флотом передал по радио немецкому гарнизону острова ультиматум о капитуляции. Гитлеровцы отказались сложить оружие. Пришлось нанести удар по фашистскому штабу, расположенному в порту Рэнне. Эту задачу выполнили летчики под командованием дважды Героя Советского Союза полковника А. Е. Мазуренко. В то же время из Кольберга вышел десант и 9 мая высадился на острове. Но фашисты упорствовали. Они не принимали капитуляции и теперь. После высадки нашего десанта на пристань приехал немецкий офицер и предложил через 20 минут покинуть порт, иначе он грозил открыть по торпедным катерам огонь. Этот усердный гитлеровец тупо следовал категорическому приказанию адмирала Деница, ставшего во главе нацистского правительства после смерти Гитлера, сдать остров англичанам. Не вышло! Чтобы доказать, что шутить с фашистскими недобитками мы не собираемся, пришлось поднять в воздух авиацию. Большому гарнизону Борнхольма пришлось-таки капитулировать перед маленьким отрядом матросов.

Мне рассказывали, что, когда ранним майским утром наши катера уходили в последнюю боевую операцию, кто-то из моряков, импровизируя, затянул песню приамурских партизан времен гражданской войны. Звучала она в его устах примерно так:

Разгромили мы фашистов,
Потопили вражий флот
И на острове Борнхольме
Свой закончили поход!

Верные, хорошие слова! Да, вдалеке от кронштадтских гранитных причалов закончили матросы Балтики войну. Они защищали Родину мужественно и смело, как и подобает ее верным сынам.

Содержание

ОТ АВТОРА	3
ПРЕДИСЛОВИЕ (Ю. Пантелеев)	4
СЛУШАЙ, ТОВАРИЩ...	8
БАЛТИКА ПРИНИМАЕТ БОЙ	15
«ГЕРОИ — ВАШИ МОЛЯКИ...»	35
У СТЕН ЛЕНИНГРАДА	49
ИСПЫТАНИЕ	88
«ДОРОГА ЖИЗНИ»	105
ЕСТЬ У НАС ЕЩЕ В МОРЕ ДЕЛА	123
ПРОМЕТЕЙ РВЕТ ЦЕПИ	150
В РОДНЫЕ БАЗЫ	182
В ЗАВЕРШАЮЩИХ БОЯХ	222

Смирнов Николай Константинович
МАТРОСЫ ЗАЩИЩАЮТ РОДИНУ

Редактор Л. Ф. Филатова

Художественный редактор С. Сергеев

Технический редактор Н. Трояновская

Сдано в набор 24 октября 1967 г. Подписано в печать 16 января 1968 г. Формат 60 × 84^{1/16}. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 15,223. Учетно-изд. л. 14,44. Тираж 100 тыс. экз. А11896. Заказ № 767. Цена 70 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий».

Москва, Краснопролетарская, 16.